

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

№ 1 (40)
2014

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор — **В.А. Чепляев**
Зам. главного редактора — **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь — **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

А.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасимин, *д-р филос. наук*; **В.В. Герасимова**, *д-р экон. наук*;
В.М. Долгов, *д-р ист. наук*; **О.А. Лиценбергер**, *д-р ист. наук*;
А.В. Рязанов, *д-р филос. наук*; **Е.Ю. Сидорова**, *д-р экон. наук*;
Ю.И. Тарский, *д-р социол. наук*; **О.И. Цыбулевская**, *д-р юрид. наук*;
С.Е. Чаннов, *д-р юрид. наук*; **Т.И. Черняева**, *д-р социол. наук*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2014

№ 1 (40)
2014

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
F O R C I V I L S E R V I C E

Science journal

Founder:

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

Editor-in-chief: **V.L. Chepliaev**
Deputy editor-in-chief: **O.N. Fomin**
Executive secretary: **D.V. Akaev**

Editorial council:

L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkusbkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Science (Philosophy)*;
V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics)*;
V.M. Dolgov, *Doctor of Science (History)*;
O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History)*;
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy)*;
E.Yu. Sidorova, *Doctor of Science (Economics)*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law)*;
S.E. Channov, *Doctor of Science (Law)*;
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2014

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

N.A. Baryshnaya
Ethno-Cultural Diversity
in a Region: Challenges
and Expectations

The modern ethno-cultural situation at the regional level in Russia is analyzed. The use of the deprivation approach to analyzing the effectiveness of implementation of the regional national and cultural policy is grounded. Particular attention is paid to the integration of ethnic migrant communities in social, economic and political environment of small towns.

Key words and word-combinations: social structure, migration, national and cultural policy, social borders, new ethnic groups, deprivation.

Анализируется современная этнокультурная ситуация на уровне регионов России. Обосновывается использование депривационного подхода для анализа эффективности реализации региональной национально-культурной политики. Особое внимание уделяется проблеме интеграции этнических миграционных сообществ в социальную, экономическую и политическую среду малых городов.

Ключевые слова и словосочетания: социальная структура, миграция, национально-культурная политика, социальные границы, новые этнические группы, депривация.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Н.А. Барышная

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В РЕГИОНЕ: ВЫЗОВЫ И ОЖИДАНИЯ

Современная национально-культурная политика, реализуемая на большей территории регионов России, и Саратовской области в частности, характеризуется усилением тенденций к культурному и социальному размежеванию, формированию новых границ, и социальных, и этнических [1, с. 5–10].

Рост культурного разнообразия (за счет увеличения миграционных процессов в первую очередь) стал одним из факторов, дестабилизирующих современное российское общество, и Саратовская область не исключение. Опираясь на результаты проведенного исследования (проведено в рамках гранта РГНФ № 12-33-01026 «Депривационный анализ факторов этносоциальной напряженности», руководитель проекта — К.С. Мокин), можно констатировать, что большинство населения оказалось не в состоянии проявить терпимость, согласие, принять в свое сообщество новых членов — носителей иных культурных ценностей, тех, кто заведомо нахо-

дится на более низкой социальной ступени, предоставить им не только социальные гарантии, но и право на этнокультурное самовыражение, реализацию их собственной этнокультурной идентичности. Исследования проводились в 13 районах Саратовской области в период с 1 декабря 2012 г. по 25 декабря 2012 г. Выборка квотная, пропорциональная, репрезентативна по территории проживания, полу, возрасту и образованию. Всего опрошено 3800 человек. Погрешность полученных данных не превышает 3%. Опрос проводился по месту жительства респондентов методом формализованного интервью.

Характерным элементом современной этнокультурной ситуации в регионах России стало то, что государство (в лице разного рода администраций и органов власти) объектом «национально-культурной» политики выбрало не население (во всем его многообразии), а административно-юридических агентов — зарегистрированные общины диаспор (национально-культурные центры). Последствия подобной политики — «избирательное действие», когда в фокусе внимания государства оказывается не все население, а отдельные его сообщества или, точнее, отдельные этнические предприниматели [2, с. 125], использующие свою этнокультурную идентичность как ресурс извлечения материальных и политических выгод.

За пределами внимания власти осталось и местное (принимающее) население, и общины, которые, если и имеют некий юридический статус, не входят во фронт «приближенных». Например, несмотря на наличие юридически зарегистрированных национально-культурных сообществ азербайджанцев, армян, турок-месхетинцев, чеченцев в городах региона, они максимально дистанцируются от участия в общественных, политических и социально-экономических мероприятиях. Исключение составляет их деятельность на региональном уровне — политическом, обязывающем позиционировать присутствие общины в региональном контексте (участие в разного рода национальных советах, согласительных комиссиях и т.д.).

Местное (принимающее) население, лишённое в силу объективных причин возможности оценить позитивные последствия роста культурного многообразия, не чувствует потребности в культурном диалоге с иммигрантами, испытывает дискомфорт от контактов с иными поведенческими установками и социальными стереотипами, которые «нарушают» представления о «цивилизованных» нормах общения. В этих условиях возникает скорее потребность в самозащите, сохранении своего «понятного» социального, экономического и политического статуса, а не желание принять и защитить «иных» [3, с. 45–147].

Подобную (встречную) реакцию демонстрируют и инокультурные мигранты, особенно прибывшие из небольших поселений, сёл республик Средней Азии, пополняющие ряды диаспор и этнических меньшинств. Столкнувшись с новой для них культурой, достаточно высоким темпом и насыщенностью жизни, с её разнообразием, обезличенностью в публичных местах, «раскованностью», часто циничным отношением к пожилым людям, женщинам и детям, они часто просто шокированы состоянием «цивилизации», в которую они планировали интегрироваться и с которой связывали будущее своих детей. У мигрантов «свои» взгляды и другие «нормы», и они видят свою цель в их продвижении ради улучшения общей ситуации. Каждая из сторон утверждает свою правоту и

использует массу культурных (и не только) аргументов, стереотипов, мифов, историй, работающих как на культурную интеграцию, так и против нее [4].

В настоящее время при анализе эффективности реализации региональной национально-культурной политики доминирующим должен стать депривационный подход, в рамках которого детерминантами этносоциальной напряженности (как ключевого последствия, роста культурного многообразия с точки зрения доминирующего дискурса) рассматриваются объективированные и необъективированные притязания принимающего населения и мигрантов, то есть мотивированное желание людей обладать, пользоваться (располагать) материальными благами, разнообразными услугами и социальными позициями. Нереализованность таких личных желаний обуславливает формирование претензионной депривации и определяет характер этносоциальной напряженности [5, 6].

Это позволяет определить особую плоскость изучения межгруппового взаимодействия, в основе которой лежит система ожиданий, причем как позитивных, так и негативных. В системе социальных отношений данный подход согласуется с теорией У. Томаса: «Если ситуация определяется человеком как реальная, то она реальна по своим последствиям». Иными словами, исходя из перспективы построенных ожиданий, человек фактически определяет свое поведение, стратегии достижения поставленных целей.

Совмещение оценок ожиданий иммигрантов и принимающего населения дает возможность оценить потенциальные «болевые точки», являющиеся коллекторами этносоциальной напряженности. При этом один из ключевых показателей — «дрейф идентичностей», фиксируемый как смещение ценностно-мотивационных и ценностно-достижительных установок. Понимание идентичности / [само]идентификации в качестве не статичного объекта, а процесса, подверженного влиянию извне, позволяет в этих условиях очертить спектр вероятных стратегий взаимодействия. «Размывание» границ этнокультурной идентичности индивидов и [ре]конфигурирование социальных границ внутри локального сообщества в современных условиях неизбежно [6]. Очень важно выработать «формулу интеграции», при реализации которой не только адаптировались и интергировались бы инокультурные иммигранты, но и местные жители были бы готовы к необратимому процессу роста культурного многообразия, понимая и осознавая все плюсы и минусы такого процесса. Необходимо привнесение в систему регионального управления национально-культурной политикой понимания, что интеграция — «двустороннее шоссе», — без активного участия населения ни один регион не станет иммиграционно привлекательным, что вкупе с серьезными демографическими рисками приносит риски и репутационные.

Одним из ключевых моментов культурной и социальной адаптации является языковая проблема. Немногие современные мигранты владеют русским языком в достаточной степени даже для решения самых первичных проблем, самостоятельного оформления въездных документов, оформления проживания. Особенно это касается молодежи и детей, у которых нет опыта общения на русском языке.

В отношении мигрантов, плохо знающих русский язык, но ориентированных на постоянное проживание, ситуация усугубляется тем, что для получения

гражданства необходимо пройти обучение на курсах и сдать экзамен. Обучение на курсах и сдача экзамена осуществляются в областном центре (г. Саратов) на базе университета (филологическое отделение), что, естественно, для многих невозможно по причине удаленности и дороговизны. Сложность заключается и в том, что длительность курсов русского языка составляет почти два месяца, а срок нахождения на территории России по миграционной регистрации — три месяца. Таким образом, у мигранта после обучения и успешной сдачи экзамена остается месяц на оформление вида на жительство, получение разрешения на трудовую деятельность (патент), что занимает более полутора месяцев (по факту). Сложившаяся ситуация, естественно, решается мигрантами «иными способами», что, с одной стороны, реализует краткосрочные задачи адаптации, а с другой — это серьезно осложняет дальнейшую интеграцию, т.к. мигрант фактически так и не учил язык.

Современный город непрерывно производит новые различия и редуцирует уже имеющиеся. При этом он, как социально-культурная и социально-экономическая система активно реагирует на рост разнообразия (и, по сути, энтропии в городском сообществе), декларируя уважение к «иным» культурам, но всячески дискриминируя ее носителей. В данных условиях происходит формирование и развитие городской соционормативной культуры, понимаемой как формальные и неформальные образцы и паттерны поведения, которые со временем (одни образцы появляются, другие уходят) становятся общепринятыми и указывают жителям, что следует делать, а что нет. Соционормативная городская культура выполняет роль регулятора и реализует функцию контроля в сообществе. Если люди («иные») не следуют общепринятым поведенческим предписаниям, то возникает ощущение, что они бесконтрольны, а значит потенциально опасны. Именно ощущение (потенциальной) опасности и вызывает негатив, раздражение, неприятие, ненависть.

Важно также то, что современную основу городской идентичности у большинства жителей составляет чувство привилегированности по отношению к мигрантам и мигрантским сообществам. Город (в региональном масштабе) — важный, но очень дефицитный ресурс, своего рода исключительное место, где можно «нормально» жить. Это относится не только к инокультурным мигрантам, но и к жителям небольших поселений, сел, деревень, прилегающих к городу районов. Опираясь на собственные наблюдения, отметим, что людей, проживающих в городе, объединяет не чувство гражданской ответственности за свой город, а ощущение своего превосходства над всеми «другими» и требование от «других» («иных») существенных усилий для того, чтобы заслужить право стать «своим» (местным). Это тревожный индикатор, поскольку показывает, что городская идентичность работает не как инкорпорирующая, позволяющая людям объединяться и интегрироваться в сообщество, а скорее как исключаяющая, противопоставляющая сообщество горожан («своих») всем остальным.

Однако роль националистически настроенных политиков регионального и городского масштаба, элиты, групп неонацистов для понимания современной этнокультурной политики городов невелика. Сложившаяся форма «мягкого ра-

сизма», скорее, основана на более прозаических, институционализированных бюрократических практиках, которые производят и воспроизводят этнические различия в «ткани» повседневной жизни в качестве чего-то нормального, естественного и необходимого.

Рассуждая об интеграции этнических миграционных сообществ в социальную, экономическую и политическую среду малых городов, необходимо четко понимать, что сами миграционные сообщества, как и городское «большинство», чрезвычайно гетерогенно. Речь должна идти о взаимной интеграции множества гетерогенных сообществ, с осознанием того, что в итоге нового гомогенного сообщества не получится. Или иначе, парафразируя «единство в многообразии» (очень удачная формула для страны в целом) во «множественную множественность» (или «многомерную множественность») для городов. В связи с этим политика культурного многообразия городов должна строиться на поиске общих принципов, таких, как язык (пусть не всегда русский), интересы территориального сообщества, цели. Для того чтобы заработали культурные механизмы, критически необходима эффективная работа механизмов социальных.

Какая этнокультурная политика на сегодня необходима малым поселениям и городам Саратовской области? Обзор существующих альтернатив этих политик [7] позволяет предположить, что на наш взгляд наиболее эффективной будет являться политика диффузии. Данный концепт характеризуется двусторонним движением, когда меняются представители всех культур. Это приводит к определенной гибридизации и выработке легитимной соционормативной культуры. «Диффузное» движение здесь важно не как способ отказа от каких-то своих этнических корней, истории, культуры, а в смысле приоритета социального над этническим, сближения (со)общества на основе общих целей и интересов.

Библиографический список

1. Тишков В.А. От общественного восприятия – к общественному сознанию // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. М., 2008.
2. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: учебник для вузов. М., 2011.
3. Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009.
4. Тишков В. Исторический феномен диаспоры // Исторические записки. 2000. № 3 (12).
5. Доклад о развитии человека. 2009 // Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / пер. с англ. М., 2009.
6. Migratory Processes in Europe: Evolution of the migratory interaction of the EU and Central and Eastern European countries / Central European University. Odessa, 2010.
7. Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов, 2009.
8. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011.

**I.I. Sanzharevsky
To the Issue of the Service
and Strong State Concepts
and Modern Upgrades
of Political Governance**

The theoretical and methodological bases of service functions development in modern statehood on the basis of the “service” and “strong” state concepts comparative analysis in the context of the current political management system modernization are considered.

Key words and word-combinations: the concept of a service state, the concept of strong statehood, political governance.

Рассматриваются теоретико-методологические основания развития сервисных функций современной государственности на основе компаративистского анализа концепций «сильного» и «сервисного» государства в контексте модернизации системы современного политического управления.

Ключевые слова и словосочетания: концепция сервисного государства, концепция сильной государственности, политическое управление.

УДК 321.01
ББК 66.02

И.И. Санжаревский

**К ВОПРОСУ
О КОНЦЕПЦИЯХ
СЕРВИСНОГО И СИЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА
И СОВРЕМЕННЫХ
МОДЕРНИЗАЦИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ**

Поиски ответов на вопросы справедливости и эффективности во взаимодействии государства и гражданского общества являются актуальной проблемой на протяжении всей истории существования человечества. Согласно тезису Платона и Аристотеля политика есть искусство управления государством, поэтому человечество постоянно оттачивало свои знания, результатом чего стала стройная система теории и практики государства и права, основанная на концепции сильной власти, государственности.

Однако в 80–90-х годах прошлого века информационный тренд задал необходимый вектор внедрению инноваций в процесс государственного и муниципального управления, который определяется наиболее важными чертами воспроизводства современного общества и его «сетевым» характером (доминирующие функции и процессы «все больше оказываются организованными по принципу сетей» [1]), постепенно замещающим прежнюю стратифицированную структуру. В США и ряде стран Западной Европы получает широкое распространение сервисная концепция государства, которая рассматривает назначение государства в служении индивиду, при ее буквальном толковании практически любая деятельность

государства по взаимодействию с индивидом оказывается государственной услугой [2].

Сервисная идея развития системы государственного и муниципального управления основывается не столько на конституционно-правовой легальности власти, сколько на классической экономической схеме «производитель услуг — потребитель», корпоративной социальной теории власти, где устойчивость и легитимность государственных органов связана, во-первых, с эффективностью выявления, моделирования и реализации индивидуальных и групповых интересов и потребностей в сочетании с современным пониманием принципов социальной справедливости, с сетевой спецификой современного общества. Во-вторых, с системными особенностями воспроизводства современного общества, среди которых в качестве основной многие исследователи выделяют его сетевой характер.

В связи с этим текущей доминантой государственной управленческой деятельности в современных условиях, интегральным показателем эффективности государственного и муниципального управления становится степень «удовлетворенности потребителей», граждан, населения.

Идеологические истоки современной концепции сервисной государственности рассмотрения сущности власти отчетливо просматриваются через призму взаимоотношений государства и гражданского общества, дискурс, связанный с проблемами определения соотношения функций и возможных пределов управления, самоорганизации и самоуправления в политической системе, который занимает заслуженное место только в новую и новейшую историю. Ценности и модели развития становятся предметом не только, внутринациональной, но и глобальной конкуренции, в которой главной опасностью для государственности, искушением является тенденция подмены национальной идеи социальными, религиозными и политическими идеологиями [3]. Показательным в этом отношении является труд Джеймса Скотта «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни» [4].

К XX в. абсолютное господство традиционного понимания государства как аппарата насилия подарило человечеству богатую практику войн и насилия. Но на рубеже XXI в. теории и практики демократии и правового государства изменяют пропорциональность в пользу трактовки государства как некоей корпорации, оказывающей услуги социуму, а проблема соотношения функций и возможных пределов управления, самоорганизации и самоуправления в политической системе получает свое новое звучание в концепции коммунитарной системы власти (*communitarianpowerrelations*), предложенной А. Этzioni [5].

Сервисный подход к сущности государства связан с такими направлениями оптимизации организационно-властной и правовой деятельности, как развитие сетевых форм управленческого взаимодействия, онлайн-услуг, формирование электронного правительства, коммуникативных технологий контроля и планирования, формирование многосторонних связей, позволяющих гражданам активно участвовать в отправлении власти.

В то же время в отечественной и зарубежной литературе не сформировался единый подход к определению понятий «правовой сервис», «сервисное государство», «государственные услуги», «сетевой характер услуг» [6]. Современное

государство может выполнять свою миссию только на условиях партнерства и кооперации с обществом, трансформируясь в сервисное государство, поэтому, обобщая различные концептуальные наработки, следует определить сервисное государство как особую политическую форму организации публичной власти, располагающую специальным аппаратом управления, направленным на оказание публичных услуг гражданам, а также в качестве системы социально-правовых гарантий достойного жизнеобеспечения человека, его прав и свобод.

По мнению достаточно многих исследователей и ученых, государственных политических деятелей, развивающих данный подход, сервисное государство и сетевая методология способствуют совершенствованию управленческой деятельности, минимизации существенных недостатков бюрократического стиля управления, основанного, как правило, на безапелляционном способе воздействия на людей.

Государство рассматривается как интегрирующий социальный институт, если взаимодействия с обществом осуществляет на условиях партнерства и кооперации, трансформируясь в координационное государство, используя государственный менеджмент, смягчая жесткие формы координации, расширяя участие общества в публичной политике, включая в процедуры принятия государственных решений формы общественного представительства, разрабатывая с участием общества политические решения, осуществляя их оценивание и реализацию [6]. Таким образом, сетевой принцип организационно-публичного и правового взаимодействия государства и граждан следует рассматривать как форму организации государственной и муниципальной управленческой деятельности, позволяющую существенно снизить издержки традиционной политико-правовой регламентации общественных процессов, обеспечить более мобильное взаимодействие с общественными институтами и структурами, вскрыть системные пороки и оперативно решать практические проблемы взаимодействия государства и общества при сохраняющихся традиционных формах и технологиях управления.

Признавая, что сетевой ландшафт публичной политики является определяющим для современной российской модели государственного и муниципального управления, и основываясь на практиках политической институционализации социальных сетей в социокультурной среде российского общества и конструировании сетевых сообществ в онлайн-пространстве публичной политики, необходимо констатировать инкорпорирование социальных сетей в систему публичного государственного и муниципального управления [7].

Современные политические практики показывают, что как выживание, так и прогрессивное развитие любого национального сообщества в истории и в современном мире возможно только в пределах государственности, поэтому сегодня среди основных конкурентов сервисного подхода в государственном строительстве России в качестве альтернативного варианта модернизации системы управления выделяют концепцию сильного государства. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что к особенностям либеральных учений относится иное понимание феномена силы государства в реальной возможности обеспечить реализацию человеком своих естественных, неотъемлемых прав. Концептуальное закрепление это получило в парадигме правового государства, особый вклад в формирование которой был внесен, например,

немецкими учеными Велькером, Гегелем, Кантом и другими. Сильное государство — это эффективное, полноценное, авторитетное государство, четко выполняющее все свои функции и социальное назначение [8, с. 97].

В современной научной литературе существует определение силы государства, являющейся его пусковым механизмом, «нормой управляемости», динамической силой, обусловленной новыми факторами государственного развития и задачами совершенствования государства в перспективе [9]. По мнению ряда современных исследователей, именно динамический фактор — центральный вопрос при обосновании концепции сильного государства, способного решать проблемы переходного периода, а не превращающегося в «служанку по исполнению общественных желаний», что пропагандируется сервисной теорией государственного управления [2].

В каждой из обозначенных для рассмотрения теорий государство выполняет свои специфические функции, но вместе с тем существуют и ряд общих. Например, и сервисное и сильное государства направлены на поддержание диалога между гражданами и государством в сфере обмена информацией, в результате чего происходит непрерывный коммуникативный обмен между гражданским обществом и государством. Существует мнение, согласно которому каждое государство имеет собственную, самобытную модель государственного и муниципального управления — совокупность признаков, определяющих место и роль государственной организации в политической системе.

Для выделения признаков, способствующих развитию самобытности государства, применяют, как правило, социально-исторические и идейно-теоретические основания. К ним относят основные закономерности и национальные особенности развития общественных отношений, в которых осуществляется перераспределение управленческих функций в процессе усложнения общественных отношений от их непосредственных участников к организации публичной власти и ее основному аппарату — государству. При этом повышение эффективности управления непосредственно связывается с централизацией процессов управления, что предполагает перераспределение властных полномочий в пользу управленческих бюрократических механизмов.

По мнению ряда современных ученых, в основе государственного управления лежит динамическая устойчивая пропорциональность структуры человеческой активности в процессе непрерывного обмена произведенными благами и ценностями, при которой постоянно воспроизводится необходимость регулирования последовательности, очередности удовлетворения все возрастающих потребностей [10]. Это порождает политический процесс воспроизводства «регуляторов» пропорциональности. Со временем универсальным регулятором становится государство, специфика национально-государственного состояния пропорций в политических, социально-экономических и культурных процессах стала все больше определяет пространственно-временными факторами. Несмотря на многообразие политического опыта государственно организованных обществ, по определенным правилам пропорциональности выделяются общие характеристики государственного регулирования и управления.

Сегодня существуют три ветви государственной власти, но также в истории человечества была такая форма организации государственной власти, как абсолют-

ная монархия, являвшаяся классическим выражением крайней властной диспропорциональности. Правило деления власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями по своей сути — основополагающее правило политической пропорциональности, а степень концентрации власти в одной из ветвей есть та несбалансированная пропорциональность, которая отражает специфику национально-государственного и культурно-исторического состояния социума.

Второе основополагающее правило политической пропорциональности связано с вопросами теории и практики организации взаимодействия гражданского общества и государства. Исторический политический процесс во всех современных социальных системах привел к тому, что управляющая функция государственной власти как социально-политического института основана на концентрации естественных свойств и норм функционирования конкретного социума.

Монополизация права на нормирование отношений в обществе стала сутью законодательной власти. Никто кроме государства не имеет в социуме прав издавать законы, определять основные нормы человеческого поведения и взаимодействия. Есть только государственные законы (пусть даже идущие в разрез с объективными законами человеческого развития), все остальное — подзаконные акты, мораль, нравственность, религия, миф. Монополия на принуждение к исполнению законов — квинтэссенция исполнительной власти. Имеет право применить вооруженное насилие только государство, вооруженные силы есть только у государства, все остальное — «бандформирования». Право разрешения конфликтов в социумах стало естественной монополией судебной власти. Никто кроме суда не может признать личность, человека, гражданина виновным. Однако это не значит, что государство контролирует абсолютно все сферы гражданского общества. Примером служит наличие в нем религиозных форм регулирования человеческих отношений, присутствие в истории революционного опыта, терроризма, экстремизма, коррупционности и т.п., оказывающих существенное влияние на функционирование системы государственной политической власти. Если на базе норм государства полицейский, «отрегулировавший» отношения с помощью резиновой дубинки, защищен властью государства, то на остальных «регуляторов» государственная машина обрушивается чаще всей своей мощью, дабы защитить свои политические монополии.

Способность гражданского общества сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия, наиболее полно проявляется в динамике обмена и распределения благ, ценностей, услуг как продуктов человеческого труда, обеспечивающих существование и развитие человека и общества в целом. Эта способность к гомеостазу есть стремление социума как самоорганизующейся системы общественных отношений постоянно воспроизводить себя [11], восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды, которое создается в том числе и управляющим фактором государства [4]. Естественной реакцией на государственное управление является самоорганизация общества и его самоуправление, а состояние пропорциональности между управлением и самоорганизацией становится определяющим фактором в процессах современного политического управления. Известный российский политолог О.Ф. Шабров делает

акцент на том, что «функцией предназначения и системным качеством системы политического управления является поддержание гомеостаза, адаптация и развитие самоуправляемой самоорганизующейся системы — общества» [12].

Развитие системы разделения политической власти и становление институтов демократии напрямую является отражением феномена пропорциональности в современном политическом процессе. Так сегодня всем известно, что степень концентрации властных полномочий, характеризуемая пропорциональностью в три четверти (но не менее двух третей), отражает такое состояние властных отношений, которое позволяет в полной мере реализовать управленческую функцию и называется «квалифицированное большинство», или «конституционное». Состояние пропорциональности менее приведенного примера, позволяющее формировать квалифицированное большинство, обеспечивает регулирующую функцию во властных отношениях. Гарантированный контроль над квалифицированным большинством обеспечивает реализацию контрольной функции, а гарантированное участие в формировании квалифицированного большинства — блокирующей.

Другим проявлением феномена пропорциональности во взаимоотношениях государства и гражданского общества в современном политическом процессе является создание в XIX—XX вв. независимых от правительства эмиссионных центров, в руках которых сосредоточено исключительное право денежной эмиссии и организации денежного обращения. Такая финансово-экономическая монополия, как государственный банк, была учреждена, например, в России в соответствии с указом Александра II в 1860 г. Федеральная резервная система в США (ФРС) (Federal Reserve System) была образована в 1913 г. как объединение 12 региональных банков, выполняющее функции центрального банка [13]. Никто кроме государства не имеет права печатать деньги, все остальные — фальшивомонетчики.

Исключительность права Центрального Банка России на осуществление денежной эмиссии закреплена конституционно. Так, в ст. 75 Конституции РФ установлен особый конституционно-правовой статус Центрального Банка России. Функции и полномочия Центробанк осуществляет независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. Статус, цели деятельности, функции и полномочия Банка России определяются также Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России)» и другими федеральными законами. Особенность публично-правового статуса Центрального Банка выражается в том, что, с одной стороны, он как бы не является публичным органом государственной власти, но, вместе с тем, его полномочия по своей политико-правовой природе относятся к функциям самостоятельной ветви государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения [14].

Исторически сложившимся регулятором пропорциональности является государственная исключительность, монопольное право. Взаимоотношения государства и гражданского общества в современном политическом процессе определяются состоянием определенной пропорциональности института власти, которая отражает специфику общеполитических тенденций, а в то же время — особенности национально-государственного и культурно-исторического состояния социума.

Таким образом, упомянутые теории в некотором роде выражают различные подходы к взаимодействию между обществом и государством и не являются равнозначными, но и не взаимоисключают друг друга. В сервисной модели подчеркивается направленность социальной коммуникации «снизу вверх»: от индивида, гражданина — к правительству, а модель сильного государства делает акцент на движении «сверху вниз»: государство регулирует и контролирует своих граждан, группы, их членов.

К отличительной черте формирующейся компромиссной сервисной модели сильного государства относится признание сетевого характера современного социума и установление центральной «коммуникационной» базы данных для более эффективного и оперативного взаимодействия между государственными и муниципальными агентами, предоставляющими услуги на сетевой основе. В итоге становятся возможными оптимизация предоставления услуг населению и бизнес-структурам; сокращение стоимости услуг; применение электронной торговли: закупки и государственные и муниципальные контракты; содействие экономическому и социальному развитию общества и граждан; быстрое и эффективное реагирование на изменяющиеся условия деятельности; повышение эффективности внутриорганизационных отношений в государственном и муниципальном управлении; развитие кадрового потенциала государственного управления; повышение ответственности государственных служащих и уровня прозрачности государственного управления в целом.

Сервисной модели сильного государства соответствует и провозглашенное в Конституции РФ признание идеологического многообразия. Заложенные принципы толерантного взаимодействия политических, социальных, религиозных идеологий (правовое, светское, социальное государство) создают благоприятные условия для социально-политического процесса становления и формирования национальной идеи как пропорциональной сбалансированности ценностей, идеологий и моделей развития. При этом если невозможна толерантность «по убеждению», то государство гарантирует толерантность «по принуждению». Это и есть практическое воплощение национальной идеи, которое минимизирует возможности ее подмены идеологией. Устойчивому состоянию пропорциональной сбалансированности способствует и политическая модель, в основу которой положена республиканская форма правления во главе с президентом, функционирующая в демократическом политическом режиме.

Библиографический список

1. *Кастельс М.* Информационная эра: Экономика, общество и культура. М., 2000.
2. *Коженко Я.В.* Концепции «сильного» и «сервисного» государства в контексте модернизации государственного управления в России: общее и отличное // *Фундаментальные исследования.* 2012. № 3 (ч. 3). С. 744–748.
3. *Санжаревский И.И.* О российской конституционности и национальной идее (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // *Политическое управление.* 2013. № 2. С. 5–10. URL: www.политуправление.рф/архив/2013/02/Sanzharevskiy.htm
4. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э. Гусинский, Ю. Турчанинова. М., 2011.
5. *Политическая наука: словарь-справочник / авт. и сост. И.И. Санжаревский.* Тамбов, 2012. URL: www.glos.virmk.ru/01_k.htm

6. *Коверзнева С.А.* Государство и общество в современной российской публичной политике: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011. URL: www.dissercat.com/content/gosudarstvo-i-obshchestvo-v-sovremennoi-rossiiskoi-publichnoi-politike
7. *Мирошниченко И.В.* Сетевой ландшафт российской публичной политики. Краснодар, 2013.
8. *Затонский В.А.* Эффективная государственность. М., 2006.
9. *Петров М.П.* Сильное государство и активная личность как потребность времени // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 3. С. 195.
10. *Санжаревский И.И.* Политическое управление и пропорциональность института власти // Известия Саратовского гос. ун-та. Сер.: Социология. Политология. Саратов, 2013. Т. 13, вып. 1. С. 75–81.
11. *Горский Ю.М., Степанов А.М., Теслинов А.Г.* Гомеостатика: гармония в игре противоречий. Иркутск, 2008.
12. *Шабров О.Ф.* Эффективность политического управления (системно-кибернетический подход). М., 1998.
13. Главное о Федеральной резервной системе США. URL: www.fedspeak.ru
14. URL: www.cbr.ru

G.M. Ivashchenko
Methodological Limitations
in Organizing Staff Training
for Public Administration

Fundamental methodological limitations at public administration staff training in Russia at the level of higher professional education are studied. Correcting the quality of managerial staff training in accordance with the new social challenges and demands is analyzed.

Key words and word-combinations: staff training, public administration, methodological limitations.

Исследуются фундаментальные методологические ограничения при подготовке кадров государственного и муниципального управления России на уровне высшего профессионального образования. Анализируется корректировка качества подготовки управленческих кадров в соответствии с новыми общественными вызовами и потребностями.

Ключевые слова и словосочетания: подготовка кадров, государственное и муниципальное управление, методологические ограничения.

УДК 65
ББК 60.832

Г.М. Иващенко

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОГРАНИЧЕНИЯ
В ОРГАНИЗАЦИИ
ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

В современной России актуальной является проблема обновления системы и процесса подготовки кадров для сферы государственного и муниципального управления. Необходимость ее разрешения детерминирована следующей неоднозначной ситуацией.

Во-первых, многочисленные субъекты государственного и муниципального управления не всегда наделены достаточным и необходимым качеством профессиональных и общекультурных компетенций. Например, на

первое полугодие 2013 г. в структуре кадров государственной и муниципальной службы в России, только 9 и 4,5% служащих соответственно составили те из них, которые имеют профессиональное образование «государственное и муниципальное управление» [1].

Одновременно спецификой этого образования сегодня выступает «сугубая сосредоточенность на изучении методов управления, экономических сторон и особенностей управления... и игнорирование аспектов, касающихся характеристик объекта управления, которым является Россия, в целом и отдельных сфер жизни российского общества в частности» [2].

Авторами отмечается, что особая проблема подготовки управленческих кадров — это отсутствие у государственных гражданских служащих системных, сформировавшихся представлений о деятельности социологических организаций [3]. В этой связи подобные организации выступают, на наш взгляд, ведущими информационными агентствами управления.

В целом несоответствие профессиональных и личностных характеристик субъектов управления актуальным общественным потребностям обуславливает, как минимум, два негативных следствия. Оно распространяется на всю группу управленческой элиты и отражается в итогах осуществляемого в России социального управления.

Сегодня не редки случаи, когда ход и результаты управления социальными объектами оцениваются низко населением и экспертами, не в полной мере соответствуя современным вызовам и потребностям. Прямые и косвенные подтверждения справедливости этого суждения заключены в выводах отечественных исследователей. Прежде всего, отмечаются факты нахождения за критической чертой развития основных сфер общественной жизнедеятельности по большинству важнейших показателей [4]. Подчеркивается низкая эффективность российской управленческой элиты и связанных с ней систем: управления, государственного аппарата, бюрократии [5, 6].

Опираясь на свидетельства ученых о повсеместном распространении отдельных асоциальных явлений [7, 8], справедливо обобщать выводы о них применительно ко всей социально-управленческой ситуации в России и выделять область государственного и муниципального управления. Асоциальные явления в среде государственных и муниципальных служащих проявляются, по данным исследователей, в первую очередь в нарушениях Закона о государственной гражданской службе и муниципальной службе. Между тем в Российской Федерации существует значительный ряд нормативно-правовых документов, которые определяют поведение государственных и муниципальных служащих и в задачу которых входит борьба с социальными отклонениями и девиантным поведением в управленческой среде [9, 10].

Таким образом, современная социально-управленческая ситуация в России характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, налицо низкое качество подготовки управленческих кадров. С другой стороны, не всегда положительными являются результаты осуществляемого управления. И первое, и второе обуславливает необходимость обращения особо пристально-

го внимания на сферу подготовки кадров для государственного и муниципального управления.

Подготовка управленческих кадров является неотъемлемой составной частью социального института образования и относительно самостоятельной целостностью. Она выступает одним из направлений образовательной деятельности вузов и формирует наиболее сильную часть агентов социальных изменений.

Вместе с тем в среде подготовки кадров существует ряд неоднозначных тенденций, обусловленных ее диалектическим единством с разными видами социальных структур, практик, отношений. В целом эта неоднозначность сегодня наиболее сильно зависит от двух факторов: внедрения ряда новых законодательных актов в область высшего профессионального образования [11] и различий в субъективном понимании смысла подготовки кадров разнородными субъектами образовательного процесса — студентами, научно-педагогическими работниками, персоналом администрации вузов.

Обозначенная проблема усугубляется, как минимум, следующими обстоятельствами. Во-первых, образовательная среда характеризуется нестабильностью и подвижностью. На практике это выражается в неустойчивости и изменчивости новых требований, предъявляемых к содержанию высшего профессионального образования и науки, что, в свою очередь, ведет к реорганизации и оптимизации вузов и их подразделений.

Во-вторых, расхождения в понимании смысла подготовки кадров касаются не только управленческой сферы. Они представляются общими для всей системы высшего профессионального образования. Отчасти эти расхождения касаются, например, соотношения между теоретическим и прикладным знанием. Ж.Т. Тощенко подчеркивает, в частности, что при нарушении данной пропорции в пользу прикладного знания, «компетентность, которая обеспечивается теорией, не выдерживает никакой критики. Именно в этой ситуации появляются фирмы и турагентства с именами «Кассандра»... что знаменует просто низкую степень профессиональной состоятельности» [12].

Существуют и другие формы дисбаланса в понимании комплекса смыслов подготовки управленческих кадров: этические, ценностные, общественной и личностной полезности. Дисбалансом представляется и отсутствие зачастую единого и целостного восприятия смысла профессиональных компетенций и особенностей профессиональной деятельности субъектов управления. Данное обстоятельство способно проявляться в противоречивых точках зрения на сущность и содержание управленческих практик и отношений конкретных преподавателей — «трансляторов знаний» [12].

Перечисленные и другие, подобные им, противоречия ведут к методологическим расхождениям. В реальности они проявляются при формировании концепции, философии, целей и задач подготовки управленческих кадров, должны соответствовать локальным учебным планам и общим стандартным требованиям. В итоге исследуемая система дает государству и обществу государственных и муниципальных служащих, профессиональные характеристики которых не всегда отвечают общественным ожиданиям.

Суть проблемы обуславливает главный вопрос что необходимо учитывать сегодня в организации пространства подготовки кадров для государственного и муниципального управления России, чтобы исходящие из нее субъекты смогли отвечать на современные вызовы и общественные потребности?

Процессы подготовки управленческих кадров и результаты их профессиональной деятельности диалектически взаимосвязаны, а степень их социальной полезности не всегда высока. Эта неоднозначность исходит, прежде всего, из трех групп факторов: состояния социально-управленческой реальности; обновления всех социальных институтов; внутренней среды системы высшего профессионального образования России и области подготовки управленческих кадров в ней. Следовательно, именно эти факторы в первую очередь необходимо учитывать в организации пространства подготовки кадров для государственного и муниципального управления России.

Введение в методологию подготовки кадров комплекса ограничений, соответствующих указанным группам факторов, обеспечит конкретизацию направлений и границ его пространства. Это позволит уменьшить расхождения в концептуальном и методологическом аспектах подготовки управленческих кадров в каждом конкретном вузе, а значит, повысить степень его организации и качества в соответствии с современными требованиями.

В определении управленческого смысла понятия «методологические ограничения процесса подготовки управленческих кадров» следует отталкиваться от общеизвестных в отечественной науке правил разработки и принятия управленческих решений. В частности, В.Я. Платов в выработке управленческих решений отмечает два важных момента. Первый связан с определением смысла проблемной ситуации, и заключается в том, что «описание проблемной ситуации по сути означает задание модели, в рамках которой отыскивается решение, в том числе и формирование ограничений, за пределами которых выработанное решение не имеет смысла» [13, с. 43]. Второй момент обосновывает необходимость обращения особого внимания на ограничения в ходе выработки управленческого решения. В.Я. Платов отмечает, что «выделение ограничений отдельным блоком позволяет более четко очертить рамки, в которых придется отыскивать варианты решения. Формирование ограничений предусматривается на двух этапах: при описании проблемной ситуации и после или одновременно с выбором критериев» [13, с. 47].

На основе этих объяснений целесообразно, на наш взгляд, представить ограничения как некие пограничные линии, которые очерчивают пространство управленческого воздействия и собственно характеристики воздействия на социальный объект. Следовательно, если в качестве социального объекта управления принять пространство подготовки управленческих кадров, включающее в себя систему и процесс, то приходим к следующему выводу.

Ограничения пространства подготовки управленческих кадров — это научные и практические границы особого рода. Внутри них и с учетом их содержания можно обеспечить наиболее эффективную организацию системы и процесса подготовки кадров. За пределами этих границ (во внешней среде) эффектив-

ность и качество системы и процесса подготовки управленческих кадров снижаются. Данные границы базируются на социально-управленческой ситуации и уровне развития научно-управленческого и социального знания. В соответствии объективными законами науки и практики социального управления они принимают значение методологических и концептуальных.

Использование методологических ограничений в организации системы и процесса подготовки управленческих кадров в каждом конкретном вузе способствует устранению конфликтов восприятия и оценки значений управляемых предметов. Среди ограничений, повышающих степень организованности системы и процесса подготовки управленческих кадров и выступающих в значении методологических, особое внимание привлекают три группы.

Первая группа определяется состоянием социально-управленческой реальности Российской Федерации, а значит, объективным научным знанием о социальном управлении и характером реализуемой управленческой деятельности. Фундамент и особенности научного социального управления выступают базисом качественной и эффективной деятельности его субъектов. Именно из этого фундамента исходят два основополагающих компонента, предназначенных для подготовки управленческих кадров и реализации всех типов социального управления. Первый методологический компонент — это требования к профессиональным и личностным характеристикам субъектов управления, которые формируются в ходе подготовки кадров. Второй — требования, предъявляемые к компетенции и квалификации специалистов и руководителей области государственного и муниципального управления. Становление профессионального качества выпускников здесь обеспечивается всесторонней интеграцией принципов научного социального управления в практику образовательного процесса.

Вторую группу ограничений, очерчивающих пространство подготовки управленческих кадров, составляют институциональные. Они способствуют уточнению содержания образовательного процесса по основным методологическим направлениям. Наиболее значимыми из них представляются правовые, управленческие, социальных отношений, педагогические.

Институционально-правовые ограничения фиксируют правила и порядок поведения всех основных субъектов образовательного процесса. Их источником является нормативно-правовая база, относящаяся к сферам образования, науки, трудовых отношений. Данную область составляют нормативно-правовые акты Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, отраслевых министерств и ведомств, локальные.

Институциональные ограничения в области социальных отношений — это требования, предъявляемые к эффективной форме взаимодействий между всеми ключевыми участниками процесса подготовки кадров. Их специфика объективно исходит из принципов партнерских отношений, основанных на равных правах и обязанностях и направленных на достижение общей цели [14, с. 234]. Однако сегодня отношения, складывающиеся в сфере подготовки управленческих кадров, к сожалению, попадают под определение ситуации, описанной

Г.И. Саганенко применительно к частному случаю. Она отмечает, что «студент исключен из обсуждения перспектив и форматов собственного образования, не является партнером в учебном процессе» [15]. Отсюда и возникает необходимость внесения во внутреннюю среду пространства подготовки кадров требований о выстраивании профессионально-партнерских отношений между его субъектами.

Институциональные ограничения педагогического плана формируются фундаментом гуманистической педагогики [16]. Его использование относится к более узкой области подготовки кадров — взаимодействию между частью ее субъектов: научно-педагогическими работниками и студентами. Оно предполагает реализацию учебно-профессиональных отношений, основанных на принципах коллегиальности, командной работы, партнерства.

Подобные отношения характеризуются управленческими свойствами. К признакам коллегиальности причисляется формирование преподавателями и студентами сообщества, в рамках которого обеспечивается совместное выполнение образовательных проектов. Также сюда включается наличие равных прав и обязанностей при решении вопросов, относящихся к компетенции указанного сообщества [14, с. 128]. Особо важными управленческими свойствами учебно-профессиональных отношений выступают те из них, которые известные исследователи применяют к обоснованию эффективного управления. Совокупность таких свойств составляют, например, синергетический эффект, соучастие, «власть с», творческий характер управленческого труда [13, 17].

В третью группу ограничений в пространстве подготовки управленческих кадров входят конкретно-организационные. Они детерминированы средой конкретного высшего учебного заведения, осуществляющего подготовку кадров.

Во-первых, часть конкретно-организационных ограничений составляют требования к содержанию и реализации образовательной политики. Ее эффективность исходит из формирования требований, относящихся к комплексу взаимосвязанных с ней методологических предметов: философии и концепции образовательного процесса; основаниям образовательной политики и правилам их применения; правилам внутреннего распорядка.

Вторая часть конкретно-организационных ограничений — это требования к содержанию и динамике кадровой политики, а также к организационной структуре. В комплекс методологических предметов, взаимосвязанных с кадровой политикой, входят стратегия управления персоналом; концепция и методика подготовки молодых научных кадров; концепция включения в организационную структуру студенческих групп как составной и неотъемлемой части трудовых подразделений вуза.

Третья часть конкретно-организационных ограничений представлена требованиями, которые предъявляются к стратегии взаимодействий основных субъектов подготовки кадров. Среди методологических предметов, вызывающих особый интерес в данной области, отмечаются концепция и политика совокупности научно-практических взаимодействий субъектов подготовки кадров на разных этапах и по разным направлениям, а также принципы,

правила, порядок взаимодействия кафедр с внешними структурами интереса и партнерства.

Наконец, еще одна группа требований предъявляется к технологической политике процесса подготовки кадров. Она касается таких методологических позиций, как виды обеспечения процесса подготовки кадров; технологии образовательного процесса; методология и методики образовательного процесса.

Таким образом, определено понятие «методологические ограничения пространства подготовки управленческих кадров». К методологическим ограничениям обозначенного пространства относятся научные и практические границы особого рода. Они объективно исходят из социально-управленческой ситуации и уровня развития научно-управленческого и социального знания. Учет субъектами образовательного процесса содержания этих границ и нахождения в гносеологической части их пространства способствует повышению уровня организации системы и процесса подготовки кадров. Нарушение данных границ снижает эффективность и качество системы и процесса подготовки управленческих кадров. Сообразно объективному закону науки и практики социального управления такие ограничения принимают значение методологических и концептуальных.

Использование методологических ограничений в организации пространства подготовки управленческих кадров имеет практическое значение. Наиболее важно, во-первых, устранение между основными субъектами образовательного процесса конфликтов восприятия и оценки значений управленческих предметов. Во-вторых, возможность выработки субъектами управления вузом целостной концепции, обеспечивающей единое восприятие смысла подготовки управленческих кадров. В-третьих, возможность выработки целостной концепции и методологии подготовки кадров научно-педагогическими коллективами конкретных вузов в соответствии с задачами государственной политики в области образования и науки [18].

Перспективой учета и использования знания о методологических ограничениях является выработка ряда других значимых моментов в содержании пространства подготовки управленческих кадров. Например, к ним относится разработка актуальных образовательных проблем и инноваций.

Библиографический список

1. URL: [http //rezerv.gov.ru](http://rezerv.gov.ru)
2. Шаповалов В.Ф. Чем и как собираются управлять наши управленцы? // *Общественные науки и современность*. 2005. № 5.
3. Проказина Н.В. Социологическая культура государственных гражданских служащих: постановка проблемы, направления изучения и развития // *Вестник ПАГС*. 2012. № 1 (30).
4. Локосов В.В., Шульц В.Л. Основания консолидации российского общества: (социологические аспекты). М., 2008.
5. Богомолов О.Т. Экономика и общественная среда // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние*. М., 2008.
6. Брутенец А.К. Пагубный упадок нравов: нужна действенная терапия // *Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние*. М., 2008.

7. Баимбетов А.А., Казаринов Ю.Л., Баимбетов В.А. Социальные проблемы подростковой беспризорности и безнадзорности. Уфа, 2007.
8. Гилинский Я.И. Преступность и иные формы девиантности // Криминология. СПб., 2002.
9. Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: Указ Президента РФ от 12 авг. 2002 г. № 885 (с изм. от 20 марта 2007 г., 16 июля 2009 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
10. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
11. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
12. Тощенко Ж.Т. Кризис: крах или точка роста. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/11/20/toshenko>
13. Платов В.Я. Современные управленческие технологии. М., 2006.
14. Социологический энциклопедический словарь: На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-координатор Г.В. Осипов. М., 2000.
15. Саганенко Г.И. В отечественной социологии нет независимого института профессиональной критики. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/11/20/saganenko/>
16. Учебный процесс в вузе: Методические рекомендации педагогу высшей школы по организации учебной деятельности 3-е изд. перераб. и доп. / сост. И.И. Валеев [и др.]; под ред. И.И. Валеева. Уфа, 2009.
17. Классики менеджмента / под ред. М. Уорнера; пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб., 2001.
18. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

D.B. Sayfullaev
**Information Support of Foreign
Policy: Comparative Analysis
of the Experience
of Russia and the USA**

The new trends of information support of foreign policy in the United States and Russia are analyzed. The fundamentals of traditional mass media management and the use of effective mechanisms and tools of advocacy are considered.

Key words and word-combinations: information support, foreign policy, mass media, social networks, Russia, the USA.

Анализируются новые тенденции информационного обеспечения внешней политики Соединенных Штатов Америки и России. Рассматриваются фундаментальные основы управления традиционными СМИ и использования эффективных механизмов и инструментов пропагандистской деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: информационное обеспечение, внешняя политика, СМИ, социальные сети, Россия, США.

УДК 327
ББК 66.4(0)

Д.Б. Сайфуллаев

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИИ И США

В современных мировых политических процессах наблюдаются тенденции глобализации, равно как и интеграции и реинтеграции, с одной стороны, а с другой — нарастающие региональные, локальные конфликты и продолжающийся мировой финансово-экономический кризис. Это создает условия для доминирования ведущих технологически и экономически развитых стран над странами менее развитыми, вставшими на самостоятельный путь развития.

В данном контексте ведущие государства для защиты и реализации своих интересов во внешнеполитической деятельности активно внедряются новые методы, формы и механизмы по влиянию на зарубежную аудиторию, которые не требуют применения военной силы, не нуждаются в привлечении больших людских ресурсов, но способны действенно под-

чинить граждан других стран. Широко используются информационно-коммуникационные технологические преимущества, посредством которых оказывается влияние на зарубежную аудиторию. В свою очередь, применение новых технологий и методов влияния на зарубежную аудиторию имеет как положительные стороны — для воздействующей страны, так и отрицательные — для страны, на которую такое воздействие оказывается.

В США и некоторых странах Запада появилось и успешно развивается «виртуальное посольство», представляющее собой некий синтез ценностей и пропаганды, создатели которого надеются воздействовать на общественное мнение других стран, сформировать благоприятный имидж, завоевать симпатии и менять настроения международной общественности.

Так, в США намечается устойчивая тенденция, когда президент использует социальные сети и приложения на мобильных устройствах для информирования граждан о своей деятельности, в том числе и о внешней политике страны.

Число подписчиков американского президента Б. Обамы в Facebook составляет около 24 млн, а в Twitter — почти 11 млн [1]. Фотографии, видео и комментарии президента моментально выкладываются в блогах и форумах, которые привлекают огромный интерес со стороны пользователей. Фотографии, на которых Б. Обама изображен как сильный и уверенный в себе лидер, публикуются каждый день через социальные сети. При этом многие журналисты отметили, что доступ к самому президенту становится все труднее, за последнее время резко сократилось количество интервью президента крупным СМИ, поэтому они вынуждены использовать те фотографии и видео, которые выпускаются Белым домом. Тем самым формируется тот имидж, который диктуется самим Вашингтоном.

Между тем в России также наблюдается аналогичная тенденция. В Концепции внешней политики Российской Федерации в числе основных целей внешней политики государства подразумевается, в частности, работа «над созданием положительного образа России, при этом совершенствуя систему применения мягкой силы». У Президента РФ есть личный видеоблог, который становится площадкой интерактивного общения для его посетителей [2].

В Администрации российского Президента существуют структуры, отвечающие за информационное обеспечение внешней политики. Отдел аккредитации и брифингов управления пресс-службы Президента РФ занимается организацией работы со СМИ, в частности информационным обеспечением встреч, визитов и выступлений Президента РФ. Отдел оперативной информации занимается мониторингом СМИ и составлением соответствующих информационных материалов по его итогам, в которых отражаются основные оценки деятельности Президента РФ в СМИ.

В конце мая 2009 г. в структуре Администрации Президента РФ была образована неформальная комиссия, призванная улучшить имидж России за рубежом. Эту структуру возглавляли руководитель президентской Администрации и его заместитель. Глава МИД и помощник президента по международным вопросам также вошли в состав комиссии. Задачей новой организации являлась работа на упреждение, предотвращение появления негативных

информационных поводов и разработка стратегии противодействия им. Кроме того, используется практика создания прямых каналов коммуникации с гражданами, выезжающими за рубеж, с целью обеспечения связи в случае возникновения кризисных ситуаций. Например, все клиенты сотового оператора МТС, прибыв за границу, получают бесплатные SMS-сообщения с номерами телефонов экстренной связи с российскими посольствами. Сравнительно недавно был обновлен интерфейс веб-сайта МИД России. Вместе с тем в июне 2012 г. МИД РФ запустило первый аккаунт в YouTube. В скором времени планируется создать страницы ведомства в Facebook и увеличить число посольских микроблогов в Twitter.

Ведущие зарубежные страны к настоящему моменту выработали фундаментальные основы информационного обеспечения внешней политики в виде управления традиционными СМИ, оперативно внедряют новейшие методы и формы информационного обеспечения внешней политики с активным применением современных технологий связи и коммуникаций.

Отдел связей с мировыми СМИ Государственного департамента США является структурным подразделением Бюро по связям с общественностью. Имеет шесть региональных медиа-хабов: в США и Европе; Дубае; Лондоне; американский региональный медиа-хаб; африканский медиа-хаб; медиа-хаб Восточной Азии и Тихого океана. Основная задача отдела — «содействие обеспечению передачи точной информации о внешнеполитических приоритетах США со стороны ведущих мировых СМИ». Медиа-хабы тесно сотрудничают с крупными информационными агентствами, которые формируют основной поток новостей в мире [3].

Сайт Государственного департамента функционирует на разных языках: английском, испанском, французском, русском, арабском и китайском. Этот ресурс позволяет организовывать прямое взаимодействие с Интернет-пользователями через блоги, а также через социальные сети, такие, как Facebook, Flickr, Twitter. Сайт имеет свой канал на Youtube, организуются веб-чаты и подкасты, есть доступ к видео- и аудиоархивам. Таким образом, на сайте используется широкий спектр ресурсов для информирования о внешней политике — от новостей до социальных сетей и видео-хостинга Youtube.

Координирующая роль в организации информационного обеспечения внешней политики России возложена на Департамент информации и печати (ДИП) МИД. В рамках ДИП существуют несколько отделов. Сферой деятельности Отдела оперативной информации является непосредственное распространение официальной информации по внешнеполитическим вопросам, то есть доведение до российской и мировой общественности официальной позиции России по текущим международным проблемам.

Отдел по работе с российскими СМИ занимается непосредственным взаимодействием с представителями российских СМИ, ориентирован на меры долгосрочного характера. Одним из основных направлений его деятельности является информационное обеспечение поездок министра иностранных дел за рубеж.

Отдел оперативного мониторинга СМИ занимается выпуском трех видов продукции: оперативной сводки, обзора прессы и внешнеполитического обзора центральной политической печати. В его задачу входит отслеживание особенностей освещения внешнеполитических событий в СМИ.

В Соединенных Штатах намечается тенденция, когда СМИ «сглаживают острые углы» внешней политики Вашингтона. Здесь была разработана теория под названием «Эффект CNN», согласно которой развитая сеть круглосуточного вещания формирует мнение американского народа о внутренней и внешней политике страны. При этом СМИ показывают государство как поборника демократии и прав человека.

Один из наглядных примеров — это эпизод с шоу «This American Life» на национальном общественном радио США. Шоу получило престижнейшую премию «Пибоди», которая дается за выдающиеся заслуги в области электронной журналистики. Была отмечена передача, в которой освещалась резня в Гватемале в 1982 г., когда жители целой деревни были зверски убиты. Однако авторы передачи «забыли» показать вовлеченность США в эти события. Именно американское правительство помогало в снабжении оружием, подготовке и экипировке правительственных войск, совершивших данное преступление. Президент Б. Клинтон признал вину США, однако авторы шоу решили не показывать США с отрицательной стороны.

В информационном обеспечении внешней политики России также задействованы крупные информационные агентства. Крупнейшим из них является ИТАР-ТАСС. Оно имеет 80 отделений и корпунктов в России и в СНГ и около 60 в странах дальнего зарубежья. Агентство выпускает 45 оперативных лент информации, из них шесть — на иностранных языках.

Российское агентство международной информации «РИА Новости» является самым цитируемым источником информации из всех российских и иностранных аналогов в России, причем по этому показателю оно лидирует не только в СМИ, но и в русскоязычных блогах. Агентство поддерживает свои сайты на 14 языках, ведет более 20 новостных лент, имеет представительства и корпункты более чем в 40 странах мира, выпускает печатные СМИ, издаваемые за рубежом.

«Интерфакс» с самого начала было ориентировано на распространение «достоверной информации» о России за рубежом. Агентство имеет дочерние предприятия: «Интерфакс-Америка», «Интерфакс-Европа», «Интерфакс-Германия», отдельные информационные агентства, работающие в регионах и странах СНГ, что позволяет доводить информацию до сведения зарубежных граждан напрямую, без посредников, существенно снижая риск искажения информации и негативных комментариев. Данная особенность работы агентства дает ему возможность выступать в качестве эффективного канала передачи внешнеполитической информации.

Государственная радиовещательная компания «Голос России» и телеканал «Russia Today» представляют собой инструменты международного вещания, которые обеспечивают донесение позиции России до мировой об-

ществленности [4]. «Голос России» ведет вещание на русском и 31 иностранном языках, транслирует около 350 программ о разных сферах жизни в России. Эфир радиостанции доступен также через Интернет, что делает ее более открытой для максимального числа слушателей. Россия начала использовать возможности международного телевидения с 2005 г., когда был образован канал «Russia Today» (RT). Отмечалось, что RT будет отражать российскую позицию по главным вопросам международной политики. RT имеет корреспондентские бюро в Киеве, Владикавказе, Тбилиси, Лондоне, Париже, Вашингтоне, Нью-Йорке, Иерусалиме и Каире. RT сегодня представлен как в мировых кабельных и спутниковых телевизионных сетях (по официальной информации, программы канала регулярно смотрят более 90 млн подписчиков платного телевидения во всем мире), так и в Интернете, где его эфир доступен в онлайн-режиме. Кроме того, у RT есть свой канал на YouTube, где выкладываются избранные материалы и сюжеты.

Таким образом, сегодня существует тенденция активного использования цифровой дипломатии как ресурса и инструмента пропаганды внешнеполитической деятельности для воздействия на зарубежную аудиторию. Так, публичная дипломатия пополнилась общением в социальных сетях, вследствие чего появилось «твипломаси», а президенты, премьеры, министры, главы внешнеполитических ведомств и послы, которые выходят в социальные сети, становятся «твипломатами».

Новые медиа (социальные сети и блоги) как инструмент пропаганды внешней политики оказывают огромное влияние на зарубежную аудиторию. В настоящее время практически любой гражданин при желании в режиме реального времени может быть сопричастен к любому внешнеполитическому событию и пропаганде какой-либо страны и даже способен оказать определенное влияние. В этих условиях особую роль играют аналитические, общественно-политические медиа как инструменты пропаганды внешнеполитической деятельности.

В целом эти тенденции будут усиливаться, и, возможно, в ближайшем будущем обострится противостояние между США и Россией за влияние на зарубежную аудиторию путем модернизации информационного обеспечения внешней политики.

Библиографический список

1. URL: <http://word-it.ru/?p=2448>.
2. URL: <https://twitter.com/KremlinRussia>.
3. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ime/index.htm>.
4. URL: <http://www.group.interfax.ru>.

O.V. Chervyakova
Transformational Trends of Local Government Development in Conditions of Community Changes in Ukraine

General trends of local government transformation in terms of social change in Ukraine are studied. Qualitative changes in the contemporary society are considered. The Strategy of State Policies to Promote the Development of Civil Society in Ukraine is analyzed.

Key words and word-combinations: transformational trends, local government, information society.

Исследуются общие трансформационные тенденции местного самоуправления в условиях общественных изменений на Украине. Рассматриваются качественные изменения, происходящие в современном обществе. Анализируется Стратегия государственной политики содействия развитию гражданского общества на Украине.

Ключевые слова и словосочетания: трансформационные тенденции, местное самоуправление, информационное общество.

УДК 323(477)
ББК 66.3(4Укр)

О.В. Червякова

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА УКРАИНЕ

Сегодня трансформационные тенденции в значительной степени являются результатом мощного внешнего воздействия на общественные процессы глобализации, а также непосредственно связанных с ними внутренних государственных процессов формирования информационного и инновационного общества на фоне развития гражданского общества и обеспечения устойчивого его развития [1].

Современному обществу свойственны инновационные изменения, сопровождающиеся возникновением и развитием совершенно других отношений, а также изменением характера и качества социальных отношений. При этом система и процессы государственного управления должны быть приведены в соответствие новым потребностям социума, иначе происходят кризисы как в обществе, так и в государственном управлении, отставание последнего в характере воздействий на общество. Если система государственного управления является креативной, готовой к инновациям, то риск таких кризисов уменьшается.

Следовательно, в местном самоуправлении необходимы перемены.

Безусловно, *первой общей трансформационной тенденцией на уровне местного самоуправления в условиях общественных изменений* является переход от его классической консервативной модели к креативной,

оперативно реагирующей на изменения в мире и обществе. Это возможно путем обеспечения необходимого уровня креативности субъектов местного самоуправления, государственно-управленческих воздействий (механизмов реализации), а также системы государственно-управленческого мониторинга.

Если возникает существенный разрыв между многообразием местного самоуправления и многообразием общества, то их необходимо привести в соответствие, то есть сбалансировать. Иначе возможна потеря управляемости обществом, самоорганизационные возможности которого могут привести к непредсказуемым последствиям, от кризиса действующих общественных отношений до смены власти.

Таким образом, *второй общей трансформационной тенденцией* считается необходимость приведения его разнообразия в соответствие с разнообразием общества. Поскольку возможны различные причины возникновения такого дисбаланса, то и способы его преодоления будучи отличаться. В случае если причина в системе местного самоуправления, недостаточности его разнообразия, то наиболее радикальным средством для является проведение административной или административно-территориальной реформы. Более консервативно повышение его разнообразия через децентрализацию местных органов государственной власти, приближение их к проблемам территорий. Если причина в системе общественных отношений, большом разнообразии общества, то самым действенным средством станет децентрализация, в частности реформа местного управления и местного самоуправления.

Третья общая трансформационная тенденция — повышение его самоорганизационной способности, то есть возможности обеспечения лучшего варианта управления в условиях, которые сложились в обществе (сфере, отрасли, определенных отношениях). Государственное управление реализуется многочисленными субъект-объектными циклами, получившими название циклов управления. Именно «множество» циклов управления, в результате осуществления которых параметры социальной системы изменяются и приобретают новые значения, обеспечивают ее диссипативную самоорганизацию.

Выбор государственно-управленческих воздействий и запуск стратегического, политического, программно-целевого, синхронизационных, циклов управления то есть периодическое обновление параметров воздействия, в зависимости от изменяющейся ситуации, а также осуществление государственно-управленческого мониторинга являются основными задачами субъектов и объектов государственного управления, направленными на достижение высокой самоорганизационной способности всей системы управления.

Четвертая общая трансформационная тенденция — обеспечение сбалансированного публичного управления и налаживания эффективной взаимосвязи с населением. При этом в условиях современного публичного управления важную роль играет местное самоуправление. Речь идет не только о том, чтобы повысить эффективность работы соответствующих органов и учреждений, но и об обеспечении эффективного взаимодействия всех звеньев систем государственного управления и местного самоуправления, а также их взаимодействие между собой и с общественными организациями, гражданами.

Пятой общей трансформационной тенденцией на уровне местного самоуправления в условиях формирования и развития информационного общества является применение следующих подходов:

- рассмотрение информации как мощного и эффективного ресурса, с одной стороны, и взаимодействие государства и общества — с другой;
- усиление международного сотрудничества в сфере развития информационного общества;
- признание ключевой роли информационно-коммуникационных технологий в программах развития;
- содействие созданию глобального информационного пространства, развитию соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей эффективную информационную систему взаимодействия людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и другие тенденции [2, 3].

Шестой общей трансформационной тенденцией на уровне местного самоуправления в условиях формирования и развития инновационного общества, по нашему мнению, можно считать комплексное применение подходов: создание и поддержка функционирования Национальной инновационной системы, охватывающей все сферы и отрасли общества, публичное управление (государственное управление и местное самоуправление); возрастание роли местного самоуправления в регулировании социально-инновационных процессов, их переориентации в конструктивные, способствующие развитию государства; достижение баланса самоорганизации публичного управления, прежде всего самоорганизации государственного управления, местного самоуправления и общества [4—6]. Кроме того, содействие разработке и внедрению инноваций во все отрасли и сферы общества, прежде всего в систему и процессы публичного управления, охватывающие государственное управление и местное самоуправление (инноватика публичного управления); изучение и использование передового мирового опыта на предмет распространения инноваций в публичном управлении; развитие современных, эффективных образовательных систем как ответы на вызовы глобального инновационного общества и создание сетевых структур, связывающих исследовательские центры, университеты и бизнес организации, в которых применяют инновационные технологии.

Эта комплексная система подходов отражает определенную общую трансформационную тенденцию местного самоуправления в условиях формирования и развития общества устойчивого развития.

Основные подходы и принципы развития гражданского общества на Украине изложены в Стратегии государственной политики содействия развитию гражданского общества на Украине, направленной на реализацию принципов, приоритетов, задач государственной политики в сфере развития гражданского общества. Стратегия определяет концептуальные, взаимодополняемые направления деятельности органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по созданию условий для развития гражданского общества [7].

Таким образом, выделен ряд общих трансформационных тенденций местного самоуправления в условиях общественных изменений. Четыре из них не связаны с видом и характером общества, а последние отражают общие трансформационные тенденции местного самоуправления в условиях изменений общества как реакции на глобальные воздействия, формирование и развитие информационного и инновационного общества. Эти тенденции фактически отражают качественные изменения в самом обществе и необходимость реагирования на них.

Библиографический список

1. Основные направления исследования современного общества. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000946/st003.shtml>
2. Володенков С.В. Модель информационного взаимодействия общества и власти в современной России. URL: <http://g3-group.ru/projects/infvz.php>
3. Лопухин В.Ю. Инновационное общество и проблема коррупции // Проблемы современной экономики. 2010. № 4 (36). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3329>
4. Романов В.Л. Социально-инновационный вызов государственному управлению. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Romanov333.htm>
5. Образование для инновационных обществ в XXI веке // Документы саммита в Санкт-Петербурге 15–17 июля 2006 г. в целях обсуждения коллективных подходов к решению актуальных международных вопросов. – URL: <http://g8russia.ru/docs/12.html>.
6. Журавлев В.А. Креативное общество, его особенности и характеристика // Креативная экономика. 2008. № 11 (23). С 42–49. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/2604/>
7. Про Стратегію державної політики сприяння розвитку громадянського суспільства в Україні та першочергові заходи щодо її реалізації: Указ Президента України від 24 березня 2012 р. № 212/2012. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/14621.html>

A.V. Kolesnikova
Specificity of the Territorial
Structure of a Multicomponent
State: the Experience
of Modern Spain

The processes of centralization and decentralization of modern states are analyzed. A comparative analysis of the Russian and Spanish state government is drawn. Features of territorial structure of a multicomponent state are considered by the example of modern Spain.

Key words and word-combinations: territorial structure, political governance, Spain, multicomponent states.

Анализируются процессы централизации и децентрализации современных государств. Проводится сравнительный анализ государственного управления России и Испании. Рассматриваются особенности территориального устройства сложносоставного государства на примере современной Испании.

Ключевые слова и словосочетания: территориальное устройство, политическое управление, Испания, многосоставное государство.

УДК 323(460)
ББК 66.3(4Исп)

А.В. Колесникова

СПЕЦИФИКА
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
УСТРОЙСТВА
МНОГОСОСТАВНОГО
ГОСУДАРСТВА:
ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ
ИСПАНИИ

Для России и Испании характерен определенный параллелизм в плане магистрального направления политического развития. Оба государства проходили на протяжении своей истории схожие этапы институционального становления и, не исключено, в дальнейшем будут также преодолевать аналогичные эволюционные стадии. В связи с этим сопоставление российского и испанского об-

разцов административно-территориального устройства, представляет собой определенную практическую ценность.

У отмеченной схожести «траекторий» существования есть сразу несколько оснований. Как известно, генезис русского этноса происходил в непростом и порой весьма напряженном взаимодействии угро-финских народов с когда-то оказавшимися на территории нынешней России славянскими и тюркскими племенами. В этом смысле испанская нация также обязана своему формированию представителям, как минимум, трех этносов — кельто-романскому и готскому населению Иберийского полуострова и магрибских элементов арабо-мусульманского Востока. Кроме того, трудно не согласиться с А. Кузьмищевым, считающим, что «...унаследованный от Византии русский православный цезарепапизм созвучен испано-католической традиции преобладания монарха над «храмом», сложившейся в том числе и под влиянием юстиниановской Византии на рубеже V—VI вв.» [1, с. 184]. Действительно, одним из следствий формирования единого государства на огромной территории России стало постепенное складывание внушительного по своим масштабам аппарата управления. Примерный аналог отечественной бюрократии существовал и в европейских, азиатских, африканских и американских колониях Испании. Наконец, так же, как и Россия, современная Испания состоит из достаточно большого количества территориальных единиц. В ее состав входят 50 провинций, составляющих 17 «исторических провинций», или регионов (областей) в статусе автономий. При этом Страна Басков, Каталония, Галисия и Канарские острова считаются национальными автономиями, или «региональными автономными сообществами» [2]. Кроме того, по данным переписи 2011 г., из почти 47 млн жителей Испании, 6 млн считают себя каталонцами, порядка 4 млн — галисийцами и свыше 2,5 млн миллионов — басками [3]. Иными словами, представители национальных меньшинств составляют немногим более четверти населения этой страны.

Национальное становление Испании традиционно происходило с определенной оглядкой на характер и способы политического взаимодействия центра и регионов. При этом образование единого испанского государства, по мнению многих исследователей, стало возможным благодаря не столько интеграционным процессам, шедшим «снизу», сколько ассимиляции, инициированной «сверху» [4, 5]. В единое Испанское государство объединились сразу несколько близких в генетическом плане этнических общностей (за исключением басков), разительно отличавшихся друг от друга по совокупности социокультурных факторов. Даже сегодня — спустя несколько веков с момента образования единого государства — территориально-этническое самосознание у испанцев достаточно хорошо развито, а образ жизни и отношение к происходящим вокруг них процессам могут существенным образом отличаться.

Однако несмотря на подобную «мировоззренческую» дифференцированность, для большинства испанцев характерна относительная общность взглядов в отношении модели территориального устройства своей страны. По данным многочисленных социологических опросов, существование Государства Автономий воспринимается испанцами в целом положительно. В их представлении, это

весьма удачный механизм органичной интеграции централистской и автономистской тенденций в эволюции административно-территориального устройства страны [6, р. 35–36]. Существующая форма государственного устройства в целом удовлетворяет большинство населения страны. Оптимальной ее считают 45% испанцев. При этом федерация представляется наилучшим вариантом только для 21% респондентов, хотели бы возродить унитаризм 16%, а сторонников конфедеративной модели и вовсе всего 8% [7, р. 24].

Форма территориального устройства современной Испании отнюдь не предполагает отказа центральных властей от выполнения функций по координации происходящих в стране административных процессов. Скорее, по сравнению с предыдущим историческим периодом, связанным с правлением Франко, несколько изменились задачи государства в данной сфере. На смену политике патернализма в отношении всех национально-территориальных образований страны пришло упорядочивание различных идущих от автономий инициатив, регулирование нормативных основ административно-территориального деления, выстраивание экономических отношений между центром и регионами и т.д. При этом по Конституции центральные власти должны быть своего рода гарантом принципа солидарности между автономными сообществами [8, р. 101]. Таким образом, в результате образования Государства Автономий политический функционал государственной власти Испании приобрел новые черты: отныне ведущее место здесь занимают задачи по организации, регулированию, поддержанию порядка и выдвижению законодательских инициатив.

Считается, что, закончив в 1983 г. разработку Статуты Автономных Сообществ, Испания достигла высокой степени государственно-территориальной децентрализации. Политические цели процесса региональной автономизации были достигнуты в результате достаточно сложной юридической процедуры [9, с. 149]. Именно в этом и заключается одно из своеобразий испанского опыта формирования децентрализованного демократического государства.

Тридцатилетний период существования Испании в виде Государства Автономий не оставляет сомнений в оправданности данной модели национально-территориальной автономизации, по крайней мере, как минимум, применительно к отдельно взятой стране. Очевидно, что этот механизм позволяет весьма успешно справляться с разнообразными этническими противостояниями и, что особенно ценно, эффективно использовать демократические способы разрешения межрегиональных споров. В этом плане накопленный Мадридом опыт свидетельствует, что при условии грамотной концептуальной проработанности и надлежащего правового оформления модель автономизации регионов вполне может свести к минимуму риск дезинтеграции многонациональной страны, сгладить межэтнические конфликты, элиминировать центробежные тенденции и — как конечный результат всего этого — сделать полиэтничное многосоставное государство более политически крепким и единым.

Региональный автономизм представляет собой своего рода цивилизованный политико-институциональный ответ на вызовы, порождаемые непростой этнической спецификой испанского социума. Данная модель не только помогает максимально полно учитывать потребности различных этносоциальных групп,

но и предоставляет реальную возможность передать решение многих вопросов с верхних эшелонов власти на региональный уровень, что, в свою очередь, приближает власть к интересам и нуждам конкретной местности и проживающего там населения.

Располагая возможностями ограниченного легального вмешательства в деятельность Автономных Сообществ, центральное правительство, по сути, имеет действенный механизм борьбы с экстремизмом, радикализмом, местным корпоративизмом и хозяйственными диспропорциями между регионами. Вместе с тем, признавая наличие неоспоримых достоинств такой формы территориальной организации, как Государство Автономий, идеализировать испанский опыт также не стоит. Здесь следует поддержать мнение целого ряда исследователей, считающих, что данная модель регионалистского устройства отличается определенной концептуальной неопределенностью и практической асимметрией, особенно в политической, этнокультурной и экономической областях [10, 11].

Ввиду того что Государство Автономий все еще продолжает формироваться, постоянно возникают предложения по оптимизации его внутреннего управленческого механизма. В частности, предлагается провести реформу государственных структур, которая была бы нацелена на превращение Сената Генеральных Кортесов в полноценный орган регионального представительства. Кроме этого, существует потребность в совершенствовании механизма взаимодействия *де-факто* и *де-юре* по оси «центр — регионы». Устранение межрегиональных социально-экономических диспропорций наверняка потребует реформирования существующей системы финансирования автономий при условии консенсусного взаимодействия всех уровней власти (центрального, регионального и муниципального). Также представляется необходимым продолжать поиски концептуального консенсуса с региональными националистическими партиями, прежде всего в Стране Басков и Каталонии, относительно легитимности нынешнего государственного устройства с целью снижения остроты идеологического противостояния. Наконец, по-прежнему сохраняет свою актуальность выработка эффективных мер противодействия терроризму баскской сепаратистской организации ЭТА [9].

В опыте Государства Автономий можно обнаружить взаимосвязь двух разнонаправленных тенденций развития административно-территориального устройства. Тенденция централизации своими корнями уходит в период формирования этого государства как единого целого. Децентрализующий же тренд объясняется существованием сразу нескольких этнонациональных общностей, стремящихся сохранить свою уникальность и институционально закрепить за собой как можно больше социально-экономических, политических и прочих полномочий. Факт наличия данных тенденций, собственно, и определяет специфику административно-территориальной и социокультурной реальности современной Испании.

В динамике отношений по линии «центр — регионы» в современной Испании имеется некоторое усиление федеративных элементов. Однако в своем нынешнем виде Государство Автономий по-прежнему не имеет всех тех признаков, которые необходимы для того, чтобы считаться федерацией, поэтому,

если предположить, что в обозримой перспективе Испания изменит форму своего государственного устройства на федеративную, скорее всего, в ней будет присутствовать определенная доля социально-экономической, политической и этнокультурной асимметрии — по крайней мере, если не де-юре, то де-факто.

Анализ формы территориального устройства современной Испании, показывает, что под влиянием высказывавшихся баскскими и каталонскими националистами требований права на самоопределение законодательно были оформлены два способа перехода территориальных сообществ к автономии — обычный и ускоренный. Считается, что тем самым «изначально посеяны зерна неравенства между различными регионами, оказавшимися в неравноценных стартовых условиях» [9]. Градация национальных территорий на «достойные» и «недостойные» для убыстренного продвижения к самоуправлению страдала, по мнению ряда испанских авторов, излишним «историзмом», то есть гипертрофированными ссылками на историческое прошлое той или иной области, ее культурно-лингвистические особенности, своеобразие хозяйственного уклада и быта [12, 13]. При этом специально не обращалось внимания на то, что явные исторические и иные особенности отдельных регионов существовали на протяжении веков параллельно с абсолютизмом в рамках единого централизованного государства.

Испанский опыт государственно-территориального строительства, со всеми его достоинствами и недостатками, вполне может быть принят во внимание в процессе отладки отечественной системы федерализма.

Библиографический список

1. Кузьмищев А. «Государство автономий» в Испании // Федерализм. 2010. № 3.
2. Boletín oficial del Estado. 1978. № 331.1.
3. URL: http://www.ine.es/censos2011_datos/cen11_datos_inicio.htm
4. Данилевич И. Автономизация Испании // Полис. 1995. № 5.
5. Дубинин Ю. Амбахадор! Амбахадор!: Записки посла в Испании. М., 1999.
6. Garcia Ferrando M. La conciencia nacional y regional. Madrid, 2006.
7. Moral F. Identidad regional ó nacionalismo en el Estado de las Autonomías // CIS. Madrid, 1998.
8. Constitución Española y Reglamento del Congreso de los Diputados. Madrid, 1990.
9. Волкова Г. Региональный автономизм в полиэтнической стране: (на примере Испании 70–90-х годов XX века): дис. ... канд. социол. наук. М., 2000.
10. Хенкин С. Испания после диктатуры: (социально-политические проблемы перехода к демократии). М., 1993.
11. González Antón L. España y las Españas. Madrid, 1997.
12. Pardo J.L. La acción exterior de las Comunidades Autónomas: teoría y práctica. Madrid, 1995.
13. Roca Junyet M. Los nacionalismos en la España democrática. Barcelona, 1997.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A.G. Fedorov
**Improving Legal Regulation
of State Corrective Measures
Directed at Road Users**

Problems of adequacy of administrative penalties for drivers who drive without the license are investigated. The idea that the State has to toughen penalties by reclassifying administrative infractions as criminal offences is grounded.

Key words and word-combinations: traffic safety, state influence, administrative infraction, criminal offence.

Исследуются проблемы достаточности мер административного взыскания к водителям за управление транспортными средствами без соответствующих прав. Обосновывается идея о том, что государство должно ужесточить меры наказания, переквалифицировав их из административных правонарушений в уголовные преступления.

Ключевые слова и словосочетания: безопасность дорожного движения, государственное воздействие, административное правонарушение, уголовное преступление.

УДК 343.34:343.5
ББК 67.408.13

А.Г. Федоров

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Увеличение количества транспорта и, как следствие, возросшая интенсивность дорожного движения влекут рост дорожно-транспортных происшествий (ДТП). За 11 месяцев 2013 г. Россия, согласно официальной статистике ГИБДД, потеряла 24 380 человек и 235 316 человек получили ранения. По вине водителей, совершивших 163 394 ДТП, погибло 20 921 человек и 215 320 человек получили ранения. 75,4% дорожно-транспортных происшествий произошли по вине нетрезвых водителей [1].

Сегодня участник дорожного движения, чтобы не спровоцировать ДТП, должен быть предельно внимательным и неукоснительно соблюдать правила дорожного движения. Быстро устранить такие причины ДТП, как степень интенсивности дорожного движения, неудовлетворительная логистика по развязке дорог и временному режиму автотоков,

низкое качество дорожного покрытия, принятием отдельных нормативных актов невозможно. Однако последовательное государственное воздействие на участников дорожного движения в части неукоснительного соблюдения Правил дорожного движения (ПДД) [2] может переломить негативные тенденции на дорогах и снизить количество ДТП. Признавая это, большинство развитых стран идут по пути ужесточения мер наказания за нарушение дорожных правил. Это, несомненно, вынужденная мера, но она дает «быстрые» результаты по снижению аварийности на дорогах.

Сегодня российские законодатели признают необходимость введения дополнительных санкций за нарушение дорожных правил. В частности, с 2009 г. были ужесточены меры уголовного наказания пьяным водителям, совершившим ДТП с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего [3, ч. 2, 4, 6 ст. 264]. С 2013 г. значительно выросли штрафные санкции за нарушение ПДД [4, ст. 12.1–12.28]. Однако, на наш взгляд, проблемой является то, что сегодня в основном ужесточается наказание за ДТП уже по факту, как правило, пострадавшими. Более перспективным направлением видится правовое воздействие государства на водителя в целях предупреждения правонарушения, когда он осознает, что наказуемо уже само по себе нарушение дорожных правил, а не только при наличии материального ущерба или пострадавших лиц и эта мера государственного воздействия направлена на обеспечение общественной безопасности всех участников дорожного движения. При таком подходе ситуация кардинально изменится в лучшую сторону, что скажется на снижении количества ДТП в целом.

Решение обозначенной проблемы возможно за счет устранения ее составляющих. Так, одним из нарушений Правил дорожного движения, которое необходимо пресекать на начальной стадии, а не по факту, когда преступление уже совершено, является управление транспортным средством без соответствующего разрешения государства. По данным ГИБДД, в России каждое восьмое ДТП происходит по вине пьяного водителя, каждое седьмое — по вине водителя, управлявшего автомобилем без прав [5].

Согласно ст. 12.7. Кодекса об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ) «управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством (за исключением учебной езды), влечет наложение административного штрафа в размере от 5 тысяч до 15 тысяч рублей, а за управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортным средством, налагается административный штраф в размере 30 тысяч рублей, либо административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от 100 до 200 часов». При этом к описанным правоотношениям могут применяться положения ст. 27.12 (отстранение водителя от управления автомобилем) и 27.13 (задержание транспортного средства и помещение его на специализированную стоянку) [4, ст. 12.7, 27.12, 27.13].

Вот один из характерных примеров, отображающих сложившуюся практику подобных правонарушений. «9 января 2014 г., на Грабцевском шоссе в Калуге сотрудники ГИБДД задержали 34-летнего водителя ВАЗ 21013, который пьяным ехал за рулем. В 2010–2013 гг. его задерживали за езду без удостоверения

и в состоянии алкогольного опьянения более 10 раз, однако по настоящее время штрафы в размере 50 тысяч рублей он так и не заплатил. По информации сотрудников ГИБДД, машина правонарушителя помещена на штрафстоянку и решается вопрос об административном аресте самого водителя. Однако максимум, что ему грозит, — 15 суток. Взысканием штрафов будут заниматься уже судебные приставы. При этом инспекторы ГИБДД отмечают, что, скорее всего, этот человек выйдет и вновь сядет за руль. По нынешним законам завести на него уголовное дело или конфисковать машину нельзя» [6].

Возникает вопрос о несоразмерности санкции за несоблюдение требований правовой нормы. Согласно Правилам дорожного движения «водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать им для проверки водительское удостоверение или временное разрешение на право управления транспортным средством соответствующей категории» [2, ч. 2.1.1]. В данном случае норма напрямую обязывает водителя транспортного средства иметь соответствующее разрешение на его управление. Иными словами, несоблюдение требований диспозиции (наличия водительского удостоверения или временного разрешения на управление транспортным средством) влечет неблагоприятные для правонарушителя меры юридической ответственности, в том числе посредством государственного принуждения; сам механизм исполнения государственного предписания в законодательстве достаточно четко прописан. Но количество ДТП, связанных с управлением транспортным средством без водительского удостоверения, по сути без соответствующего разрешения государства (если прав не было изначально) либо вопреки запрету государства (если права были изъяты за ранее совершенные правонарушения), не сокращается. Значит, применяемые государством санкции не имеют ни предупредительного, ни пресекающего воздействия на правонарушителей и должны быть скорректированы для устранения сложившейся негативной практики в сфере дорожного движения.

Изначально водитель, осуществляющий маневрирование транспортным средством, должен осознавать, что его действия без соответствующего разрешения государства в виде водительского удостоверения или временного разрешения на управление автотранспортным средством квалифицируются действующим законодательством как преступление, и он за него понесет соответствующее наказание вне зависимости от того, послужили ли его действия причиной ДТП. Само управление транспортным средством как объектом повышенной опасности без соответствующего разрешения государства должно квалифицироваться как преступление.

Определенным рубежом может быть переквалификация административного наказания за правонарушение в наказание за уголовное преступление по своему составу. В данном случае необходимо исходить из социальной значимости последствий в связи с противоправным управлением транспортным средством как объектом повышенной опасности. Пресечение правонарушения на начальной стадии позволит значительно снизить количество смертей и увечий ни в чем не повинных людей. В целом государство нормативно ограничивает оборот отдельных объектов, эксплуатация которых несет повышенную опасность для

окружающих. При этом как преступное деяние рассматривается не только применение по назначению, но и само наличие у человека или оборот такого объекта без соответствующего разрешения государства. Законом преследуется ношение без разрешения оружия и боеприпасов, незаконный оборот наркотических и психотропных средств и их прекурсоров, тяжелых и редкоземельных металлов. В данном случае государство исходит из того, что пресечение владения такими объектами значительно снижает возможность их несанкционированного применения.

Несомненно, к категории таких объектов относятся и транспортные средства, которые в неумелых или преступных руках могут стать инструментом для совершения преступления. В силу этого само по себе управление транспортным средством без соответствующего разрешения государства должно категорически пресекаться и сопровождаться жесткими санкциями вне зависимости от того, последовали ли за этими противоправными действиями ДТП со смертельным исходом или травмой участников дорожного движения. При этом согласно ст. 25 Уголовного кодекса РФ такое деяние должно квалифицироваться как «преступление, совершенное с косвенным умыслом, так как лицо осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично» [3, ст. 25].

Наказание за управление транспортным средством водителем, не имеющим прав на его управление, должно в первую очередь носить предупредительный характер и при совершении повторных подобных деяний нести характер наказания. Подобная практика применяется во многих иностранных государствах. Так, в Германии управление автотранспортным средством без водительского удостоверения квалифицируется как серьезное преступление, и согласно параграфу 1 ст. 21 Закона о дорожном движении «в лучшем случае провинившийся заплатит крупный штраф, в худшем — сядет в тюрьму на срок до года. Правда, если человек случайно забыл водительские права дома или на работе, то штраф будет чисто символическим — 10 евро» [7]. «Французское законодательство устанавливает наказание за езду без прав в один год тюрьмы, а за управление автомобилем после лишения прав — 2 года тюрьмы» [8]. В Израиле гражданин за управление мотоциклом без водительских прав был «приговорен транспортным судом к тюремному заключению сроком на 15 дней. Также в приговоре фигурирует лишение возможности сдать на права сроком на 8 месяцев, штраф 1500 шекелей и условное заключение сроком на полгода в течении трех лет. Обвинение потребовало тюремного заключения, ссылаясь на то, что лицо, управляющее транспортным средством без каких-либо навыков, является угрозой для общества. С 2012 г. меры наказания за нарушение правил дорожного движения ужесточились. Сегодня транспортные суды Израиля выносят приговоры с тюремным заключением за нарушения, наказание за которые в прошлом ограничивалось лишением прав и денежным штрафом» [9].

Совершенствование правового регулирования мер государственного воздействия на участников дорожного движения должно быть направлено на повышение их правовой культуры. При этом ужесточение мер воздействия на до-

рожных нарушителей на начальном этапе будет способствовать уменьшению количества ДТП, принуждая их неукоснительно соблюдать правила дорожного движения. Усиление мер правового воздействия на правонарушителей оправдано тем, что государство не нарушает конституционных прав участников дорожного движения, а только обеспечивает неукоснительное выполнение своих предписаний, направленных на повышение безопасности законопослушных участников дорожного движения.

Данные выводы были представлены автором в процессе деятельности рабочей группы, сформированной Законодательным Собранием Калужской области для разработки предложений по совершенствованию законодательства в сфере предупреждения ДТП с участием несовершеннолетних [10]. В результате рабочей группой на рассмотрение депутатов областного парламента был направлен проект постановления Законодательного Собрания Калужской области о внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в качестве законодательной инициативы проекта федерального закона «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона “О безопасности дорожного движения” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях обеспечения безопасного участия детей в дорожном движении в темное время суток» [11, 12].

Библиографический список

1. Редькина Е. В России стало больше ДТП по вине нетрезвых водителей // За рулем. 2013. № 12. URL: <http://www.zr.ru/content/news/600759-v-rossii-stalo-bolshe-dtp-po-vine-netrezvux-voditelej>
2. О Правилах дорожного движения: постановление Правительства РФ от 23 окт. 1993 г. № 1090 (ред. от 17 дек. 2013 г. № 1176) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 № 432-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 № 415-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
5. Какое наказание следует предусмотреть для человека, управлявшего транспортным средством без прав и в состоянии опьянения. URL: <http://gai.ru/press/news6794-kakoe-nakazanie-sleduet-predusmotret-dlya-cheloveka-upravlyavshego-transportnyim-sredstvom-bez-prav-i-v-sostoyanii-opyaneniya-deputaty-i-pre>
6. Калужанин 10 раз попадался за рулем без прав, но продолжает ездить. URL: http://www.kp40.ru/news/gorod_oblast_/24442
7. Полиция Германии случайно выявила водителя, который ездил без прав 34 года. URL: <http://gorod-77.livejournal.com/356946.html>
8. Штрафы в России и на Западе: где суровей? URL: <http://autochel.ru/text/instructor/517122.html>
9. Брант Ю. Тюремное заключение за вождение без прав. URL: <http://pravo.israelinfo.ru/articles/tran/2707>
10. О создании рабочей группы по разработке предложений по совершенствованию законодательства в сфере предупреждения ДТП с участием детей: распоряжение Законодательного Собрания Калужской области от 13 дек. 2013 г. № 2236. URL: www.opkaluga.ru
11. Амбарцумян А. Законы и инициативы диктует жизнь. URL: <http://www.vest-news.ru/article.php?id=56708>
12. Калакин А. Каждому школьнику по фликкеру. URL: <http://www.vest-news.ru/article.php?id=56708>

O.A. Sukhorukova
Conflicts Management
in Civil Proceedings

Issues of conflicts' negative influence on procedural communication are considered. The necessity of establishing a separate institution of procedural conflicts management in civil proceedings is substantiated. An approximate mechanism of management activity within adjudication of a case is suggested.

Key words and word-combinations: procedural communication, procedural conflict, conflict management.

Рассматриваются проблемы негативного влияния конфликтов на судебную коммуникацию. Обосновывается необходимость формирования в гражданском судопроизводстве самостоятельного института управления процессуальными конфликтами. Предлагается примерный алгоритм управленческой деятельности в рамках судебного разбирательства.

Ключевые слова и словосочетания: процессуальная коммуникация, процессуальный конфликт, управление конфликтом.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

О.А. Сухорукова

**УПРАВЛЕНИЕ
КОНФЛИКТАМИ
В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Теории конфликта к настоящему моменту прошли значительную эволюцию от математически точных схем, предлагаемых теорией игр и теорией рационального выбора, до значительно более глубокого понимания процесса работы с конфликтом через оптимизацию взаимного интереса и интегративные схемы управления.

Разнообразие понятий, используемых в этой области, отражает даже не столько неопределенность применяемых терминов, сколько реальное разнообразие возможных форм работы с конфликтами. На практике явно различаются меры, направленные на предупреждение, профилактику конфликтности, и собственно деятельность по управлению конкретными конфликтными ситуациями.

Профилактика конфликта не является сильной стороной теории конфликтов. Действительно, эффективность общих превентивных мер невысока, поэтому конфликтологическое направление новой парадигмы гражданского процесса, становление которой в настоящее время обозначается [1, с. 41], необходимо строить на идее согласования интересов сторон еще до их реализации, когда потенциальные противоречия и оппозиции только моделируются. Таким образом, разрешение возможных конфликтов происходит уже на стадии целеполагания. Учитывая современное состояние процессуальной науки и складывающуюся в этой сфере пока бессистемную практику, решение проблемы управле-

ния процессуальными конфликтами должно основываться на формировании специальных институциональных механизмов.

В контексте коммуникативной концепции процесса, которой придерживается автор, наиболее корректно рассматривать именно управление конфликтами как целенаправленную контролируемую деятельность, а не их регулирование, разрешение и т.п. Это объясняется разницей в объемах понятий. Управление, помимо того, что оно охватывает более широкий спектр проявлений конфликтности, еще и более точно отражает характер самой деятельности и ее субъектный состав.

Так, управлять конфликтом может любой участник судопроизводства, в том числе вовлеченный в конфликт, в отличие от разрешения и регулирования, каждое из которых семантически более склоняет нас к привлечению независимого арбитра. Основным субъектом управления конфликтом в процессе является судья. Именно судья, который в силу занимаемого положения и в контексте целей судопроизводства обязан обеспечивать эффективную коммуникацию, должен заботиться о бесконфликтном движении процесса. Не утрачивает он своих полномочий и в ситуациях, когда сам становится участником конфликта, хотя управление в данном случае видоизменяется, за счет утраты качества объективности.

Понятием «управление конфликтом» традиционно обозначается целенаправленное воздействие на его динамику в интересах развития или разрушения системы взаимодействий, к которой имеет отношение данный конфликт.

Как и любая деятельность, управление процессуальными конфликтами в своем развитии проходит несколько стадий, каждая из которых несет в себе особую часть функциональной нагрузки. Выделяются шесть последовательных шагов, единых для всех типов процессуальных конфликтов: выявление; мониторинг пространства конфликта; диагностика конфликта; планирование действий для его устранения; осуществление плана; подтверждение и оценка результата.

Выявление конфликта — наиболее важная стадия, поскольку от ее итогов зависит беспрепятственное движение дела и получение закономерного процессуального результата, но и наиболее сложная из всех, так как обнаружение непроявившихся противоречий, особенно в отсутствие внешних признаков, требует от судьи больших знаний, внимания и опыта, которые не всегда находятся на достаточном уровне.

Управление конфликтом всегда вызвано объективной необходимостью и при этом может быть как спонтанным, предопределенным влиянием неожиданных факторов, так и подготовленным и целенаправленным. Объективной необходимостью в равной мере является и ответ на уже возникшую конфликтную ситуацию, и ее предвосхищение, поэтому стадия выявления конфликта в каком-то смысле встроена в процесс и неотделима от него. С момента возбуждения производства по делу до оглашения решения судья должен осуществлять непрерывный мониторинг состояния коммуникативной ситуации на предмет стабильности существующих в конкретном деле оппозиционных отношений. Опыт наблюдения за процессуальной коммуникацией показывает, что возможны два варианта появления нестабильности в таких структурах: если одна из оппозиций начнет даже минимальное движение в направлении обострения противоречия либо в ходе коммуникации появится новая априори конфликто-

генная оппозиция, которая в будущем с большой вероятностью может трансформироваться в конфликт. Оба случая являются поводом для начала активного управления конфликтом.

После того как конфликт обнаружен, необходимо детально проанализировать его местоположение в судебном поле, то есть в том социальном пространстве, в котором протекает данная судебная коммуникация. Основной акцент на этом этапе следует делать именно на установлении пространства конфликта, тех микросфер процессуальной коммуникации и отдельных отношений, которые оказались в него вовлечены либо могут быть затронуты его последствиями. Если, например, стороны конфликтуют по поводу подсудности спора, первоочередная задача судьи — не допустить «заражения» конфликтностью других процессуальных отношений. Для того чтобы эту задачу решить, необходимо четко определить границы конфликта и степень его потенциальной разрушительной способности, что и происходит на второй стадии управленческого процесса.

Третья стадия связана с глубокой аналитической работой судьи, поскольку предполагается выявление причины конфликта. Как показывает практика, причины процессуальных конфликтов могут быть самыми разными и далеко не всегда обусловлены противоречием целевых установок сторон. В зависимости от вида конфликта различаются и причины его возникновения. Так, если речь идет, например, об интраперсональных конфликтах, то причину следует искать в психоэмоциональной сфере, тогда как мнимые конфликты, как правило, обусловлены стратегическими соображениями их автора. Причиной конфликта может быть и незнание или непонимание своей процессуальной роли. В любом случае уяснение причины конфликта — залог его успешного разрешения и основа для планирования действий управляющего субъекта.

Важным признаком эффективной коммуникации и деятельности по управлению процессуальными конфликтами как ее части является то, что она не предполагает работы с последствиями конфликта, а только с его причиной. Судья в контексте провозглашенной беспристрастности не мотивирован на устранение негативных последствий конфликта, поскольку эти действия носят выраженный субъективный характер. Максимум его участия в работе с последствиями ограничивается их преодолением в стремлении к непрерывности и концентрации процесса, а также к обеспечению общих условий для успешности судебной коммуникации.

Обнаружение причины конфликта, таким образом, позволяет судье перейти к планированию своей деятельности. В отличие от стандартных задач судебной деятельности, управление процессуальными конфликтами требует внимания не только к характеру конфликта, но и к его динамике. Это необходимо, чтобы понять, какое содержание вкладывать в сообщения и в какой форме их предлагать. Такая задача предполагает способность судьи проанализировать «когнитивную составляющую» проявляющихся конфликтов, то есть то, как его участники воспринимают те или иные элементы окружающей их реальности.

Такой подход обеспечит системное планирование управленческой деятельности судьи, учитывающее все аспекты конфликтной ситуации. Осознавая высокую конфликтногенность судебного процесса, судья должен закладывать воз-

возможность корректировки основной стратегии на судебное разбирательство уже в самом его начале. Однако так как конкретные тактические схемы заранее определить нельзя, их формирование происходит, когда конфликт уже диагностирован.

М. Дойч описывает стратегии управления конфликтом через кооперативное или конкурентное измерение, то есть ориентацию участников конфликта на свои интересы и нужды и / или на интересы и нужды другой стороны. Конструктивный процесс разрешения конфликта подобен эффективному кооперативному процессу, тогда как деструктивный процесс — процессу конкурентного взаимодействия. Соответственно, для понимания конструктивного или деструктивного процессов развития и разрешения конфликта могут использоваться данные о стратегиях поведения участников конфликта [2, с. 23].

При выработке стратегии судье следует исходить из того, что управление конфликтом предполагает умение поддерживать его значение ниже того уровня, на котором он становится угрожающим для коммуникации. Умелое управление конфликтом может привести к его разрешению, то есть к устранению проблемы, вызвавшей конфликт, и восстановлению взаимоотношений сторон в том объеме, который необходим для обеспечения деятельности. Но в некоторых случаях такое развитие ситуации оказывается невозможным. Например, если конфликт не поддается управлению, задача судьи заключается не в том, чтобы удержать пораженную конфликтом систему процессуального взаимодействия сторон от распада. Напротив, она состоит в осуществлении действий, вызывающих распад этой системы на отдельные составляющие, и в последующей реинтеграции этих составляющих.

Такое решение возможно за счет того, что для системы характерно не только наличие связей и отношений между образующими ее элементами (в данном случае имеется в виду ее определенная организованность), но и неразрывное единство со средой, во взаимодействии с которой система обретает и проявляет свою целостность [3, с. 408]. Именно эти сохранившиеся внешние контекстные связи, содержащие в себе память об утраченной системе, позволяют восстановить ее, устранив противоречия.

Правильный выбор модели управления дает возможность предлагать более эффективные решения коммуникативной задачи. Таким образом, в зависимости от конкретной конфликтной ситуации судья может избрать либо деструктивную стратегию, предполагающую разрушение старой и построение новой неконфликтной оппозиционной системы взаимодействия, либо конструктивную стратегию, основывающуюся на разрешении конфликта без ущерба всей системы коммуникации. И та, и другая модели не лишены недостатков.

Попытки «вылечить» коммуникацию нередко встречают сопротивление не устраненных до конца противоречий, а достигнутый таким образом компромисс обычно не прочен, поскольку сама причина соперничества не устранена и достигнутое равновесие остается неустойчивым.

В свою очередь, деструктивный путь сопряжен с другой проблемой: возникновением так называемой нейтральной зоны, то есть периода, когда не работают ни старый, ни новый методы коммуникации. При правильном управлении такая ситуация — лишь временное явление, но бесконтрольная поляризация приведет к хаосу и не позволит достичь цели процесса.

В зависимости от особенностей конфликта, который требует управления в данный момент, различаются и мероприятия, предусмотренные выбранной коммуникативной стратегией. Например, конфликты между истцом и свидетелем будут управляться иначе, чем конфликты между истцом и ответчиком или представителями сторон.

Существуют разные инструменты для управления конфликтами. В некоторых случаях облегчает процесс оперирования поступающей информацией использование имиджеобразующих тактических схем. Имиджевые характеристики задают четкие варианты ожидаемого поведения в конфликтной ситуации и при необходимости способны это поведение скорректировать. Также в качестве «стабилизатора» потенциально конфликтных ситуаций в процессе используется еще один инструмент: подписка свидетеля, эксперта, специалиста об ответственности за дачу заведомо ложных показаний или заведомо ложного заключения [4, ст. 155]. Функцией указанного процессуального средства является система задания будущего поведения для определенной категории участников. Управляющее воздействие судьбы в рассмотренном случае может опираться на периодические отсылки к данной обязанности говорить правду и напоминание о санкции за ее нарушение. Это лишь некоторые примеры используемых в судебном заседании коммуникативных средств.

Главная же особенность управления процессуальными конфликтами по сравнению с конфликтами в других сферах состоит в том, что все меры, осуществляемые судом и другими участниками судопроизводства в рамках управленческой деятельности, независимо от их характера и содержания должны согласовываться с двумя основными принципами процесса: состязательностью и диспозитивностью.

Сложность состоит в том, что упомянутые принципы распространяют свое действие не на все возникающие в ходе рассмотрения дела взаимодействия. Так, коммуникация между свидетелем и судьей к состязательности или диспозитивности прямого отношения не имеет. Но несмотря на некоторую отстраненность, это, как и любое другое, процессуальное действие должно быть выстроено таким образом, чтобы обеспечить и диспозитивность, и состязательность для сторон. В ситуациях, когда коммуникация осложняется конфликтом, сделать это непросто. Тем не менее, если деятельность по управлению процессуальным конфликтом нанесла урон диспозитивности или состязательности, ее нельзя признать эффективной, даже если конфликт разрешен.

Наиболее эффективным и «безопасным» для процесса способом управления конфликтами является их профилактика, представляющая собой комплекс мер, направленных на недопущение возникновения деструктивных конфликтов и уменьшение их влияния на процесс в целом и различные его аспекты. Речь идет в том числе о создании определенного мотивационного уровня для сторон, которые в будущем могут быть вовлечены в конфликт. Подобная мотивация может иметь и «объективный» и «искусственный» характер, но в том и в другом случае должна удерживать стороны от вступления в конфликт или эскалации уже существующего противоречия.

Памятуя о потенциальной конфликтности судопроизводства как деятельности, мы не рассчитываем на то, что принятие обозначенных мер полностью

исключит конфликты из процесса. Однако достичь существенного снижения частоты их проявления и минимизировать негативное влияние на рассмотрение дела за счет использования предложенных инструментов представляется вполне возможным.

Библиографический список

1. *Аболонин В.О.* О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 40–43; № 12. С. 43–46.
2. *Deutsch M.* Constructive Conflict Resolution: Principles, Training and Research // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50, № 1.
3. Философский словарь. 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. И.Т. Фролова. М., 1991.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 г. № 436-ФЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

M.V. Bogomolov
Features of Modern
Classification
of the Legal Institution of Legal
(Procedural) Representation
in Civil and Arbitral Procedure
of the Russian Federation

Features of the modern classification of the institute of legal representation within the frameworks of civil and arbitral procedures in the Russian Federation are analyzed. The concept of legal representation classification based on the principle of whether the services are rendered professionally is elaborated.

Key words and word-combinations: civil and arbitral procedures in the Russian Federation, classification of the institute of legal representation, professional legal representation.

Анализируются особенности современной классификации института судебного представительства в рамках гражданского и арбитражного процессов РФ. Разрабатывается концепция классификации судебного представительства по признаку профессиональности оказываемых услуг.

Ключевые слова и словосочетания: гражданский и арбитражный процесс РФ, классификация судебного представительства, профессиональное судебное представительство.

УДК 347.91/.95
ББК 67.410.1

М.В. Богомолов

ОСОБЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ
ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА
СУДЕБНОГО
(ПРОЦЕССУАЛЬНОГО)
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА
В ГРАЖДАНСКОМ
И АРБИТРАЖНОМ
ПРОЦЕССЕ

Институт судебного (процессуального) представительства в современном гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации имеет существенное значение как для теории, так и для правоприменительной практики названных отраслей права. Именно посредством судебного представительства в правоприменительной практике достигается возможность эффективной реализации ряда основополагающих принци-

пов отечественного судопроизводства: равный доступ к правосудию; право лица на своевременную квалифицированную помощь; равенство всех перед законом и судом и другие.

Отдельное внимание в теории соответствующих отраслей процессуального права традиционно уделяется вопросам классификации видов судебного (процессуального) представительства. Теме классификации института судебного представительства посвящено немало трудов авторитетных авторов, среди которых можно выделить Е.Г. Тарло, М.А. Вилкут, М.К. Треушников, Г.Л. Осокину, А.В. Вилисова и других. Однако, несмотря на разработанность данной темы, вследствие ряда объективных обстоятельств она остается актуальной и сегодня.

Вопросы классификации судебного представительства имеют существенное значение не только для теории названных отраслей процессуального права — верное понимание оснований возникновения судебно-представительских отношений в существенной степени способствует разрешению ряда практических вопросов. Например, благодаря верному определению вида и оснований возникновения представительских правоотношений на практике становится возможным правильно обозначить перечень документов, необходимых для установления объема полномочий конкретного представителя и / или их подтверждения перед судом; разрешить вопрос целесообразности заявляемых стороной к компенсации судебных расходов, понесенных на оплату услуг судебного представителя по делу, некоторые иные вопросы.

Анализ трудов отечественных авторов — исследователей процессуального права по указанной теме показывает обширность имеющихся классификаций судебного (процессуального) представительства. Так, некоторые авторы классифицируют его в зависимости от наличия волеизъявления доверителя (представляемого лица), в данном случае выделяют добровольное и обязательное судебное представительство. Под добровольным понимается судебное представительство интересов доверителя, основанное на оформленном соответствующим образом согласии представляемого субъекта делегировать ряд полномочий конкретному судебному представителю. Обязательное представительство — судебно-представительская деятельность, осуществляемая при обстоятельствах, исключающих необходимость получения согласия доверителя для представления его интересов в соответствующем суде. Примеры перечисленных видов судебного представительства: представительство судебным представителем на основании доверенности (в первом случае); судебное представительство недееспособных или ограниченно дееспособных лиц в соответствии с нормами федерального законодательства (во втором случае).

Другая, не менее распространенная, классификация судебного представительства базируется на различиях в основаниях возникновения судебно-представительских отношений. Так, традиционно выделяют виды представительства:

1. *Договорное (свободное)* — между доверителем и представителем заключается соглашение об оказании соответствующих услуг [1].

2. *Общественное*, посредством которого судебное представительство осуществляется общественными объединениями. В данном случае доверителем может являться как член подобного объединения, так и любое иное лицо [1, с. 312].

3. *Законное*, основанное на определенных в законодательстве юридически значимых фактах [2]. К законному представительству относят представление интересов несовершеннолетнего лица его родителями, опекунами; в отношении юридических лиц — представление интересов ликвидируемого юридического лица компетентным членом ликвидационной комиссии; по Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» — законным представителем юридического лица, в отношении которого арбитражным судом введена процедура банкротства, является временный, внешний или конкурсный управляющий и т.п.

4. *По назначению* (судебный представитель для лица назначается судом). Допустимо при наличии определенных в законе обстоятельств, например, если у ответчика, место жительства которого неизвестно, отсутствует судебный представитель. Характеризуя данный вид судебного представительства, многие авторы [3] указывают на его новизну для отечественного права, отмечая при этом, что фактически судебное представительство по назначению впервые было предусмотрено действующим процессуальным законодательством Российской Федерации [4].

Некоторые авторы выделяют и иные виды судебного представительства в зависимости от оснований его возникновения.

Наличие ряда актуальных вопросов, появляющихся при реализации и функционировании правового института судебного представительства в рамках гражданского и арбитражного процесса Российской Федерации, позволяет предположить возможность дальнейшей разработки темы классификации судебного (процессуального) представительства и использования полученных результатов.

Судебное представительство в рамках отечественного гражданского или арбитражного процесса сегодня наиболее часто используемый способ участия лица в рассмотрении судом того или иного дела. Это обусловлено рядом причин: объективные — болезнь, командировка или иные обстоятельства, исключающие возможность участия лица в судебном разбирательстве; субъективные — нежелание лица участвовать в судебном процессе лично; стремление получить квалифицированную юридическую помощь и другие. В настоящее время является судебное представительство еще и особым родом профессиональной деятельности, осуществляемым определенной категорией лиц — профессиональными судебными (процессуальными) представителями. Анализ теоретических трудов, а также материалов судебной практики по указанной теме свидетельствует о том, что именно профессиональный судебный представитель не только замещает доверителя в судебном процессе, но и существенно способствует реализации основных задач гражданского и арбитражного судопроизводства в Российской Федерации [5, ст. 2; 6, ст. 2]. Принимая во внимание значение деятельности профессионального судебного представителя, необходимо провести новую (дополнительную) классификацию судебного представительства — в зависимости от наличия условия профессиональности оказываемой судебно-представительской деятельности.

Разработка подобной концепции позволит на теоретическом уровне создать предпосылки для последующего более глубокого исследования правового института судебного представительства в рамках отечественного гражданского и

арбитражного процесса, а на практике даст возможность более подробно понимать характер и природу судебно-представительской деятельности в каждом отдельном случае.

В теории гражданского и арбитражного процесса имеется ряд исследований, так или иначе затрагивающих вопросы профессионального представительства. Например, Е.Г. Тарло под профессиональным судебным представительством понимает исключительно судебное представительство, оказанное лицами, получившими в установленном порядке статус адвоката [7]. Одним из оснований данной позиции выступает тот факт, что положения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (далее — Закон об адвокатуре) определяют судебно-представительские услуги адвоката в качестве оказываемых на профессиональном уровне. Однако безапелляционное отнесение к категории профессионального судебного представительства лишь деятельности, оказываемой лицами, наделенными статусом адвоката, представляется ошибочным. Несмотря на то что в соответствии с положениями Закона об адвокатуре адвокатская деятельность определяется как «квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе» [8, ст. 1,] данное обстоятельство не препятствует оказанию юридических услуг (в том числе судебно-представительских) на профессиональном уровне иными лицами. В то же время реализация позиции, в соответствии с которой профессиональное судебное представительство может осуществляться не только адвокатами, требует определения критериев отнесения судебно-представительской деятельности к категориям профессиональной или непрофессиональной.

Наиболее верным в решении указанного вопроса считаем подход, по которому отнесение представительской деятельности к профессиональной должно быть обусловлено, во-первых, наличием условия возмездности (платности), а во-вторых, правовым положением самого лица, оказывающего судебно-представительские услуги. Руководствуясь предложенным, необходимо сформировать четкое определение судебно-представительской деятельности, оказываемой на профессиональной основе.

Так, под судебно-представительской деятельностью, оказываемой на профессиональной основе, следует понимать деятельность специального субъекта, обладающего специфическим статусом, по оказанию судебно-представительских услуг, а равно деятельность физического лица (без приобретенного в установленном порядке статуса адвоката, индивидуального предпринимателя), осуществляющего судебно-представительскую деятельность исключительно на возмездной основе.

Сформулированное определение, позволяет разграничить и субъектов, оказывающих соответствующие виды судебно-представительских услуг. К профессиональным судебным представителям следует отнести, во-первых, судебных (процессуальных) представителей — юридических лиц (причем как коммерческих, так и некоммерческих форм) независимо от наличия условия возмездности реализуемых ими услуг. Условие платности в данной ситуации не имеет принципиального значения. Оказание данными субъектами представительских услуг

на профессиональной основе обусловлено правовой природой оказывающего их субъекта. Юридическое лицо является специфическим, коллективным субъектом отечественного права, оказание им каких-либо услуг или выполнение работ на непрофессиональном уровне противоречит самой цели его учреждения. Во-вторых, к профессиональным представителям возможно причислить физических лиц, получивших в установленном порядке статус индивидуального предпринимателя. Как и в ситуации с юридическими лицами, условие наличия возмездного характера их деятельности также не является существенным. Однако отнесение данных лиц к профессиональным судебным представителям возможно лишь тогда, когда данное физическое лицо выступает в судебном процессе именно как индивидуальный предприниматель. Процедура установления подобных обстоятельств — отдельный вопрос, но представляется верной позиция, в соответствии с которой обязанность по установлению данного обстоятельства необходимо включить в процесс идентификации судом личности судебного представителя, проверки его полномочий при подготовке дела к рассмотрению. В случаях когда судебный (процессуальный) представитель, формально обладающий статусом индивидуального предпринимателя, указывает на свое участие в деле в качестве физического лица, характер статуса его деятельности будет необходимо определить в соответствии с критериями, предъявляемыми для физических лиц, не обладающих специальным статусом. В-третьих, профессиональным судебным представителем целесообразно считать физическое лицо (без специального статуса), оказывающее судебно-представительские услуги на возмездной основе. К данной категории возможно отнести и деятельность лица, хотя формально и имеющего статус индивидуального предпринимателя, но участвующего в деле без указания на таковой. Возмездная деятельность судебного представителя здесь будет расцениваться как извлечение коммерческой выгоды (пользы) из судебно-представительских правоотношений, а следовательно, предполагается профессиональный уровень оказываемых услуг. В целях стимулирования подобных отношений законом предоставляется доверителю возможность при наличии определенных условий полностью компенсировать расходы, понесенные на оплату услуг судебного представителя в разумных пределах. Это свидетельствует о признании законодателем важности подобной деятельности для реализации задач соответствующих судопроизводств. Таким образом, подобная деятельность должна отвечать требованиям высокого качества и профессиональности — обратное противоречило бы общей логике процессуального законодательства.

Кроме того, к профессиональным судебным представителям, бесспорно, есть основания причислить лиц, получивших в установленном законом порядке статус адвоката. Исходя из анализа действующего процессуального законодательства, положений Закона об адвокатуре статус адвоката предполагает наличие у лица высокого уровня юридических знаний и профессиональных навыков, более того, определяет подобное лицо в качестве субъекта, оказывающего юридические услуги профессионально.

В соответствии с предложенной концепцией к судебному представительству, осуществляемому на непрофессиональной основе, следует отнести процес-

суально-представительские услуги, оказываемые физическими лицами на безвозмездной основе. Представитель в данном случае не наделен каким-либо специфическим статусом, действует безвозмездно, что свидетельствует об отсутствии коммерческой составляющей. Он может вовсе не обладать какими-либо юридическими знаниями или практическими навыками. Данную категорию представляют существенная часть форм законного представительства, а также представительство в рамках выполнения трудовой или служебной функции.

Отдельного внимания заслуживает вопрос осуществления судебного представительства работниками юридического лица в рамках трудовой или служебной функции. На первый взгляд, судебно-представительские услуги в рамках трудовой (служебной) функции следовало бы считать оказываемыми на профессиональной основе, но в то же время, они не отвечают критериям изложенной концепции. Деятельность в рамках трудовой функции не свидетельствует о профессиональности оказываемых услуг. В соответствии со сложившейся судебной практикой оказание представительских услуг в рамках трудовой (служебной) функции не порождает у доверителя обязанности по оплате подобных услуг [9, п. 11], закон не распространяет на подобную деятельность действие механизма стимулирования развития судебно-представительских правоотношений. Подобный судебный представитель не всегда является юрисконсультom организации, более того, зачастую представлен руководителем органа или организации в целом, иными лицами. В связи с этим подобную деятельность целесообразней относить к категории непрофессионального представительства.

На основании предложенной концепции представляется возможным классифицировать правовой институт судебного (процессуального) представительства в зависимости от наличия условия профессиональности оказываемых услуг. Теоретическая польза подобной классификации заключается в создании условий для последующих более глубоких исследований судебного представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации. На практике предложенная классификация позволит не только более верно определить характер представительских правоотношений, но, возможно, разрешить некоторые вопросы, возникающие в связи с участием по делу судебного представителя. Например, участие по делу профессионального судебного представителя предполагает наличие у него высокого уровня знаний в области процессуального права, следовательно, он должен осознавать характер возможных последствий совершаемых им действий или меру ответственности перед доверителем. В свою очередь, данные обстоятельства могут поспособствовать разрешению проблем злоупотреблений процессуальными правами судебными представителями или повышения уровня их ответственности перед доверителем за принятые на себя обязательства.

Таким образом, обращаясь к вопросам классификации правового института судебного (процессуального) представительства в современном гражданском и арбитражном процессе РФ, требуется учитывать возможность ее проведения и по предложенному основанию. Предлагаемая классификация достаточно обоснованна, при этом она не рассматривается в качестве единственно верной и должна использоваться в комплексе с другими классификациями, проведенными

ми по иным основаниям, может выступить темой научной дискуссии, а ее положения могут быть подвергнуты конструктивной научной критике.

Библиографический список

1. *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс: Общая часть. 2-е изд., перераб. М., 2008.
2. *Осокина Г.Л.* Понятие, виды и основания законного представительства // Российская юстиция. 1998. № 1. С. 43–44.
3. *Бортникова Н.А.* Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 5. С. 15–18.
4. *Чамышева Ю.А.* Представительство по назначению суда – новый вид судебного представительства в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 200–202.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // Парламентская газ. 2002. 20 нояб., № 220–221.
7. *Тарло Е.Г.* Профессиональное представительство в суде. М., 2004.
8. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Парламентская газ. 2002. 5 июня, № 104.
9. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 дек. 2007 г. № 121 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2008. № 2.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

E.Yu. Strigankova
Social Communication
in Forming Civil Society

This article analyzes the challenging issues of modern civil society formation. The author reveals the importance for studying socio-cultural structures, values and their role in forming civil society.

Key words and word-combinations: social communication, civil society, social solidarity, communicative rationality, values.

Рассматриваются актуальные вопросы формирования современного гражданского общества. Особое внимание уделяется исследованию социально-коммуникативных структур, их места в управлении, специфике ценностного содержания гражданского общества.

Ключевые слова и словосочетания: социальная коммуникация, гражданское общество, социальная солидарность, коммуникативная рациональность, ценности.

УДК 316.32
ББК 60.52

Е.Ю. Стриганкова

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Социальная ситуация начала XXI вв., стремление постичь ее сущность, специфику многообразных проявлений, обнаруживают новые факторы, оказывающие глобальное влияние на современную культуру, общество и человека. Среди этих факторов доминирующим является существующая в настоящее время система коммуникации, которая изменяет как характер общечеловеческой культуры, так и межкультурные связи, общение, социальные и политические практики.

Современная теория коммуникации включает множество мнений, подходов, концепций, отражающих сложность феномена коммуникации и многообразие научных позиций, суждений, перспектив в формировании и углублении знания о ней.

Созидание гражданственности в российском обществе, идет ли речь о гражданских институтах, правах и обязанностях, свободе и ответственности, самоорганизации, наконец, собственно о гражданине, составляет сегодня актуальную задачу. Успешность ее

решения опирается в определенной мере существование критической тенденции, на необходимость преодоления дефицита доверия, но в наибольшей степени, на культивирование позитивных и конструктивных принципов, ценностей и достижений. Без духовно-нравственного фундамента, включающего совместно пережитый исторический опыт, традиции, идеалы, чувства, коллективные ценности и определяющего самосознание, самоидентичность и единство российского общества, строительство подлинно гражданского общества, несмотря на многообразие институциональных изменений и преобразований, невозможно.

В данной ситуации возрастает значение научно-теоретического определения основных идей, факторов и направлений, которые должны быть приняты во внимание при выяснении путей формирования мировоззрения современного гражданского общества вообще, сознания и самосознания российского общества в частности.

Представляется достойной внимания позиция социальных исследователей, акцентирующих теоретическую и практическую значимость трех составляющих в изучении становления современного гражданского общества: идеи общества, идеи солидарности и рациональности. Возникновение и развитие упомянутых идей имеет определенную историю, которая корректируется в соответствии с современным содержанием социальных процессов [1].

В отношении категории «общество» отмечается единство универсальности его принципов и механизмов (общественности, социальности и т.п.), специфичности видов социальности (в частности, гражданского общества) и уникальности отдельных образований (например, российского общества), что относится к научному, символическому и ценностному значению понятия «общество».

Справедливо указывается, что в настоящее время такая идея в России находится на периферии общественного внимания. Однако именно *общества*, то есть индивиды и группы, объединенные многообразными экономическими, политическими, культурными связями и интересами, традициями, ценностями, целями и волевыми усилиями, являются главными субъектами социально-исторического действия. Это должно быть «общество граждан», которое можно уважать, любить, которому можно верить. [2, с. 99]

В отношении социальной солидарности отмечается наличие фундаментальной реальности солидарности и согласия в обществе, их противостояние конфликтности, вражде, эгоизму — индивидуальному, классовому, национальному. Кооперация, взаимообмен и сплоченность — не менее универсальные явления социальной жизни, чем конфликт.

Прогрессивные социальные мыслители и общественные деятели оценивали солидарность как необходимое условие социальной жизни, доказывая, что, прежде чем конфликтовать, люди так или иначе объединяются: «Ни одно общество не может поддерживать стабильность, имея в виду потенциально возможные конфликты и кризисы, если интересы его граждан не определяются солидарностью, внутренней лояльностью и взаимными обязательствами» [3, 4].

Для формирующегося российского гражданского общества важно, чтобы сущность и ценность социальной солидарности были осознаны, прочувствова-

ны и приняты как реальный факт и долг, объединяющий индивидов, группы и социальные общности.

В отношении рационализма справедливо отмечается отсутствие развитого рационального начала и российской философской традиции, с одной стороны, и значительное влияние иррационалистических тенденций в мировоззрении и культуре — с другой, что затрудняет реалистичное понимание сложных социальных процессов. Дефицит рациональности, рассудочности, утилитарности в решении сложнейших задач управления страной, в свою очередь, препятствует утверждению общественного согласия, инициативности и ответственности российских граждан.

Представленные положения в полной мере касаются исследования места и роли социальной коммуникации как целостного феномена и коммуникативной рациональности в качестве ее конкретного вида в современных социальных системах. Анализ теоретического материала и эмпирические данные показывают, что коммуникативная рациональность — одно из средств достижения взаимопонимания; значимый мотиватор человеческого поведения; эффективный способ социальной интеграции, создания гражданского общества в современной России.

Уже в начале XX вв. американский социолог Ч. Кули пришел к выводу о масштабности сдвигов, которые начали происходить в структуре коммуникации общества. Считая коммуникацию важной несущей конструкцией общественного сознания, американский исследователь отмечал, что «революция в коммуникации творит для нас новый мир» [5] и главными параметрами этой революции являются усиление экспрессивности, то есть оперирование чувствами и представлениями, способными оказывать влияние на сознание индивида; устойчивость результата — преодоление времени; быстрота распространения, или преодоление пространства; диффузия идей, иными словами, проникновение их во все слои общества [5, с. 65].

На современном уровне информатизации российского общества необходимо исследовать коммуникационную систему, основным предназначением которой в социуме является осуществление взаимосвязи между жизненной средой и речевым поведением человека. Система выступает здесь доминирующим механизмом интерактивного обмена человека с природным, культурным и социальным окружением, опосредуемым социальной инфраструктурой [6]. В данном процессе образуется коммуникативное сообщество, которое характеризуется отношениями взаимосвязи, обмена действиями и взаимопонимания. При наличии «совместных кодов взаимопонимания» (понятийных, речевых, символических, эмоциональных) коммуникация содействует созданию атмосферы доверия и уважения партнеров, стремления к взаимопониманию и сотрудничеству, идентификации интересов и единства. Идентификация неразрывно связана с коммуникацией: через соучастие происходит понимание (смысловой контакт) действий друг друга, проявляется способность участников интеракции адекватно интерпретировать замыслы (цели) и включаться в согласованные действия.

В данном случае исходим из определения коммуникации в качестве *движения смыслов в социальном пространстве-времени*. Социальное пространство понимается здесь как интуитивно ощущаемая людьми система социальных

отношений между ними, а социальное время — интуитивное ощущение течения социальной жизни, переживаемое современниками. Восприятие социального пространства-времени детерминировано культурой, в рамках которой происходит социализация человека, включающая и индивидуально-личностное, и гражданское становление субъекта коммуникации, являющееся важнейшим условием функционирования, взаимодействия и совершенствования общества, культуры и человека.

Весьма плодотворными для определения методологических оснований исследования актуальных проблем социальной коммуникации продолжают оставаться идеи М.М. Бахтина. Несколько методологических положений, результативно работающих в социально-философских исследованиях коммуникативной проблематики современности:

1. Понимание отношений Я и Другого, Я и культуры, которые взаимно проникают в «участных поступках» как уникальных «событиях бытия» и становятся диалогами Я с Другим, с другими людьми и культурами, выявляет уникальный ценностный смысл современной социальной коммуникации.

2. Диалог — условие любого бытия, его наличие свидетельствует о существовании субъекта. Понятие диалога дублирует и органично дополняет смысла категории существования, идею коллективного сообщения; он выступает способом познания, объективацией персонального знания, с одной стороны, и методом воссоединения субъектов диалога — с другой. «Только в общении, во взаимоотношении человека с человеком раскрывается «человек в человеке» как для других, так и для себя самого» [7, с. 294].

3. Уникальное содержание темы ответственности и определение взаимосвязи свободы и ответственности, отмечающее, что сначала важна ответственность, а потом «свобода — как усвоение вменения, когда я считаю, что я причина» [8, с. 123].

Вполне оправданно, что обозначенные методологические и этические установки остаются основанием ценностного подхода в моделировании социальной коммуникации, а именно деятельности ее субъектов и культурного кода в многообразных видах коммуникативных практик формирующегося гражданского общества.

В парадигме информационного общества особенно активно проявляется проблематика, связанная с оптимизацией управления, одним из существенных аспектов которого выступает рассмотрение особенностей современных коммуникаций, коммуникативных стратегий как типов коммуникативных действий и практик, качественных характеристик коммуникативных систем. В коммуникативном пространстве развиваются новые технологии, виртуальность, манипулятивность, сетевая логика и логика медиа-культуры. Несомненно, комплекс коммуникативных проблем достаточно сложен и требует для изучения, развития и оптимизации полипарадигмального подхода усилий зарубежных и отечественных исследователей, конкретизации отдельных направлений коммуникативных отношений и видов деятельности, определения их практической значимости.

В частности, в исследовании современного гражданского общества определяющей является установка, исходящая из позиции о том, что оптимизация

коммуникативных практик в политической сфере современного общества возможна при выполнении следующих требований: свободное распространение информации (любые препятствия в осуществлении информационного обмена ведут к упадку общества); гибкость, способность общества изменяться в соответствии с импульсами из внешней среды (отсутствие информационного взаимодействия со средой, изоляция от контекста грозит дезорганизацией); доступность информации (отсутствие права на коммуникацию понижает интенсивность информационного обмена, а следовательно, способствует разрушению социальной толерантности) [9].

Перечисленные ценности тождественны ценностям гражданского общества и должны в полной мере реализовываться в правовом государстве. Таким образом, гражданское общество может считаться обществом эффективной и оптимизирующейся, перманентно совершенствующейся коммуникации, а коммуникативность — его существенной и социально значимой компонентой.

В настоящее время в связи с политическими и экономическими изменениями в жизни российского общества концепция публичных политических отношений значительно изменилась в направлении перехода от административно-командной системы управления к созданию модели открытой бюрократии, обладающей высокой степенью адаптивности к изменяющимся условиям [10, с. 168—169]. Это проявляется в интенсивном наращивании разнообразия видов коммуникативных практик, среди которых особое место принадлежит политическим.

Массовая коммуникация становится центральной ареной для презентации значимых политических событий, СМИ своей активной деятельностью побуждают электорат постоянно думать о политических лидерах и политических проблемах. Тем самым массовая коммуникация оказывает значительное влияние на процесс выборов, делая граждан частью политической кампании, предоставляя возможность проявления инициативы и гражданской активности.

С другой стороны, в формирующемся гражданском обществе актуализируется использование политических коммуникативных практик в отношении личности политика. На смену политическим технологиям создания имиджа политика приходят коммуникативные практики, обладающие морально-этическим потенциалом формирования политической репутации. В гражданском обществе, где реально существует свобода слова и прессы, общественность ожидает от своих политических лидеров открытости в обнародовании политических, экономических и социальных программ, поддерживает объективное и честное обсуждение их стратегий, что является еще одним подтверждением демократического характера данного общества.

Оптимизация путей достижения идеала гражданского устройства общества требует конструктивного коммуникативного взаимодействия не только от общественности, но и от новых организационно-информационных форм коммуникации, какими, в современном обществе являются в частности, связи с общественностью.

Деятельность PR в гражданском обществе должна основываться на двух фундаментальных принципах: правительство в демократической стране обязано

отчитываться перед гражданами о своей работе; для эффективного государственного управления требуется активное участие и поддержка общественности. Правительственные PR возникли как необходимая политическая и административная поддержка достижения разнообразных организационных целей. PR являются ключевым компонентом административной системы, специально созданным для преодоления разрыва между народным и бюрократическим правительством.

Определение коммуникативных практик как сознательной, ценностной и социально регламентируемой активности, направленной на передачу социально значимой информации, структурированной в пространстве и времени, предполагает, что образуемое данными практиками пространство неоднородно, представляет собой поле интенсивных взаимодействий различных возможностей, которые вырастают из самого существа действительности. В этом пространстве формируются общие смыслы, ценности и ответственность в результате совместной деятельности; оно проявляется в качестве системы связей и отношений, действий и поступков. Коммуникативные практики направлены на достижение взаимопонимания, мотивацию человеческого поведения, воспроизводство культурных ценностей, а также социализацию и социальную интеграцию.

Данное целеполагание коммуникативных практик во многом совпадает с целевыми ориентирами PR-деятельности, что указывает, во-первых, на ее коммуникативный характер, во-вторых, на необходимость понимания и использования коммуникативных практик как средства оптимизации деятельности PR. В коммуникативных практиках общества PR выполняют роль медиатора и интерпретатора, и в этом заключается ценность коммуникативной прагматики PR.

Возрастающий в нашей стране интерес к феномену PR является индикатором демократизации общества. Потребность в специальной системе публичных отношений возникает только при условии развития свободного предпринимательства, свободного рынка и формирования демократических основ общества, закрепления и расширения прав человека и гражданина.

Таким образом, формирование современного гражданского общества базируется на историческом опыте и социально-философских установках, включающих идеи общности, солидарности и рациональности, которые уточняются в практиках социальных преобразований и реализуются не только традиционными, но и инновационными средствами. Социальная коммуникация, ее системная организация, адекватная информационному обществу, являются необходимыми условиями становления и развития его гражданской ответственности. Современная коммуникативная система и принципы ее организации выступают существенным фактором формирования коммуникативного пространства и культурным кодом гражданского общества, ценностное содержание которого составляют гуманизм, социальная справедливость и ответственность.

Библиографический список

1. Стриганкова Е.Ю. Региональные контексты философско-социологических исследований коммуникации // Вестник ПАГС. 2009. № 3 (20). С. 212–219.

2. Гофман А.Б. Социология и гражданская религия в современной России. Социология и современная Россия. М., 2003.
3. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. URL: www.qumer.info
4. Теоретическая социология: антология: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. С.П. Баньковской. М., 2002.
5. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
6. Стриганкова Е.Ю. Коммуникация как культурный код и социальное действие // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. 2009. № 5 С. 7–17.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1995.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М., 1979.
9. Стриганкова Е.Ю., Акинина Е.А. Коммуникативные практики в политической сфере современного общества: модели оптимизации // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. 2011. № 7. с. 43–52.
10. Чумиков А.Н. Связи с общественностью. М., 2000.

**R.K. Tangalycheva
Giddens's Structuration Theory
as a Perspective
for the Sociological Study
of Intercultural Communication**

The paper discusses the following categories of Giddens's structuration theory: competent actors, practical consciousness, social practices, structure and social system, etc. They are analyzed and refined as the conceptual foundations for sociological study of intercultural communication.

Key words and word-combinations: structuration theory, intercultural communication, competent actors, practical consciousness, social practices.

Рассматриваются категории теории структуризации Э. Гидденса, в том числе компетентных акторов, практического сознания, социальных практик, структуры и социальной системы и другие. Категории анализируются и уточняются в качестве концептуальных основ социологического изучения межкультурной коммуникации.

Ключевые слова и словосочетания: теория структуризации, межкультурная коммуникация, компетентные акторы, практическое сознание, социальные практики.

УДК 316.32
ББК 60.52

Р.К. Тангалычева

**ТЕОРИЯ СТРУКТУРАЦИИ
Э. ГИДДЕНСА
КАК ПЕРСПЕКТИВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

В условиях интернационализации и глобализации социальной жизни происходит резкая интенсификация контактов между представителями разных культур. Практически каждый человек имеет возможность или вынужден вступать в такие взаимодействия. В настоящее время более 200 миллионов людей живут вне страны своего рождения. Вместе с тем в реальной жизни успешная коммуникация представителей разных культур остается до сих пор лишь неким прагматическим идеалом, от которого зависит как их комфортное сосуществование или интеграция в структуру принимающего общества, так и

эффективная деятельность организаций и институтов. В связи с этим особую актуальность приобретает проблематика исследований межкультурной коммуникации, которая базируется на концепциях и методах антропологии, психологии, лингвистики, теории коммуникации, семиотики, социологии и других дисциплин.

Здесь межкультурная коммуникация определяется как совокупность разнообразных форм отношений и общения между людьми, относящимися к разным культурам. При этом различия в восприятии культурных смыслов и символических систем должны быть достаточно ощутимыми для того, чтобы изменить коммуникативное событие и расширить культурную картину мира участников взаимодействия. В современном обществе можно выделить международные и внутрикультурные, или мультикультурные, контакты. В первом типе контактов право на чужеродность является естественным, во втором — указывает на отторжение от культуры большинства, социальное исключение.

Необходимо проанализировать и уточнить некоторые понятия теории структуризации Э. Гидденса с точки зрения их применения в исследованиях межкультурной коммуникации.

Под воздействием транспортных технологий и электронных средств коммуникации возникают новые способы освоения реальности участниками межкультурных взаимодействий. Агентами культурных трансформаций становятся персонал международных корпораций, члены международных правительственных и неправительственных организаций, мигранты и диаспоры, туристы, студенты, ученые, медиаперсоны, представители творческих профессий и т.д. Попадая в инокультурную среду, они, с одной стороны, вынуждены приспосабливаться к ней, но, с другой стороны, имеют возможность активного влияния на нее.

Иными словами, субъектами транснациональных связей конструируются новые деятельностные контексты — неявные правила, роли, коллективные нормы и ожидания, в рамках которых формируются, реализуются и получают новые конфигурации такие культурные практики, как транснациональные бизнес-коммуникации, международная трудовая миграция, глобальный туризм, виртуальные сети коммуникации, креативные индустрии, студенческие обмены, смешанные браки, аккультурация детей в таких браках и прочие. Новые деятельностные контексты конституируют и воспроизводят идентичности, или «раскрывают» основные способы социального существования, характерные для определенной культуры в определенный период времени. В этом смысле они понимаются как различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства), которые обеспечивают человеку возможность состояться в том или ином социальном качестве

Субъекты деятельности и структуры Гидденс видит как две независимые друг от друга категории, заявляя таким образом, о дуальности, двуединстве. В соответствии с представлениями о дуальности структуры, структуральные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью. «На понятие “дуальности структурного” можно взглянуть и с точки зрения того, что “структурное всегда является

одновременно ограничивающим и наделяющим правами” и что, следовательно, оно связано с понятиями ограничения и компетентности» [1, с. 70].

Понятие «структура» используется в теории структуриации для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социального воспроизводства; институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве. Структура, по Гидденсу, представлена в виде двух аспектов правил — нормативных элементов и кодов значимости [2]. Ресурсы тоже делятся на два вида: авторитарные, возникшие вследствие координации человеческой деятельности, и распределяемые — производные управленческого контроля за материальными продуктами или другими элементами материального мира. Особый интерес для Гидденса представляют исследования рутинных пересечений практик — «точек превращения» в структурных взаимоотношениях, а также способов, посредством которых институциональные практики сочетают социальную и системную интеграцию [3, с. 450].

Теория структуриации включает в себя социологию действия и предполагает наличие социально компетентных акторов. Компетентность в данном случае — «все то, что акторы знают (или во что они верят), в негласной или дискурсивной форме, по поводу обстоятельств их собственного действия или действий других, все то, что они используют в производстве и воспроизводстве действия» [1, с. 70—71]. В рамках человеческой компетентности Гидденс различает дискурсивное и практическое сознание. Дискурсивное сознание базируется на том, что акторы могут выразить вербальным образом (устно или письменно), то есть к то, к чему обычно сводится понятие сознания. Практическое сознание базируется на том, что акторы умеют делать в социальной жизни, не будучи в состоянии выразить это дискурсивным образом». Граница между указанными двумя видами сознания подвижна и изменчива.

Гидденс считает социальные системы воспроизводимыми социальными практиками. Социальные системы не имеют структур, но проявляют структурные свойства. Самих структур во времени и пространстве не существует, однако они проявляются в социальных системах и форме воспроизводимых практик. Хотя некоторые социальные системы могут быть продуктом целенаправленного действия, Гидденс основной акцент делает на том, что такие системы часто оборачиваются непреднамеренными последствиями человеческого действия. Эти непредвиденные последствия могут стать неосознаваемыми обстоятельствами действия и оказывать на него влияние по механизму обратной связи. В свою очередь, обстоятельства могут уклоняться от попыток их подчинения, но тем не менее акторы не оставляют своих усилий по осуществлению такого контроля над своими обстоятельствами [3, с. 450—451].

Например, одной из черт социальной жизни в России на протяжении столетий является экономическая и социокультурная поляризация населения, понимаемая многими исследователями как некий иррациональный феномен, который не способствует современной трансформации общества. С целью выяснения причин поляризации в работе «Типы рациональности в контексте российской деловой культуры» мы обратились к рассмотрению специфических

черт сознания и поведения, которые оказывают воздействие на трудовую активность представителей различных групп населения [4, с. 126–142].

Согласно мнению некоторых исследователей, причиной материальной бедности часто является социальная бедность. Под социальной бедностью подразумевается отсутствие в том или ином обществе ряда позитивных традиций, ценностей, навыков и поведенческих норм. А.И. Пригожин приводит следующий пример. Некий предприниматель хотел помочь подмосковной деревне, где он родился и где отсутствовали рабочие места, так как прежнее отделение совхоза ликвидировано. Решено было одно из производств его бизнеса разместить в деревне, что позволило бы обеспечить работой 16 человек. Было завезено оборудование, обучены рабочие, им предложена неплохая зарплата, что вызвало у местных жителей благодарность и надежды на улучшения. Производство, основанное на несложном химическом процессе, требовало лишь точности, аккуратности, строгой технологической дисциплины. До тех пор, пока предприниматель лично контролировал производственный процесс, не возникало существенных проблем. Однако после его отъезда вся продукция, изготовленная в деревне, попадала в брак. Владелец бизнеса пытался объяснить односельчанам, что вынужден будет закрыть и без того не очень рентабельное производство, если они не обеспечат требуемое качество. Те исправили ситуацию, но продлилось это недолго. В конце концов, этот цех пришлось закрыть, и уволенные работники снова рухнули в нищету [5, с. 30].

Переводя описанную ситуацию в более широкий социальный контекст, следует опираться на исследования середины 1990-х годов, в которых анализировались ответы представителей различных групп населения на вопрос «что значит жить нормально?». Для большинства людей старшего возраста, жителей сел и небольших городов, людей, входящих в слои относительной бедности (в середине 1990-х годов таких было около половины населения), это означало жить «как прежде», в советское время, до перестройки [6].

При традиционалистском стиле жизни, по словам М. Вебера, «человек “по своей природе” не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду и необычайно упорное сопротивление; на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться и по сей день и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело» [7, с. 33].

Пригожин предлагает для объяснения различий в трудовой этике того или иного народа обратиться к понятию «этнос», то есть совокупности норм, образцов, ценностных ориентаций, фактически регулирующих деятельность людей. Это не декларируемые или задаваемые нормы и ценности, а те, которыми люди реально руководствуются. Конечно, типы этноса сильно варьируются в зависимости от страны, этноса, деловой и организационной культур и типа личности, но в каждом социуме, большом или малом, есть доминирующий этнос [5, с. 31].

Это, в определенном смысле, компонент габитуса, по Бурдьё [8], и рефлексивного практического сознания, по Гидденсу [2].

Термин «повседневный» («обыденный»), по Гидденсу, точно отражает рутинный характер социальной жизни, продленной во времени и пространстве. Повторяемость действий, воспроизводимых в одинаковой манере день за днем, составляет материальную основу того, что Гидденс называет рекурсивным (возвратным) характером социальной жизни. Рассуждая о возвратном характере, он подразумевает, что структуральные свойства социальной деятельности постоянно восстанавливаются (благодаря двойственности структуры) из тех же ресурсных источников, которые породили их [2, с. 19].

Для уточнения межкультурных различий и «силы» привычного рутинизированного поведения, приобретенного в ходе социализации (инкультурации), следует привести еще два примера из личных наблюдений автора, зафиксированных в ходе эмпирического исследования по разработке культурных ассимиляторов. Данный эмпирический материал собирався с целью разработки тренинга «Культурный ассимилятор как средство адаптации иностранных граждан к жизни в крупном российском городе» [9]. Примеры показывают то, как люди с разным культурным опытом по-разному приспосабливаются к социокультурной среде принимающего общества и как их культурный опыт влияет на характер аккультурации [10].

Пример 1. В переполненной маршрутке ехали пассажиры. На остановке девушка попыталась открыть дверь и выйти, но случилась поломка и дверь не открывалась. Несколько женщин, сидевших недалеко от двери, попробовали помочь девушке, но у них тоже ничего не получилось. Рядом также находился молодой человек, который почти не реагировал на происходящее. Пожилая пассажирка, сидевшая в самой глубине салона, стала требовать, чтобы молодой человек встал и открыл дверь девушке. Молодой человек не сразу понял, что от него требуется, так как практически не понимал русского языка. Он недавно приехал на стажировку в Санкт-Петербургский государственный университет из США. Когда русская студентка, сопровождавшая его, перевела суть происходящего на английский язык, американец остался на своем месте и не помог девушке. В результате водитель был вынужден выйти из автобуса и открыть дверь снаружи.

Пример 2. В дождливый день пассажиры ехали в маршрутке по Университетской набережной Санкт-Петербурга. Неожиданно двигатель автобуса заглох, и водитель не смог его завести. После нескольких попыток он был вынужден попросить пассажиров пересест на следующий автобус того же маршрута. Пассажиры, среди которых был и молодой японец-аспирант, вышли и оказались под проливным дождем. Через какое-то время подошел следующий автобус. Первым у входа оказался японский аспирант, за ним стояли пять-шесть женщин. Японец галантно открыл дверь и стал пропускать всех женщин в автобус. В результате, пропустив последнюю даму, он остался стоять на улице — в автобусе для него не хватило места.

В первом случае молодой американец действовал на основе ранее усвоенных правил повседневного поведения, принятых в северо-американской культуре: соблюдение гендерного равенства и невмешательства в чужие дела, сохранение

личной автономии. Во втором случае японский аспирант, наоборот, старался отстраниться от усвоенных в родной культуре стереотипов поведения. В Японии не существует традиции галантного отношения к даме (или демонстрации такого отношения), сводящейся в современных российских условиях к готовности мужчины подать женщине пальто, придержать дверь, уступить место, поднести тяжелые вещи. В дальневосточных странах, скорее, женщина уступит мужчине место в общественном транспорте, особенно старшему по возрасту, или добровольно возьмет на себя тяжелую либо неприятную работу.

Заметим, что типичный россиянин никогда не поступил бы как американец или японец в приведенных примерах. Культурная компетентность и социальная адекватность, воспитываемые в детском возрасте в процессе инкультурации, позволяют носителям культуры с оптимальной точностью реагировать на поведение окружающих людей в тех или иных ситуациях. Трудно представить молодого россиянина, не отозвавшегося на просьбу женщины помочь открыть дверь, так же, как и оставшегося стоять под проливным дождем, пропустив в салон автобуса всех желающих войти женщин. В процессе эмпирического исследования обнаружилась любопытная особенность аккультурации западных и восточных участников-иностранцев. Западные «визитеры» склонны видеть многие сложности своей аккультурации в недостатке культуры местных жителей, тогда как восточные прилагают максимальные усилия для успешного приспособления к культурной специфике принимающего общества иногда даже в ущерб собственным интересам и представлениям.

Наконец, еще один важный для выстраивания методологии межкультурного исследования аспект теории структуризации Гидденса — связь этой теории с эмпирическими проблемами. С точки зрения социолога, значительная часть социологической теории, в особенности касающаяся структурной социологии, рассматривает социальных субъектов как гораздо менее осведомленных, сообразительных и опытных, чем они есть на самом деле. Последствия такого положения вещей, без сомнения, просматриваются в эмпирической работе, в неспособности добывать информацию, позволяющую обращаться ко всему диапазону осведомленности субъектов, по крайней мере с двух сторон. То, что действующие субъекты (или акторы) смогут сообщить относительно обстоятельств и условий своей деятельности и деятельности окружающих их людей, будет носить ограниченный характер, если исследователи не постигнут и не отдадут дань уважения возможной многозначности ряда дискурсивных явлений — тех, которым они (как впрочем и сами социальные акторы), безусловно, уделяют пристальное внимание, но которые зачастую недооцениваются в социологических исследованиях.

Таким образом, используемые Гидденсом в социологическом анализе категории — структура (правила и ресурсы), компетентные акторы, дискурсивное и практическое сознание, социальные практики, рекурсивный (возвратный) характер социальной жизни, ситуативный характер деятельности, позиционирование во времени и пространстве, региональный и локальный характер взаимодействий — помогают осмыслить и проинтерпретировать особенности межкультурных взаимодействий в условиях интернационализации и глобализации. Некоторые из этих понятий были уточнены в контексте межкультурной коммуникации и трансформаций в современном российском обществе.

Библиографический список

1. Коркюф Ф. Новые социологии. СПб., 2002.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М., 2005.
3. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.
4. Тангалычева Р.К. Теории и кейсы межкультурной коммуникации в условиях глобализации. СПб., 2012.
5. Пригожин А.И. Российский этос: обогащение или лечение? // *Общественные науки и современность*. 2006. № 3. С. 30.
6. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 1997. № 2. С. 18.
7. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
8. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005.
9. Культурный ассимилятор. Тренинг адаптации к жизни в Санкт-Петербурге / отв. ред. Р.К. Тангалычева, Н.А. Головин. СПб., 2009.
10. Тангалычева Р.К. Проблемы аккультурации временных мигрантов в крупном российском городе: культурные различия в невербальном поведении // *Социологический журнал*. 2011. № 3. С. 24–39.

Е.А. Raevskaya
The Role of the Outdoor Advertising in the Process of Symbolic Space Design of a Russian Provincial Town

Visualization in advertising as habitat-forming factor in modern urban environment is analyzed. The author cites his own empirical study of outdoor advertising in the Russian provincial town. The results of this study are the basis for recommendations to improve the advertising communication of the city.

Key words and word-combinations: city, brand, outdoor advertising, symbolic space.

Анализируется рекламная визуализация как средообразующий фактор современного города. Приводятся данные авторского эмпирического исследования наружной рекламы российского провинциального города. Результаты исследования ложатся в основу рекомендаций по совершенствованию рекламной коммуникации города.

Ключевые слова и словосочетания: город, бренд, наружная реклама, символическое пространство.

УДК 316.34/.35
ББК 60.54

Е.А. Раевская

**РОЛЬ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ
В ПРОЦЕССЕ
КОНСТРУИРОВАНИЯ
СИМВОЛИЧЕСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКОГО
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ГОРОДА**

Город — целостная, комплексная среда, обладающая не только витальным, но и личностно-смысловым локусом обитания человека [1]. Гибкость и изменчивость постиндустриальной экономики и формирование общества потребления коренным образом меняют социокультурный ландшафт современного города [2]. Как и у П. Ивановым [3],

здесь потребление понимается как одна из основных форм городской коммуникации. Городская среда, включающая материальную, производственную и социальную инфраструктуру города, его коммуникации, социальные взаимодействия, становится особой социальной технологией управленческого воздействия на потребительское поведение, поскольку стимулирование потребления происходит целенаправленно в интересах определенных структур [4]. Поле рекламы органично встроено в информационное поле города, так как современный город — это не только (и не столько) «физическая, но и социальная, гуманитарная, культурная, более того виртуальная» [5], символическая реальность. И реклама — это часть виртуальной и символической реальности города, так как город (его улицы, пресса, все информационное пространство) является «площадкой» ее размещения. Визуальная среда окружающего пространства определяет сознание человека в большей степени, нежели что-либо еще. Городская среда настолько насыщена рекламой, различными вывесками, витринами и т.п., что можно считать ее одним из основных (наряду с архитектурой) визуальных факторов, определяющих облик города.

В России остро чувствуется разделение на центр и провинцию. Это разделение происходит не только по географическим, но и по политическим, экономическим, социокультурным параметрам. Российская провинция — особый мир, государство в государстве, общество, живущее по своим законам и нормам поведения, со своими специфическими ценностями, взглядами и традициями, не свойственными для центральных регионов. Проблемы изучения провинции и тех процессов, которые в ней происходят иначе, чем в столице, многогранны и многоуровневые, так как провинция, регион, территория — это часть целого, составляющая огромного государства, складывавшегося на протяжении тысячелетия [6]. Как и многие другие аспекты рекламной деятельности, коммуникации в этой среде не исследованы в той мере, в какой это необходимо для эффективного функционирования всех уровней взаимодействия в сфере рекламы. Недостаточность научного исследования в рамках социологического знания именно российского, тем более провинциального, опыта конструирования рекламы и осуществления соответствующих коммуникаций актуализирует проблематику данной статьи.

Социальная среда современного города характеризуется относительно высокой плотностью населения, что определяет интенсивность различных взаимодействий между людьми [4]. Городская среда становится разноплановой, различные социокультурные группы в ней имеют свой набор специфических ценностей, стандартов деятельности и поведения. Стандарты и ценности постоянно сталкиваются, создавая сложности в общении [7]. Частота взаимодействия в таких условиях заменяет глубину отношений. Легкая социальность, подразумевающая поверхностность и необременительность наряду с отсутствием глубокого осмысления, обдумывания и рефлексии, отражается в современном стремлении рекламистов к отсечению всего лишнего, компрессии и унификации смыслов [3].

В октябре 2013 г. было проведено исследование с целью выявления отличительных характеристик процесса социального конструирования рекламы в провинциальном городе. Методом исследования был выбран контент-анализ на-

ружной рекламы ($N = 520$). Наружная реклама стала объектом изучения по двум причинам. Во-первых, при ее объемах и современном стиле исполнения, наличии инновационных технологий и разнообразии форм она является весьма существенной частью городского пространства. Наружная реклама изменяет облик города, формирует особое информационное и символическое пространство, инкорпорированное в городскую среду. К тому же рекламу в Интернете можно отключить, во время рекламной паузы на телевидении или по радио можно сменить канал, в журнале рекламу можно пролистать. В случае с наружной рекламой у горожанина практически не остается выбора. Данная форма продвижения столь плотно внедрилась в облик города, что не замечать ее просто невозможно. Проходя (или проезжая) ежедневно одни и те же маршруты, горожане сталкиваются с этим явлением и вынуждены знакомиться с теми образами, которые оно представляет.

Во-вторых, эта форма рекламы одна из наиболее статичных (наряду с рекламой в прессе). Рекламные поверхности, как правило, сдаются в аренду на довольно продолжительные сроки (от 1 месяца), поэтому реклама на улицах города не столь динамично изменяется, как в других медиа. Под наружной рекламой в рамках данного исследования понималась любая реклама, расположенная на улице: билборды, бэнграундеры, афиши, вывески, плакаты, а также «неофициальная» реклама, то есть различные надписи краской, печатные объявления, расположенные в неположенных местах, а также пустые рекламные носители, число которых также учитывалось.

В процессе проведения исследования была построена нечастотная модель, которая конструировалась на основе выявленных контент-анализом тем и сюжетов рекламных изображений. Интерпретировались как тексты, так и изображения, используемые в рекламе. Интерпретация социального дискурса рекламного продукта становилась кодами, которые были сгруппированы в ядра. Категория анализа: фотография рекламной конструкции, отражающая определенный образ. Единица анализа: образ, запечатленный на фотографии. Единица счета: отдельный элемент образа. Понятие образа имеет множество значений. В рассматриваемом исследовании представлялось возможным интерпретировать и операционализировать его с точки зрения семиотики: образ — это знак или система знаков, за которыми скрываются культурные значения. Знак, в свою очередь, — это своеобразная система обозначения предметов, явлений, содержания, связанного с этим предметом [8, с. 83]. Выявлению центрального образа в рекламном сообщении способствует полисемантность рекламного продукта: лингвистический аспект помогает в интерпретации. Как правило, изображение в рекламе всегда сопровождается текстом. Этот текст «углубляет» воспринимающего в тот образ, который рекламист стремится донести до потребителя.

Для повышения достоверности качественной части контент-анализа наружной рекламы была организована работа методологической группы, состоящей из экспертов рекламного рынка Саратова. Члены группы формировали собственные таблицы интерпретации образов, которые были впоследствии совмещены для уменьшения степени субъективности авторских интерпретаций.

В результате сопоставления таблиц интерпретаций рекламных образов стало

возможным построить частотную модель, для того чтобы увидеть, какие сюжеты являются наиболее часто используемыми, на основе каких образов конструируется реклама на саратовских улицах. Для этого был произведен подсчет в каждом коде и в каждой категории. Подсчет производится в соответствии с тем, какой бренд продвигается с помощью данной рекламы: саратовский, российский или зарубежный.

Итак, наиболее часто встречающийся образ в наружной рекламе — это образ знаменитости. Наибольший процент (23%) использования образа знаменитости в рекламе федеральных брендов. Сюда относится в первую очередь реклама сотовых операторов, а также многочисленные афиши, рекламирующие выступления знаменитых музыкантов и актеров. В местной рекламе образы знаменитостей не используются. Часто встречается игровая рекламная коммуникация (5,3% местной рекламы, 3% федеральной): различные торговые сети, а также независимые магазины привлекают потребителя с помощью стимулирующих акций, обещают покупателями призы и подарки. Зарубежная реклама наиболее часто (4%) была относима к группе «впечатления», которая включала следующие образы: престиж, доминирование, мода, красота, превосходная степень сравнения.

В рекламе саратовских продуктов не используются городские символы, образы, ассоциирующиеся с городом. Были обнаружены примеры использования символов города Саратова в 21 рекламном продукте (4% из всего рекламного массива, 10% из массива рекламы саратовских брендов). Были обнаружены следующие примеры использования городского символического пространства в наружной рекламе: здание консерватории, мост, памятник Н.Г. Чернышевскому. Но использовались эти символы исключительно в рекламе государственных учреждений, таких, как музей Чернышевского, галерея Кузнецова, ГЦРР (муниципальное рекламное агентство), а также в политической рекламе (довыборы в местные органы самоуправления). Таким образом, конструирование рекламы с использованием символов г. Саратова осуществляется только для продвижения государственных учреждений. Коммерческие предприятия не используют в своей рекламе никаких аспектов, связывающих их бренд с городским символическим пространством. Никаких апелляций «Поддержки местного производителя», «Покупай саратовское» также встречено не было. Географическая принадлежность к территории города и области не считается достаточным основанием для конструирования рекламы коммерческого бренда.

Наличие социального или символического дискурса в рекламе было выявлено в большинстве случаев как местной, так и федеральной и зарубежной рекламы. В части рекламных продуктов отсутствовал социальный дискурс (например, реклама Саратовского центра микрохирургии глаза), были также обнаружены примеры рекламы, несущей символическую нагрузку (реклама майонеза «Саратовский провансаль»). Интересен тот факт, что наличие фотоизображений не гарантировало присутствие социального дискурса в рекламе. Например, в рекламе федерального бренда «Helmag» (обувные магазины) есть фотография обуви, но никакого социального дискурса за этой фотографией нет. Текст, совмещенный с изображением мужского ботинка, не несет в себе какого-либо

скрытого смысла, кроме самого очевидного, расположенного на поверхности: это реклама обуви. Схожая ситуация и в отношении рекламных плакатов «Skoda», «Керама марашии», ЦЦМ-Энергоспец. Следовательно, наличие социального дискурса в наружной рекламе не определяется использованием фотографии в презентации бренда.

Из инновационных методов продвижения помимо digital-элементов (световой рекламы, электронных табло) был зафиксирован один случай применения QR-кода в наружной рекламе: это реклама минеральной воды «Воскресенская». Данный факт подтверждает общероссийскую тенденцию к низкой частоте использования данного элемента в качестве способа получения дополнительной информации и покупки товара.

Было установлено, что реклама местных брендов в целом отвечает требованиям законодательства: не используются темы секса, насилия, плагиатированные материалы (в том числе образы знаменитостей без их ведома) соблюдают требования этики. Неэтичной признавалась в рамках данного исследования реклама, которая содержала следующие коды: ненормативная лексика или намек на нее (не было найдено соответствий), обнаженное тело (например, в рекламе матрасов «Орматек», магазина автозапчастей «Регион Авто», магазина бассейнов), пропаганда повышенного потребления («Эльдорадо», «Медиамаркт»), приравнивание духовных и материальных ценностей («Петрокоммерц Банк», «Обувь Сити»), ошибки в тексте (телеканал «Пятница»), реклама, выдающая сверхдорогое за доступное («Suzuki»), недостоверная реклама («Ласка»), эксплуатирование образа любви девушек к деньгам («Банк Агророс»), придание товару нереальных свойств («Мегафон»). Важно отметить, что процент неэтичной рекламы среди местных форм продвижения весьма незначительный.

Для саратовских брендов нарушениями требований этики можно считать следующие. Во-первых, размещение в рекламе недостоверных сведений — Дом моды «Ласка» рекламирует бюджетные меховые изделия, помещая на билборд фотографии двух моделей в роскошных норковых манто. Внизу очень мелким шрифтом указано, что на данные модели рекламные предложения не действуют.

Еще одним примером можно считать использование образа полуобнаженного женского тела в рекламе. Этот образ используется в рекламе товаров, прямо не связанных с женщинами и их телами: автозапчасти. Можно считать наиболее оправданным, в какой-то мере, использование подобных образов в конструировании символического дискурса рекламных материалов магазина бассейнов, а также матрасов «Орматек». Весьма ценным наблюдением стало то, что в рекламе магазинов женского белья были использованы фотографии женщин в купальниках, а также нижнем белье, которое закрывало тело настолько, что данные образы нельзя было отнести к неэтичным. Например, в оформлении витрин магазинов купальников и нижнего белья «Anita» можно увидеть фотографию женщины в закрытом купальнике, с повязанным на бедрах парео. В выносной конструкции магазина нижнего белья «Serge» использованы образы двух моделей в нижнем белье и халатах, также не оставляющих возможности для интерпретации этих образов как неэтичных. Они находятся в контексте тех брендов, продвижению которых служат. Рассчитанные на целевую аудито-

рию состоятельных женщин средних лет, данные образы не могут включать вульгарных, откровенно сексуальных мотивов. Можно предположить, что использование таких довольно «целомудренных» образов в рекламе брендов, связанных с нижним бельем и купальниками, обусловлено именно целевой аудиторией, тогда как формирование социального дискурса рекламы магазинов автозапчастей ведется с учетом чисто мужской аудитории, поэтому и образы более откровенные.

Интересным представляется факт контекстности рекламных объявлений: размещение наружной рекламы в том или ином месте неизбежно накладывает отпечаток на то, как она воспринимается. Например, указатель на вывеске «Ваши стоматологи» направлен на недостроенное здание. Реклама пластиковых окон «Европласт» размещена на стене разрушенного дома, что создает очень яркое впечатление от контраста современной, яркой рекламной конструкции и аварийного состояния здания. Совокупность рекламного образа с окружающим пространством создает метаобраз, который может усиливать рекламный, а может лишать его первоначального смысла. Важно помнить, что этот метаобраз окрашен двойной субъективностью: субъективностью создателя образа (рекламиста) и субъективностью воспринимающего (потребителя). Причем рекламист воспринимает «чистый» образ, а потребитель — образ в контексте его размещения.

В свете наметившейся тенденции к сокращению объемов наружной рекламы в крупных городах (как в столице, так и в регионах, например, в Кемерове) в Саратове также возникает проблема повышения стоимости оставшихся площадок outdoor-формата. В рамках небольшого бюджета рекламных кампаний саратовских предприятий вопрос о размещении рекламы может быть решен не в пользу «наружки». Решение проблемы возможно в рамках применения опыта зарубежных операторов наружной рекламы. В городе есть крупный неосвоенный сегмент outdoor — это объекты городской инфраструктуры — скамейки, урны, туалетные кабины, остановки общественного транспорта и информационные стенды. Сейчас их установкой и обслуживанием занимаются власти города, но необходимо перенять мировой опыт и возложить эту функцию на операторов наружной рекламы: новая модель позволит преобразить городской ландшафт и избавить власти от бюджетных расходов, а outdoor-компании получат взамен право размещать рекламу на данных объектах. Это поможет важным городским объектам стать более привлекательными за счет модернизации, оригинального (и яркого) внешнего вида, но не снизит визуальную и информационную нагрузку с потребителей указанной рекламной продукции. Но подобный компромисс возможен хотя бы ради обновления (а в некоторых случаях и создания) важных объектов городской инфраструктуры. Тогда реклама станет не просто коммерческой информацией о товаре, а «органичным элементом жизненного опыта людей» [9, с. 146].

Проведение выставок, смотров и конкурсов рекламных продуктов дает возможность производителям рекламы из разных частей страны делиться опытом, сравнивать, делать анализ, оценивать уровень развития мастерства коллег. Конструирование рекламного пространства Саратова должно вестись с учетом «кон-

кретно-исторических особенностей жизни современного города и исторического опыта в культуре» [7]. Провинциальная реклама — это не происхождение, а концептуальный подход. Согласимся с высказыванием В. Ярской [10, с. 19], что провинциализм — культурное, а не географическое понятие. Необходимо, чтобы провинциальность рекламы не стала приговором, признаком второсортности. Для этого нужно внедрять современные технологии, повышать уровень профессиональной, в первую очередь психологической и социологической, грамотности специалистов указанной сферы, проводить больше исследований именно на региональном уровне, не заимствовать столичный опыт и приобретать свой.

Акцентирование принадлежности рекламы к искусству также может стать новой сферой завоевания лояльности потребителей рекламы. В данном случае речь не идет о переходе рекламных продуктов в область элитарной культуры и «высокого искусства», тем более что творение содержит в себе нечто уникальное и незаменимое, тогда как продукт можно воспроизвести и он появляется в результате повторяющихся актов и поступков [11]. Это противопоставляет рекламный продукт и произведение искусства. Тем не менее возможно, и даже необходимо, сохранение высокого нравственного уровня в рамках массовой культуры, повышение профессионализма и эстетической ценности. Изобразительное искусство высокого эстетического и духовного качества «может влиять и своеобразно окрашивать и саратовский дизайн, и саратовскую архитектуру» [12, с. 110].

Несмотря на то что у искусства и у рекламы противоположные цели (искусство сдерживает, гармонизирует «хтонические энергии, укрощает человеческие инстинкты» [12, с. 111]), эстетизация рекламных образов и наполнение их более возвышенными ценностями может преодолеть чувство острой неприязни и недоверия к рекламе, которое отмечает О.О. Савельева у русских людей [13]. Оказавшись в городском контексте предметы рекламного искусства могут превращаться в локальные достопримечательности, провоцируя коммуникацию с потребителем на новом качественном уровне. Такая реклама не раздражает, она восхищает, привлекает внимание, запоминается.

Таким образом, городская среда понимается как ландшафт, осмысленная территория проживания, особая коммуникативная среда, пронизанная смыслами и ценностями живущих и некогда живших в ней людей. Нельзя забывать, что городская среда постоянно интерпретируется, осмысливается, рефлексировается горожанами. Изменение внешне незначительного ее элемента может повлечь за собой изменение восприятия всего ландшафта. Городская среда наполняется значениями, образами, смыслами, которые могут формировать идентификацию индивида в рамках городской среды, создавать условия эффективного взаимодействия внутри городского сообщества, предоставлять средства для самопрезентации и поиска себя. Для того чтобы эти функции города могли быть реализованы живущими в нем людьми в достаточном объеме, представляется необходимым формирование информационной среды провинциального города исходя из потребностей, ценностей, смысловых и символических ориентиров, в первую очередь самих горожан. Роль наружной рекламы в данном процессе сложно переоценить. Статичная форма визуализации символов и образов, которой является наружная реклама, представляет собой важный средообразующий

фактор. Эстетическое и этическое качество наружной рекламы определяет степень комфортности нахождения горожанина в насыщенной рекламой городской среде. Инкорпорирование символов города в рекламные продукты может повысить эффективность коммуникации производителей и потребителей.

Библиографический список

1. *Пирогов С.В.* Феноменологическая социология и урбанистика // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Философия. Культурология. Филология. 2004. № 282. С. 97–103.
2. *Хохлова А.М.* Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5 (58), т. XIV. С. 182–191.
3. *Иванов П.В.* Потребление как агент легкой социальности в городском пространстве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. т. XIV. № 5, С. 142–147.
4. *Голова А.Г.* Факторы, влияющие на потребительское поведение личности в мегаполисе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5 (58), т. XIV. С. 304–312.
5. *Высоковский А.* Города для жизни. URL: <http://polit.ru/article/2012/11/20/vuchic/>
6. *Кудинов В.А.* Российская провинция как объект изучения // Мир истории. 2000. № 3. URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/03-00/kudinov.htm>
7. *Глухова Т.И.* Потребление как фактор изменений в социальной жизни российского общества. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5 (58), т. XIV. С. 66–78.
8. *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. М., 2010.
9. *Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов, 2007.
10. *Козловский В.В.* Социология: профессия и призвание [интервью с профессором Валентиной Николаевной Ярской] // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 1, т. VIII. С. 10–23.
11. *Лефевр А.* Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). С. 3–14.
12. *Мошников В.А.* Школа пластического формообразования и художественная традиция Саратова // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будуще: мат-лы междунар. науч.-практ. конф / под ред. Т.П. Фокиной. Саратов, 2003.
13. *Савельева О.О.* Социология рекламного воздействия. М., 2006.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

S.M. Frolova
**The City as a Space
of Daily Being**

The city space and daily life are considered as interrelated phenomena that determine territorial borders and personal space of the subject's existence, as well as the spiritual component and norms of his or her being. Intensive urban development destroys the traditional fabric of society and forms new values and cultural priorities of daily being.

Key words and word-combinations: daily life, the city, city space, daily being, norms of everyday existence.

Городское пространство и повседневность рассматриваются как взаимозависимые феномены, определяющие территориальные границы и личное пространство существования субъекта, а также духовную составляющую и нормы его бытия. Интенсивное развитие городов разрушает традиционные устои общества, формирует новые ценностные и культурные приоритеты повседневного бытия.

Ключевые слова и словосочетания: повседневность, город, городское пространство, повседневное бытие, нормы повседневного существования.

УДК 1:316
ББК 60.02

С.М. Фролова

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТИЯ

Город традиционно воспринимается как территориальная пространственная структура, наделенная четкими границами с установленными правилами события в их пределах. Известно, что формированию городов во многом способствовали переход человека к оседлому существованию и развитие земледелия, которые заложили локально-территориальное представление о пространстве. С появлением поселений-городов понимание пространства привязывается к пространству социальному и становится все более зависимым от деятельности людей, их потребностей и интересов. В связи с этим при рассмотрении города как пространства повседневного бытия необходимо учитывать предпочтения, поведение, условия существования индивидов в процессе каждодневности, поскольку такие взаимодействия впоследствии формируют не только межличностные и институциональные отношения, но и обуславливают развитие архитектурно-технических особенностей города.

В различные исторические эпохи город как приспособленная для повседневного

существования территория претерпевала значительные изменения, что свидетельствует о структуризации и синхронизации этого пространства в соответствии с требованиями времени. Если рассматривать геометрические границы пространства современного города, то в отличие от пространства города-крепости, которое задавало территории города жесткие пространственные рубежи, они становятся все более «расплывчатыми». Это вынуждает при исследовании городского пространства заявлять «о существовании не городов, а агломераций, урбанизированных зон...» [1, с. 85], приводит к пониманию четкой определенности границ города.

Так, техническое совершенствование обуславливает развитие городов «как особых зон интенсивного (по организации) и универсального (по характеру) социального взаимодействия». Именно с развитием городов стало возможным изменение рода занятий, социальных ролей и позиций в пространстве общения, изменение расстановки социальных сил, возникновение новых форм труда, досуга, общения» [2, с. 19], а также изменение личного пространства повседневного существования человека, к которому, в первую очередь, относится жилище.

Изменение формы жилищного *пространства*, согласно М. Маклюэну, свидетельствует о «новом мировоззрении» и изменении быта. Сложно возразить исследователю, что сознательная деятельность человека меняет конфигурацию пространства, переупорядочивает эталоны человеческой деятельности, а интенсивное развитие технологий диктуют иные требования к жилищному пространству, предопределяя новые критерии в его развитии. Иными словами, жилищное пространство отражает любые изменения, происходящие в обществе и, соответственно, в повседневной жизни горожан. Так, появившиеся в начале XX в. коммуналки, названные исследователями «революционным экспериментом повседневной жизни» (С. Бойм), отражали не только попытки нового правительства уравнять всех в имущественных правах, но и установить новую модель общества.

В современном мире, по мнению Л. Радионовой, если рассуждать «о повседневности как интереснейшем объективном понятии, то ее центром выступает такой концепт, как «дом» (отдельная квартира), значение которого для социального поведения городского жителя очень велико. Дом, квартира — сосредоточение завоеванных статусных позиций, и по этой причине она выполняет представительские функции, в том числе и для ее владельцев» [3], отделяя «казенное» от «повседневного» иногда в угоду стандартизированным требованиям современности. Показательным в данном случае является герой Р. Гира в известном фильме «Красотка», который, боясь высоты, жил в пентхаусе, так как это жилищное пространство соответствовало его статусу. На социальные взаимодействия в рамках города существенное влияние оказывает сам факт наличия у субъекта жилищного пространства. Ссылаясь на исследования социологов, Л. Радионова подчеркивает, что оценка горожанином обстановки в городе зависит от «удовлетворенности» жилищных проблем и наполненности дома вещами, которые ассоциируются с «домашней обстановкой» и, на наш взгляд, усиливают эмоциональную ценность повседневного пространства. Вероятно поэтому независимо

от возрастающей возможности перемещения по миру мы по-прежнему привязаны к мини-пространству дома (квартиры), города, дающих, как и в далекие времена наших предков, ощущение уверенности и внутренней защищенности.

Возможно, что чувство безопасности в городе усиливают строения из камня, прочность которого всегда ассоциировалась у человека с вечностью и нетленностью. Заслуживает особого внимания мнение о том, что «правильно обработанный камень соединяет идею целенаправленного созидательного ритма с идеей преодоления хаоса, тлена и разрушения» [1, с. 68] за счет придания телу города особой «жесткости». Сопоставление города с телом нельзя назвать новым, еще Т. Гоббс в «Левиафане» называл государство «искусственным человеком», по аналогии с которым выстраивалась система управления: голова (правительство) — это душа; роль нервов и сухожилий отводилась чиновникам; глазами государства были тайные агенты. Позже П.А. Флоренский выдвигает идею оргонопроекции, основанную на том, что созданные человеком орудия труда соответствуют его биоанalogии и являются продолжением человеческого тела.

Современные исследователи «тематизируют» телесное пространство, выделяя в нем *телесный верх* (голова, руки), который согласно В.Д. Лелеко, обладает «высокой культурной ценностью» и потому является определяющим (доминирующим) для повседневной жизни, и *телесный низ*, традиционно воспринимающийся на обыденном уровне как «ритуально нечистый» [4, с. 387]. Полагаем, что стремление человека привязать познание мира к телесности свидетельствует о заданности субъективного восприятия, ведь любой процесс проще объяснить, если при этом используются доступные и близкие для понимания объекты. Тело же человека с самого рождения активно участвует в формировании субъективной картины мира, благодаря знанию его как биомеханизма вырабатывается первичная адаптация индивида, по этому принципу происходит «опредмечивание среды» (например, в мифологии) и развитие внутренних установок бытия. Это еще раз подтверждает роль повседневности в определении смыслозначимости телесного пространства и его ментальной зависимости от практической направленности каждодневной деятельности, исходя из которой формируются устои обыденности, выстраивается понимание защищенного пространства повседневного существования.

Защищенность человека обуславливает сама повседневность, поскольку для городского пространства характерны четкая структурированность и упорядоченность, присутствующие не только при расположении строительных сооружений, но и в отношениях между людьми. Такая шаблонность и выступает гарантом безопасности, и дело не только в территориальной отгороженности города от «пустого пространства», но и в том, что порядок бытия, установленный в населенном пункте (городе), исключает непредвиденные и потому неудобные для окружающих ситуации, обеспечивая тем самым устойчивость организации и закрепленную нормированность действий, доходящих до автоматизма. Повторение однообразного не может исключать опасность и риск в процессе повседневной жизнедеятельности человека, даже постоянно совершаемые действия, например переход через проезжую часть или обед в столовой, не гарантируют индивиду полной безопасности, скорее, риски в современной каж-

додневности стали стереотипизированными и «привычными» настолько, что их перестали замечать [5], чему и способствует каждодневная повторяемость действий.

Деятельностное освоение человеком территории бытия выражает внешнюю, физическую сторону пространства повседневности. Последнее, считает В. Лелеко, с точки зрения его физической определенности делится по принципу функциональности: если это пространство жилища, то оно обязательно включает зоны питания, сна, ухода за телом; если это повседневное пространство города, то к местам питания добавляются места торговли, транспорта (дороги, реки, улицы) и работы. Исследователем отмечено, что «повседневное пространство поселения территориально соединено и по сути, социокультурному смыслу противостоит властно-административному, сакрально-религиозному и празднично-рекреативному пространству (дома правителей, местной власти... концертные залы, стадионы, аллеи, скверы...» [4, с. 387–388]. Полагаем, что такие пространства, как здания власти, театры, неотделимы от пространства повседневности, и не только по той причине, что в них проводится основная часть каждодневного времени работающих в этих сферах, но и потому, что они являются не «антитезой будничной необходимости», а неотъемлемой частью повседневного бытия любого субъекта.

Возможно, что метафорическое противостояние просматривается при общении, когда представители властно-административного пространства, определяют «социальное расстояние» (Э. Холл), вовлекая субъектов в процесс пространственной стратификации, которая создает «социальные границы реализации потребностей, интересов, уровня доходов, образования городских страт, выстраивает их социальные позиции в иерархически организованном пространстве» [6, с. 95], что, несомненно, сказывается на социально-бытовой сфере городской жизни. При этом нельзя утверждать, что траектория поведения человека жестко заданы существующими территориальными границами, напротив, город предоставляет человеку огромный набор образцов поведения и деятельности. Наличие в поведении городского жителя продукта его индивидуального творчества объясняет своеобразность образа жизни городского населения, этим город отличается от деревни, «где выбор меньше и запрограммированность... имеет более жесткий характер» [7, с. 44], что делает деревенского обывателя более зависимым от заданных территориальными рамками программ поведения.

На рубеже XX–XXI вв. более заметны отличия в повседневном бытии, можно наблюдать в появившемся видоизмененном пространстве города — мегаполисе, где особый уклад каждодневного существования обеспечивается и поддерживается упорядоченным взаимодействием огромного количества сетей — электрических, информационных, транспортных, особенность топологии пространства города — системозависимость. Ведь каждая из сетей представляет своеобразную базовую структуру, в задачу которой входит обеспечение функционирования множества подсистем, поэтому сбой в одной из них ставит под угрозу существование другой. Следовательно, для стабильности и слаженности работы всех систем города важно соблюдение правил и норм, направленных на

обеспечение бесперебойной деятельности всех сетей, чему во многом способствует опыт взаимодействия индивидов в процессе повседневного бытия, благодаря которому вырабатывается определенный порядок совместного существования, обусловленный географическими, климатическими, демографическими, условиями [8]. Таким образом, *повседневность обладает внутренней силой, способной объединять индивидуальные предпочтения субъектов, их культурные особенности и способы организации каждодневной деятельности в единый конгломерат с общими правилами бытия.*

Немаловажное значение для городского пространства имеет духовная составляющая бытия. Понятно, что сегодня духовность не сводится только к трансцендентности, современное понимание духовности выходит за границы сакральности, включая аксиологические, моральные и эстетические составляющие. При начальном освоении пространства, «в пределах которого селилась группа основателей... пусть даже это будет пустой амбар или, например, купеческая гавань», особая значимость придавалась «соприкосновению с непознанным» [9, с. 211], что сформировало отношение субъекта к священному, длительное время не изменяющееся под воздействием повседневных потребностей. Неудивительно, что одними из первых строений в городах были здания религиозного значения, тогда как в современных мегаполисах, где расстояния в несколько километров преодолевается в рекордно короткое время, большее внимание уделяется строительству дорог, сервисных и торговых центров. Все это меняет не только отношение к Абсолюту, формируются иные ценностные приоритеты, разрушаются механизмы передачи знаний от поколения к поколению, поскольку город — это мультикультурное пространство, объединяющее людей различных религиозных, национальных, языковых идентичностей, которые сведены городской повседневностью в единый поток, с общими нормами, стереотипами и предпочтениями. Современному горожанину «не чужд азиатский стиль, он знает о красотах Словакии, слышал об Амстердаме, понимает, что производят в Милане и связан с американским континентом сетью закусочных быстрого питания» [1, с. 221], он знает понемногу обо всем, но это немного о многом уводит нас от понимания не рекламных, а настоящих Красоты и Доброты. Это во многом объясняет, почему равнодушие, безразличие и одиночество знакомы практически каждому человеку, живущему в городе XXI в.

Понимание города как пространства повседневного существования включает физическую, территориальную (метрическую) данность, а также отражает внутреннее содержание, метафизическую наполненность и «ценностную нагруженность» (В. Конев). Если физические пространственные параметры надежны измеримостью и визуальностью, то внутреннее содержание зависит от особенностей взаимодействия людей, а также исторической эпохи, формирующей нормы повседневного существования.

Библиографический список

1. *Философия города* / под ред. В.В. Афанасьевой. Саратов, 2012.
2. *Стризов А.Л.* Власть риска и риски власти // *Власть*. 2012. № 3. С. 16–20.
3. *Радионова Л.А.* Философско-методологические основания исследования повседневности

городской коммуникации. URL: <http://kafedra.net.ua/ru/conferenses/2011/47-sec4/61-2011-03-22-13-27-28.html>

4. Лелеко В.Д. Культурология повседневности: становление и современное состояние // Фундаментальные проблемы культурологии. СПб., 2008. Т. I: Теория культуры.

5. Фролова С.М. Рискогенность повседневной жизни общества // Власть. 2012. № 10. С. 14–17.

6. Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риски: ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006.

7. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008.

8. Фролова С.М. Институциональный подход в исследовании повседневности // Вестник ПАГС. 2013. № 2 (35). С. 118–124.

9. Фоссье Р. Люди Средневековья. СПб., 2010.

E.Yu. Shakirova
Social and Cultural Field:
Stability vs Uncertainty

The states of social and cultural field as a complex field of constructed meaning are analyzed in the article. It is postulated that such states as stability and uncertainty do not contradict each other, but are in close interrelation, determining development (distribution) of social and cultural field.

Key words and word-combinations: social and cultural field, stability, uncertainty, social and cultural monade, rhizoma.

Анализируются состояния социокультурного пространства как комплексного пространства конструируемого смысла. Постулируется, что такие состояния, как стабильность и неопределенность, не противоречат друг другу, а находятся в тесной взаимосвязи, детерминируя развитие (распространение) социокультурного пространства.

Ключевые слова и словосочетания: социокультурное пространство, стабильность, неопределенность, социокультурная монада, ризоморфность.

УДК 1:316
ББК 60.02

Е.Ю. Шакирова

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
СТАБИЛЬНОСТЬ
VS НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ**

Социокультурное пространство — сложная категория, представляющая собой сочетание нескольких понятий. В самых общих чертах социокультурное пространство можно определить как конструированное пространство смысла, в котором отражена культурная специфика социальной организации изучаемого социума и где можно выделить несколько уровней (потоков), пересекающихся друг с другом.

Социокультурное пространство принадлежит к числу наиболее сложных формирований, способных к оптимизации и самоорганизации поведения при изменении внешних условий. Подобное качество позволяет в определенной степени предсказывать набор возможных сценариев его развития (распространения). Поведение элементов социокультурного пространства можно охарактеризо-

вать как когерентное, или согласованное. Знание о распространениях социокультурного пространства — это всего лишь знание о некоторых возможных состояниях, в которых оно *может* пребывать в будущем, или знание конкретной траектории социокультурного формирования, которая, по определению, состоит из состояний социокультурности в различные моменты времени — социокультурных ситуаций (Е.В. Листвина). Само распространение можно рассматривать как пребывание в состоянии условного *равновесия*. Переход от одного состояния к другому представляет собой смену состояний условного равновесия.

Очевидно, что принципиальное значение имеет понятие стабильности социокультурных формирований. Без представления о стабильном состоянии социокультурного формирования невозможно создать полную картину социокультурного пространства.

Понятие «стабильность» ассоциируется с порядком, неизменностью, то есть сохранением традиций, равновесием, устойчивым функционированием и т.д. Данное понятие используется и для описания состояния различных образований, и структуры, и отдельных элементов, и, наконец, процессов и отношений. Стабильность, на наш взгляд, не является устойчивым равновесием, она может быть и чаще всего бывает неравновесной. В этом случае стабильность следует трактовать как неизменность социальных и культурных связей и отношений, обеспечивающих постоянство обратных связей между социокультурными элементами пространства.

Итак, стабильность подразумевает прежде всего сохранение связей между социокультурными элементами, а также преемственность этих подобных. Когда связь прерывается, то возникает неопределенность. Неопределенность — знак разрыва между смыслами. Неопределенность — нечто, что имеет свой онтологический, аксиологический, гносеологический статус, она не замещает стабильность / определенность, это самостоятельное состояние социокультурности, имеющее собственную значимость. Хотя неопределенность возникает на фоне определенности / стабильности, она имеет собственное темпоральное измерение. Это своеобразный переход от одной определенности / стабильности к другой определенности / стабильности.

Само понятие неопределенности максимально нагружено в философской литературе. Все, что относится к неопределенности, — иллюзорно, связано со случайностью. В какой-то мере неопределенность подразумевает кризисность, но понятие кризиса имеет иное семантическое наполнение. Тем не менее кризисная ситуация современности отражает именно неопределенность и иллюзорность мира. Понятие кризиса наиболее употребительно в философской литературе, оно подразумевает один из периодов развития социокультурности и связано с противоречиями, возникающими между культурой и социальностью. Пересечение или расхождение интересов общества и культуры — это не частный случай их взаимоотношений, а развернутый во времени и в пространстве процесс. Сосуществование общества и культуры — взаимодействие, осложненное многими обстоятельствами, «смесь стабильности и нестабильности» [1, с. 50], определенности и неопределенности, поскольку при нестабиль-

ном состоянии определенности быть не может. При этом фокусирование внимания на становлении социокультурности базируется на допущении, что в каждой неопределенности одновременно прослеживается доля определенности.

Понятие неопределенности является не более чем абстракцией, используемой метафорически, наполняемость которой зависит уже от изучаемого явления и мировидения исследователя. Применительно к современности можно утверждать, что неопределенность — одна из форм ситуации, которая охарактеризуется как постмодернистский релятивизм. Времена определены, когда сохраняется связь с прошлым, если же подобная связь прерывается, то возникает неопределенность, так неопределенность, на взгляд прежде всего знак разрыва между смыслами, деструкция смысла. Неопределенность не ополчается на определенность, неопределенность — это то, что имеет свой онтологический, аксиологический и гносеологический статус. Возникает неопределенность на фоне определенности, она имеет свое темпоральное измерение. Неопределенность является своеобразным моментом перехода, все, что связано с неопределенностью, — иллюзорно, расплывчато, неясно. Неопределенность в современной науке выступает как онтологический принцип, согласно которому реальность рассматривается как всегда подлежащая определению и / или интерпретации. Важно, что понятие неопределенности имеет методологический статус в современной гуманитарной науке.

Неопределенность пронизывает современные представления о социуме и мире в целом, становится «фоном», который не позволяет разглядеть и объяснить сущее, что выводит на первый план онтологический и социокультурный аспект неопределенности, благодаря которому неопределенность отличается своей не-завершенностью.

«Неразрывная связь типов реальности в контексте проблемы человека как части Вселенной формулирует осознание множественности существующих типов неопределенностей», — отмечает А.Ю. Шеховцев [2, с. 32]. И далее: «Неопределенность может возникать:

- как невозможность получения информации за пределами «светового конуса», который меняется в процессе экспликации познавательной деятельности;
- как порождение единства бытия и небытия (феноменологический аспект);
- как неопределенность, заложенная в формах движения материи и находящая отражение в квантовой механике, теории информации и иных дисциплинах;
- как неопределенность, порождаемая средствами, методами и самим аппаратом познания;
- как невозможность проверки гипотез на определенных этапах познавательного процесса и как порождения гипотез *ad hoc*;
- как следствие флуктуаций, мутаций, селекции и трансмиссии генетической информации;
- как психологическая неопределенность, как форма “психологического хаоса”» (П. Фейерабенд) [2, с. 33].

Сложное формирование, каковым является социокультурное пространство, характеризуется наличием актуальной и потенциальной неопределенности: «...сложность представляется многообразием; она многомерна, многофакторна

и, кроме того, связывается с такими свойствами, как нелинейность, неустойчивость, нечеткость, неопределенность, потенциальность... Онтологический аспект неопределенности отражает свойства объектов, которые нельзя соотнести с имеющимися знаниями, то есть фактически актуальную неадекватность»... [знания] [3]. Если же «...истинность его еще не подтверждена, то тогда и проявляется гносеологический аспект неопределенности как потенциально возможная, еще невыявленная неадекватность отображения реальному объекту» [3, с. 180–181].

Ценности современного общества основаны на «принципе неопределенности» (Ж. Бодрийяр), в состоянии «постметафизического плюрализма» (Ю. Хабермас) формирование любых ценностей как моральных, так и социальных в целом крайне затруднено, поэтому неопределенность, без сомнения, имеет аксиологический статус и решение данной проблемы, если и будет возможным, то только через разрешение аксиологических вопросов. Неопределенность при ризоморфной аксио-сфере достигает высшей степени, находится вблизи кризисных точек, становится максимальной. На первый план в подобной ситуации выходят проблемы свободы и необходимости, выбора дальнейшего пути движения, что является показателем свободы, с одной стороны, и его соотнесение с заданными параметрами социокультурного формирования (ценностями, социокультурными монадами) требованиям необходимости, с другой стороны. Здесь опять прослеживается двойственная зависимость категорий свободы и неопределенности: казалось бы, неопределенность порождает множественность возможностей и путей выбора, но именно неопределенность возникает в процессе реализации существующих возможностей, играет весьма неоднозначную роль в формировании социокультурности, поскольку она способна исказить сам образ бытия, его проявления в социокультурной плоскости.

По-видимому, как уже было отмечено, следует различать онтологическую, гносеологическую и социокультурную неопределенность. При этом социокультурная неопределенность является разновидностью онтологической неопределенности, ее основаниями являются ризоморфность аксиологической сферы социокультурного формирования и мозаичный тип соединения социокультурных монад, а также противоречия, возникающие между культурным и социальным. В современном мире социокультурную неопределенность порождают антропологические факторы. В свою очередь, онтологическая неопределенность порождает гносеологическую неопределенность, так формируется всеобщая неопределенность современности.

В целом неопределенность — категория, отражающая отсутствие какой-либо упорядоченности, что является следствием потери смысловой связи между социальными и культурными феноменами. Специфика неопределенности в современном мире связана с увеличением многообразия событий и многозначности их оценки. В этом отношении неопределенность и своеобразие человеческого осмысления и отражения реальности находятся в непосредственной корреляции, с одной стороны. Неопределенностью обладает в большей степени различие между самим объектом, его описанием, интерпретацией, оценкой, что связано с наличием информации, неполнотой знания, достичь которого в принципе невозможно. С другой стороны, неопределенность — это специфи-

ческий процесс современных общественных отношений. Вызвана неопределенность социальной и культурной трансформацией пространства современности. Новая аксиологическая формула современности неизбежным образом трансформирует основы социокультурности и выводит сложившиеся реалии на другой уровень.

Как бы мы ни пытались трактовать понятие неопределенности, все дефиниции будут сводиться к гносеологическому типу — это неизвестность, недостоверность, непредсказуемость, потеря смысловой связи, вариативность бытия человека, сомнение в возможности точного отражения и прогнозирования дальнейшего развития. А.М. Дорожкин и Т.А. Пакина полагают, что наиболее точной является экзистенциальная составляющая неопределенности, выделенная в работе В.О. Фабера [4, с. 153], который считает, что можно выделить топосы бытия, связанные с неопределенностью, — прежде всего топос Абсолютного, или Апофатического, топос Относительного и топос Виртуального [5]. В топосе Абсолютного неопределенность подразумевает сверх-определенность, превосхождение любых границ. В топосе Относительного неопределенность — это характеристика континуальной размытости объектов, противоречивости процессов развития, беспорядка в структуре, здесь неопределенность не существует отдельно от определенности. В топосе Виртуального неопределенность характеризует недоволощенность, бытие симулякра [5]. Фактически топос Относительного есть это топос реальности. Реальность размыта, противоречива, характеризуется отсутствием строгого порядка, и если топос Относительного и Виртуального противостоят друг другу, то топос Абсолютного охватывает и то, и другое. Экзистенциальная неопределенность «схватывает» все виды неопределенности, объединяя их в единое целое на основе антропологического.

Так, в онтологической плоскости феномен неопределенности предстает как становление, в гносеологической плоскости — как неизвестное, в плоскости системного подхода — в качестве энтропии, хаоса, случайности, в социокультурной — противостояние социального и культурного. Можно ли избежать конфликта или противоречия между социальным и культурным? Всегда ли социальное и культурное отражают стремление к стабильности и порядку? В социальной философии существуют разные ответы на эти вопросы. Согласно Т. Парсонсу, трансформации культуры возникают из социального, а не из самой культуры. В культуре заключается механизм для социальной организации и контроля, так как она социально релевантна благодаря своей закодированной форме и способности оставлять смысл в каждом действии и институте, чем создается напряжение. Развитие культуры, следовательно, крайне необходимо для продвижений социальных систем [6].

Но возможна и другая теоретическая позиция, согласно которой переменны в сфере культуры — реакция на развитие социального. Однако ни культурное, ни социальное не существуют самостоятельно, а находятся в непосредственной связи с антропологическим. Именно человек и его деятельность являются порождающими факторами и социального, и культурного, и их целокупности — социокультурного. Следовательно, неопределенность антропологическая и / или экзистенциальная есть начало неопределенности социокультурной. Труднопос-

тижимая неопределенность социокультурного пространства выглядит как хаос (недаром хаос, случайность и неопределенность помещаются в один синонимично-семантический ряд) благодаря комплексной сфере взаимодействия его элементов, утраты упорядоченности и иерархизированности внутри ценностной плоскости. Социокультурность находится в постоянном становлении-утверждении. М. Мамардашвили подчеркивал, что «хаос... не сзади, не впереди, не сбоку, а окружает каждую историческую точку... каждую точку культурного существования самой культуры» [7, с. 145]. Хаос и неопределенность в условиях современной социокультурной ситуации не являются стадией гибели. Нарастание неопределенности, нелинейности, неоднородности свидетельствует лишь об удаленности от такого состояния, которое можно называть «порядок», рассматриваемого лишь как один из возможных сценариев развития социокультурности.

Стабильность и неопределенность не противостоят друг другу, но взаимодополняют друг друга, последовательно сменяясь, демонстрируют развитие социокультурного пространства. Так, социокультурность бинарна по сути: неопределенность и упорядоченность могут быть рассмотрены в качестве разных способов ее бытия. Переструктурирование целостности социокультурного пространства непредсказуемо, это процесс постоянного перехода от одной стадии к другой, границы между которыми размыты, нечетки и неуловимы, а причиной перехода может быть незначительное изменение семантического наполнения социокультурной монады. В связи с этим неопределенность можно и нужно рассматривать как упорядоченность (определенность), но в других измерениях, в виде особой, непознанной определенности.

Неопределенность не исключает стабильности. Неопределенность может быть стабильна, постоянна, так же и стабильность может предстать как неопределенность с одной стороны, и как определенность с другой стороны. То, что может казаться неопределенным на микроуровне социокультурности, на макроуровне принимает формы определенности. Процессы нестабильности на микроуровне предстают стабильными на макроуровне. Тем не менее состояние неопределенности внутренне присуще социокультурному пространству. Такое состояние свидетельствует о неравномерном, нелинейном, разноректорном развитии социокультурности, полной определенности как состояния ясности, четкости и стабильности, то есть определенности онтологической и гносеологической, быть не может. Свойственные социокультурному пространству риски, повышая его рискогенность, увеличивают степень неопределенности, подводят социокультурность к кризисной ситуации.

Библиографический список

1. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 46–51.
2. *Шеховцев А.Ю.* Информационная парадигма в структуре современного мышления. Саратов, 1998.
3. *Голиков Ю.Я.* Теоретические основания проблемы выбора роли человека в технике // Труды Института психологии РАН. 1997. Вып. 2. С. 180–187.
4. *Дорожкин А.М., Пакина Т.А.* Феномен научной неопределенности: анализ проблемы //

Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобочевского. Сер.: Социальные науки. 2010. № 4 (20). С. 150–156.

5. *Фабер В.О.* Проблема неопределенности в структуре философского знания: Онтологический, гносеологический, антропологический аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004.

6. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997.

7. *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М., 1991.

Z. Shakhin, A.M. Abidulin
The Origin of Feminist Ideology
in Female Classical Literature
of Turkey

Creativity of the first poetesses of the Turkish classical literature is considered. The authors demonstrate how through art women defended their right to creativity and participation in the formation of the new east culture. The origin of the feminist ideology in female classical literature of Turkey is analyzed.

Key words and word-combinations: the Turkish classical literature, poetesses, feminism, ideology, the role of a woman in cultural life in the East.

Рассматривается творчество первых поэтесс турецкой классической литературы. Авторами показано, как через искусство женщины отстаивали свое право на творчество и участие в формировании новой восточной культуры. Анализируется зарождение феминистической идеологии в женской классической литературе Турции.

Ключевые слова и словосочетания: турецкая классическая литература, поэтессы, феминизм, идеология, роль женщины в культурной жизни на Востоке.

УДК 821(4).09

ББК 83.3(4)

З. Шахин, А.М. Абидулин

ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕМИНИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ЖЕНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ТУРЦИИ

Эпоха формирования могущественной Османской империи сопровождалась процессом централизации власти. Заботясь об идеологическом укреплении власти, феодалы начали собирать при своих дворах ученых и поэтов, предопределяя таким образом отчасти и панегирический характер произведений последних. Принимая за эталон образцы арабской и персидской литературы, турецкая придворная поэзия того времени большей частью состояла из стихов, воспевавших достоинства правителей, и поэтических произведений религиозно-философского характера, отражающих идеологию либо ортодоксального ислама, либо суфизма. В то же время «в турецкой поэзии звучали стихи, прославляющие счастье любви, радость жизни, восторг перед красотой и совершенством природы. Авторы этих стихов порой доходили до пренебрежения догмами ислама и его моральными предписаниями. Такие стихи были

проявлениями вольнодумства, дерзким вызовом духовенству и власти имущим» [1]. Именно к представителям этой «еретической» струи можно отнести и поэтесс, которые стали первыми в отстаивании своего права на существование в «мужском» культурном пространстве, нарушая тем самым все рамки строгих границ дозволенного женщинам.

«Путь к становлению поэта в османской поэзии пролегал через принятие роли ашуга (ашыка) — народного певца-поэта, что делало невозможным участие в поэзии женщин. Будучи предметом чувственной любви, женщина изначально оказывалась вне творческого процесса. Женщина в литературе во все времена была объектом, но никак не субъектом любви» [2]. Устои консервативного общества диктовали свои права и обязанности поведения женщин в литературе и искусстве. В османской литературе женщина имела право на любовь, но любовь исключительно божественную, никак не земную. Открытое же объявление своих земных чувств было просто недопустимым и расценивалось как верх неприличия. «В обществе, где главной добродетелью женщины признается ее “умение не дать повода говорить о себе”, заявлять о своей любви, боли, надежде, выставляя на показ свои моральные переживания и давая повод к публичному обсуждению себя, пусть даже в поэтической форме, было недопустимо» [3].

Как мировая, так и турецкая литература того времени были строго подчинены законам мужской цензуры внутри культурного пространства, построенного по мужским законам. Литература являлась «идеологической индустрией, формирующей людей обоих полов как продукт воспитания в мужской системе ценностей и обстоятельств выживания в ней» [4]. Именно эти обстоятельства выживания в строго консервативном обществе ставили женщин, желавших и вынужденных в силу своего таланта посвятить себя поэзии, перед выбором: останется ли их поэзия в рамках «классического мужского мироощущения» либо благодаря женской чувственности будет заранее обречена на неприятие. Так, Маркоч в своем тематическом исследовании отмечает: «... Турецкие поэтессы вынуждены были творить в рамках очерченных мужчинами-поэтами общих эстетических форм, выражений и содержания, поэтому женская любовная лирика была облечена в мужскую форму и не отражала женского начала» [5]. Развивает эту тему высказывание Палы о творчестве турецких классических поэтесс: «Их поэзия была лишена женской чувствительности и интровертной беззаботной мечтательности» [6]. Эти высказывания отчасти справедливы, так как часто в произведениях первых османских поэтесс присутствуют нотки чисто мужского мировосприятия. Примером могут послужить бейты (минимальная строфическая единица персидской и тюркской поэзии. — *Ред.*) газели одной из первых диванных поэтесс Зейнеп (?—1474):

Открой лицо и все вокруг ты красотой озари,
И брэнную землю в светлый рай преврати.
Пусть губ твоих движенье заставит задрожать источник рая,
И все вокруг благоуханием распущенных волос своих наполни [2].

Другим примером могут стать отрывки из газелей Михри-Хатун (?—1512), которые оставляют впечатление, что повествование ведется от лица мужчины.

В цветнике красоты твой лик — это свежая роза,
А родинка твоя, словно капля росы на лепестке розы [7].

Мотивы так называемого «подражания» мужской поэзии довольно очевидны. «Подражание» было предопределено жанром наиболее популярной поэтической формы того времени — газели. Этимология слова «газель» задала тематику данной, строго регламентированной как по содержанию, так и по очертанию, поэтической форме — воспеванию женщины, изначально предполагавшему пересказ мужских ощущений и чувств. Восточная созерцательная философия, в которой развивалась турецкая классическая литература, предполагала строгое подчинение установленным литературным правилам, и было бы справедливым предположить, что мужские оттенки в женской поэзии были не подражанием, а соблюдением содержания и формы самих газелей, иначе как можно объяснить частое использование в финальных бейтах газелей тахаллусов (псевдонимов. — *Ред.*), в которых открыто заявлялось авторство.

В какую бы форму ни были обличены произведения первых османских поэтесс — это были очень смелые шаги на пути к духовной свободе. Возможно, самым ярким представителем отстаивания своего права на самовыражение стала Михри. «Лирика Михри — это гимн всепобеждающей силе земной любви» [7]. «Османская Сапфо» была талантлива и красива. Ее стихи были наполнены страстным выражением любви, любви ко всему, как единственным смыслом жизни:

Без тебя, о кумир, моему телу эта душа его не нужна.
Ведь ты моя душа, а моя мне и на миг не нужна [1].

Не меньше чувственности и желания душевной свободы в газели поэтессы Лейлы (?—1847):

Любви с влюбленными быть рядом трудно,
Любовь, как Пери дикая, и к людям ей привыкнуть трудно.
Пусть не обманут сердце ее увещеванья встречи,
Ведь после горе, боль и муки пережить так трудно.
И отстрани меня, лишь явится соперник,
Мне выжить в этой боли будет трудно.
Урок любви мне нужен, а не наставленья,
Беседы набожного скупы и поддержать их трудно [8].

И можно лишь представить, какую бурю негодования вызывали эти строки у благочестивого Османского двора, в какую ярость они приводили ханжей, каким нападкам и обвинениям подвергались эти женщины, посмевшие открыто заявить о своих чувствах и желаниях! Эти слова звучали громом в небе правоверного османского общества. И, как бы уже смирившись с клеймом непристойности, в отчаянии они бросают еще больший вызов аскетическим запретам, прославляя радость винопития и земных усад. Поэтесса Лейла:

Собирай гостей, и пусть, что хотят, говорят.
Наслаждайся вином с любимыми, и пусть, что хотят, говорят [2].

Строки Шереф-Ханым (1809—1876) как будто перекликаются со словами Лейлы:

Не внимай в этом мире крикливым врагам.
Наслаждайся мирскими усадями, и пусть, что хотят, говорят [2].

Безусловно, поэзия первых османских поэтесс состояла не только из «песен любви», хотя это и являлось основной темой их творчества. Поэтесс интересовало все: и общие устои мира, и порядки в нем. Не меньше беспокоили их и проблемы неравенства. Так, Михри-Хатун писала:

...Одного Ты (Аллах) сделал всегда творящим молитвы.
Другому кабак его обиталищем сделал.
Одному ты лица красоту даровал,
Другого безумным от любви ты сотворил.
Одного ты сделал стенающим влюбленным,
Другого — жестоким возлюбленным.
Одного ты в разлуке заставил стенать,
Другому ты радость свидания дал.
Одному уготовил навечно ложе из кости слоновой,
Другой за свой труд не находит циновки... [1].

Сложным был путь женщин, пытавшихся отстоять свое присутствие в искусстве и культуре того времени. Их творчеству сопутствовало не только общественное непонимание, но и неприятие коллег.

Женщины — представительницы классической турецкой литературы были великолепно образованы. Большинство из них в совершенстве владели персидским и арабским языками, им были знакомы лучшие произведения поэтов того времени. Известно, что газель Михри с редифом (одно или несколько слов, повторяющиеся в конце стихотворной строки после рифмы. — *Ред.*) *دود بخونم* является назире («ответ» поэта на произведение [поэму] другого поэта. — *Ред.*) на стихи Неджати (турецкий лирик, наиболее яркий представитель второй половины феодально-средневекового литературного периода. — *Ред.*). Поэтесса высоко ценила и восторгалась его творчеством. Однако есть предположение, что Неджати не очень одобрительно относился к ее восторженному поклонению и высказал однажды свое отношение в довольно резких стихах, правда, не назвав имени поэтессы:

О ты, слагающая назире в подражание моим стихам,
Смотри не переступай порога приличия.
Не говори: «Вот, по размеру и рифме
Мои стихи близки Неджати».
Хотя и по три буквы (согласных) в обоих словах.
Но разве «стыд» и «знание» могут значить одно?! [1].

Но если человек и способен пережить неприятие коллег, общественное непонимание, то осуждение семьи ранит порой тяжело. Так, известно, что одна из первых классических поэтесс Зейнеп-Хатун, чья поэзия была высоко оценена Султаном Фатихом Мехметом, после замужества с Исааком Фехми Челеби, смирившись с давлением со стороны мужа, не только перестала посещать литературные беседы, но и оставила всякую литературную деятельность [8, 5]. Подобную историю пережила и поэтесса Фытнат-Ханым. Жесточайшие запреты мужа на чтение и письмо, яростные приступы ревности, доходившие до безумства в виде обрезания ресниц и запретов красиво одеваться, вынудили ее

расстаться с мужем [9, 5]. Поэтесса Лейла в день свадьбы, услышав негативные отзывы мужа о ее творчестве, охладает к нему и расстанется с ним уже через неделю [8, 5]. Фатма Ани Ханым (?–1701) подвергнется унижительной критике со стороны гостей в своем же собственном доме [2]. Поэтесса Нияр (1862–1918) после оскорбительной оценки ее стихов, вырвав из рук оскорбителя рукопись, разорвет ее и бросит ему в лицо [2]. Фериде-Ханым (1837–1903) ответит на запреты и негативное отношение матери к ее стихам обличающим в непонимании скорбным бейтом:

Скажи мне, разве может мать так ругать свою дочь?
Ей Богу, не видел свет такого поругания дочери [5].

Не находя понимания ни в обществе, ни в семье, поэтессы в своем стремлении к внутреннему совершенству и духовной свободе часто искали истину в суфийских братствах и орденах. Так, «Шереф-Ханым и Лейла-Ханым были посвящены в орден дервишей Мевлеви, Рахиле Сырры-Ханым из Диярбакыра (1814–1877) — орден Кадирии, дочь Султана II Махмуда Адиле Султан (1826–1899) — орден дервишей Накшибенди» [10]. Творчество поэтесс классической диванной литературы — это не революционная борьба за номинальное присутствие в литературе, а в первую очередь поиск морально-этических норм и способов глубокого осознания смысла жизни и истины, посредством достижения равновесия между духовной, физической и ментальной жизнями. Их поэзия — результат духовных поисков и понимания того, что только при достижении равновесия во всех составляющих жизни возможна полноценность мирского существования, обретения счастья и свободы духа.

К сожалению, список поэтесс, открывших женскую страницу в классической турецкой литературе, не так уж велик. На основе исследований Ураза [9], Испирли [2], Арслана [8], а также письменных источников, дошедших до наших дней, можно утверждать, что за шесть веков существования Османской империи только около пятидесяти женщин вошли в историю классической диванной литературы. И пусть их творчество, не отличаясь большим разнообразием поэтических форм, чаще было представлено газелями и касыдами (твердая поэтическая форма народов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии. — *Ред.*), песни их звучали как «гимн торжествующего чувства свободы, восставшего против аскетических запретов».

Любая философская мысль развивается в контексте национальной культуры и является результатом господствующих в ней идей. И если для западной феминистической идеи характерно «равенство полов», то восточная феминистическая идея основывается прежде всего на «равенстве в различии». Восточный феминизм — иной, глубоко экстравертный способ мировосприятия, основанный на любви к ближнему, заботе, понимании его. Здесь гармония и полноценность достигаются посредством культивирования этики заботы, внимания и всеобъемлющей любви. В восточном феминизме присутствует понимание того, что индивидуальная этика непременно приведет к отчуждению людей, а «различие» женщины в ее способности к «объединяющей любви» ко всему живому, в первую очередь к человеку как вершине

божественного творения. Западный же феминизм имеет в своей основе интровертную направленность, где главенствует культивирование личностно ориентированных качеств человека. Именно эти постулаты и определяют способы достижений феминистических идей: созерцательно-гуманистическую направленность в восточном феминизме и экспрессивно-демократическую в западном.

Отражение мира в искусстве слова через призму женского восприятия в средневековой Турции стало уделом немногих, но очень смелых женщин, подвергавшихся и общественному осуждению, и порицанию, и преследованию. Часто расплатой за желание самовыражения была трагедия в личной жизни, но благодаря неподражаемому бесстрашию и, безусловно, величайшему поэтическому таланту турецкие женщины-поэтессы обрели свое место в классической литературе, отстаив право на творчество и, самое главное, на участие в формировании новой восточной культуры. Возможно, их поэзия не отличалась большой выразительностью, но она была искренна. Трудно не восхищаться духом и светом сердец этих великих женщин, нашедших в себе силы, противостоя преградам и преодолевая их, открыто заявить миру о своем праве на любовь, понимание и самовыражение. Турецкие поэтессы классического жанра сумели создать произведения, выдерживающие не только сравнения с произведениями своих великих современников поэтов-мужчин, но и проверку веками и многими поколениями истинных ценителей восточной классической поэзии. Именно через искусство женщины смогли добиться в Турции равноправного с мужчинами участия в общественной жизни. Конечно, процесс начала участия женщин в жизни государства занял долгое время, но именно Турция стала первой в мире восточной страной, где в начале XX в. женщины получили право избирать и быть избранными в парламент страны.

Библиографический список

1. *Михру-Хатун*. Диван / критич. текст и вступ. статья Е.И. Маштаковой. М., 1967.
2. *Serhan Alkan İspirli*. Osmanlı Kadının Şiiri // *Türkoloji Araştırmaları* [Poem of Ottoman Woman / Turkish Studies]. Fall. 2007. № 2/4. P. 445–454.
3. *Nazan Bekiroğlu*. Osmanlıda Kadın Şairleri [Women Poets in Ottoman Empire]. Ankara, 1999.
4. *Арбатова М.* Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // *Преображение*. 1995. № 3. С. 26–28.
5. *Yasemin Ertek Markoc*. Türk Klasik Edebiyatında Kadın Şairlere Bir Bakış // *Celal Baydar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi* [Look at Women Poets in Classical Turkish Literature / Celal Baydar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi]. 2011. Vol. 9. № 2.
6. *İskender Pala*. Ashina Guzeller [Famous Beauties]. İstanbul, 1998.
7. *Боролина И.В.* Литература XIII–XIV в. Турецкая литература // *История всемирной литературы*. М., 1985. Т. 3.
8. *Mehmet Arslan*. Seref Hanim Divani [Divan of Seref Hanim]. İstanbul, 2002.
9. *Murat Uraz*. Kadın Sair ve Muharrirlerimiz [Our Women Poets and Writers]. İstanbul, 1941.
10. *Mujgan Cunbur, Neriman Saryal*. Turk Kadının Siiri [Poem of Turkish Woman]. Ankara, 1970.

E.N. Moiseeva
Travel Literature in the Colonial
Period as a Sociocultural
Phenomenon (the Image
of Polynesia in the Novels
of Pierre Loti)

The travel is studied as a historical and cultural phenomenon. Features of the colonial variant of intercultural interaction between civilizations are identified. The set of problems associated with the processes of translation of cultures in colonial times is considered.

Key words and word-combinations: travel, Pierre Loti, the image of a "foreign" culture, Polynesia.

Исследуется путешествие как историко-культурный феномен. Выявляются особенности колониального варианта межкультурного взаимодействия цивилизаций. Рассматривается комплекс проблем, связанных с процессами трансляции культур в колониальное время.

Ключевые слова и словосочетания: путешествие, Пьер Лоти, образ «чужой» культуры, Полинезия.

УДК 821(93/96)
ББК 83.3(85)

Е.Н. Моисеева

ЛИТЕРАТУРА
О ПУТЕШЕСТВИЯХ
В КОЛОНИАЛЬНУЮ ЭПОХУ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН
(ОБРАЗ ПОЛИНЕЗИИ
В РОМАНАХ ПЬЕРА ЛОТИ)

Изучение литературы путешествий сегодня — одно из актуальных направлений гуманитарных исследований. Об этом свидетельствует тот факт, что почти одновременно во Франции и в России прошли конференции, объединенные данной общей темой. [1, 2, 3]. Докладчики изучали, по преимуществу, произведения, посвященные реальным путешествиям (так называемые травелоги, *gîcits de voyage*), но написанные в разных странах и эпохах (от Античности до наших дней).

Путешествие как историко-культурный феномен заслуживает того, чтобы быть рассмотренным с самых разных точек зрения. Редакция журнала «Одиссей» в качестве сквозной темы исследования в 2010 г. выбрала тему путешествия и его роли во всех сферах жизни [4]. Исследование феномена путешествий вписывается в более широкую проблему изучения представлений о «чужой» культуре, феномена «Иного». В отечественной историографии растет интерес к вопросам, связанным с взаимовлиянием восточной и западной культур, диалогом цивилизаций [5, 6].

Нами была исследована литература путешествий (важная составляющая французского имперского дискурса), созданная во Франции в последней трети XIX вв. В этот период Франция встала на путь активной колониальной экспансии. Литература путешествий

указанного периода позволяет выявить особенности колониального варианта межкультурного взаимодействия цивилизаций и всего комплекса проблем, связанных с процессами трансляции культур в это время. Имперский дискурс во Франции формировал политическую реальность конца XIX вв., в том числе расовые стереотипы и связанные с ними модели поведения. По мнению А.Э. Афанасьевой, исследовавшей британские травелоги, «в викторианскую эпоху литература путешествий превратилась в важнейшее поле обсуждения и распространения главных идей имперского проекта» [6, с. 107]. Аналогичная ситуация сложилась, и во Франции.

Литература о путешествиях, написанная в период экспансии во Франции, была довольно разнообразна. Это путевые заметки, репортажи, туристическая литература, научные и научно-популярные труды, художественные произведения.

В данной статье исследуются произведения. Имя французского писателя П. Лоти сейчас практически забыто, а романы не являются шедеврами, однако в конце XIX вв. это был один из самых читаемых французских авторов. Его взгляды и представления становились взглядами и представлениями читателей. Наиболее интересны особенности восприятия П. Лоти Полинезии — одной из самых удаленных от Европы территорий, ее жителей, их традиций, внешнего вид [7, с. 98—111; 8, с. 15—27]. Лоти пытался предстать перед своими читателями объективным наблюдателем. Однако он принадлежал к определенной культурной традиции и путешествовал с уже сформировавшимися на родине стереотипами, например о превосходстве Запада над Востоком. Столкнувшись в колониях с чужой культурой, иным мировоззрением, Лоти встал перед проблемой познания «Другого». Как можно питаться и одеваться таким странным образом? Как можно не верить в Единого Бога? Он пытался ответить на эти и другие вопросы в своих произведениях и тем самым познакомить соотечественников с результатами собственных размышлений, представлениями о Чужом Мире.

Лоти начал свою литературную карьеру в 70—80 гг. XIX в. Его «романы утоляли потребность общества в экзотике, мечте о дальних странах» [9, р. 30] и пользовались большой популярностью у публики. Пьер Лоти (1850—1923) (настоящее имя Луи Мари Жюльен Вио) родился в Рошфоре — приморском городке на западе Франции. Биограф П. Лоти Н. Сербан писал, что с самого детства Жюльен познал «ностальгию по далеким странам» [10, р. 15]. Лоти выбрал для себя карьеру морского офицера, позволившую ему путешествовать по миру, и карьеру журналиста. Но настоящую популярность он приобрел благодаря своим романам, которые, по сути, являлись повествованиями о реальных путешествиях писателя, поэтому их можно рассматривать не просто как литературное путешествие, но как травелоги, которые в основе своей документальны [11].

Наиболее популярная часть литературного наследия Лоти — романы, повествующие о любовных приключениях европейца в различных уголках земного шара и рисующие жизнь французских моряков и солдат колониальных войск. Среди них «Азиаде» (1879), «Брак Лоти — Рараю» (1880), «Роман одного спаги» (1881), «Три дамы из Казбаха» (1882), «Госпожа Хризантема» (1887).

Роман «Брак Лоти — Рараю» принес писателю настоящую славу. А имя Лоти (название таитянского цветка) — прозвище героя романа, которое тот получил от своей таитянской жены Рараю, стало псевдонимом Жюльена Вио. После публикации книги «Брак Лоти — Рараю» появились конфеты под названием «Лоти» и ленточки для волос «Рараю» [12, р. 11]. Французские исследователи считают произведения Лоти «экзотическими романами». Р. Лебель называл Лоти «самым большим представителем французского экзотизма в конце XIX — начале XX вв.» [13, р. 71]. Для Ж. Лемэтр он был «королем экзотизма» [14, р. 100]. По мнению С. Лафон, экзотические романы Лоти имеют туристическую направленность [15, р. 30], хотя сам Лоти, не раз высказывался (особенно в своих путевых заметках («Галилея» и др.) против туристического бизнеса, начавшего завоевывать Восток [16, р. 126]. В этом сказалось его желание быть единственным, кому открылась бы иная культура.

В романах Лоти описания природы, сведения о быте, традициях туземцев, их внешнем облике преобладают над сюжетной канвой. Экзотика колониального мира в произведении «Брак Лоти — Рараю» проявлялась в живописном описании Лоти первобытной природы Полинезии, не испорченной вмешательством цивилизации. Прелесть Полинезии была не только в том, что там все словно создано для чувственных наслаждений путешественников, но прежде всего в ее величественности. Природа и климат Таити в западном воображении ассоциировались, пожалуй, только с природой и климатом рая. Там нет ни ядовитых змей или растений, «совсем как в сказочных заколдованных садах» [17, с. 117]. В то же время красоту этого края, по мнению Лоти, не могли оценить европейцы. «В европейских странах ничто не может дать понятия о пейзажах Полинезии. Эта роскошь природы и эта грусть были созданы для других людей» [17, с. 194].

Больше чем природа, поразили писателя люди, населяющие Полинезию, особенно их физический вид. Удивляя европейцев цвет кожи, и само лицо аборигенов. Лоти писал, что к «оригинальным» лицам полинезийцев нужно «привыкнуть, чтобы находить в них прелесть». Эту прелесть он называл «дикой», тем не менее она «очаровывала... вопреки всем условным понятиям о красоте, признанным европейскими народами». Лоти считал расу Маорийских островов «за одну из самых красивых рас на свете», несмотря на то, что лица полинезийских женщин, по словам Лоти, были «грубые, точно вырубленные топором». Особенно поражали Лоти «экзотические глаза» таитянок [17, с. 3, 80]. Лоти считал, что европейцы не могут по достоинству оценить красоту людей, живущих за тысячи километров от Европы. Однако себя он считал способным на это, подчеркивая свою исключительность перед остальными европейцами.

Описывая моральный облик туземцев разных регионов планеты, их быт и нравы, Лоти прибегал к разным оценкам. За аксиому принималось положение об отсталости неевропейских народов. Как представитель европейской цивилизации Лоти воспринял многие мифы, сложившиеся в западной культуре, среди них — о народах-детях, народах без истории. Софи Дюлук, например, обратила внимание, что путешествие по Африке представлено как путешествие во време-

ни [18, р. 34]. Лоти, описывая Полинезию, также давал читателям понять, что европейцы — это высшая раса — «взрослые» народы, а все остальные являются народами-детьми, на различных стадиях эволюции. «Своим характером таитяне очень похожи на маленьких детей... Они капризны, своенравны, часто без всякой причины вспыльчивы. Но они всегда глубоко честны и гостеприимны» [17, р. 37]. Писатель называл таитян «взрослыми детьми», «славными маленькими дикарями», а таитянское племя «забытым островком первобытной расы» [17, с. 37, 103—104]. Таитянские картины жизни были для Лоти «живописными», «оригинальными», «примитивными, как сцены из жизни первых веков существования мира» [17, с. 102].

Все в колониальном мире было для европейца, по меньшей мере, странным. Традиции полинезийцев представлялись устаревшими. Самые экзотические страницы романов Лоти повествовали о «странных» обычаях, музыке, танцах туземцев. Из-за «пропасти» между двумя мирами, о которой постоянно писал Лоти, понять эти традиции европейцу не представлялось возможным. Удивляло автора и чрезмерное суеверие «примитивных» народов, их страх перед призраками, даже язык маори был наполнен «мистическими словами» [17, с. 25]. Не менее необычной была для европейцев «первобытная» музыка туземцев: «Пение Рараю приводило Лоти в восторг... Она подражала пению птиц, то пронзительному, то нежному, как пение жаворонка» [17, с. 61, 98]. «Туманный и дикий смысл» их песен «был бы чужд и непонятен для европейца, если бы ему вздумали их передать». Но сам Лоти, зная язык маори, «находил в этих песнях своеобразную прелесть, полную грусти» [17, с. 99]. Еще более непристойными, чем песни, были для Лоти туземные танцы, которые не были подвластны никаким запретам белых властей. Таитянки доводили себя в танце «до иступления» и старались превзойти друг друга «в бесстыдстве и неистовстве» [17, с. 107]. Лоти называл эти «сладострастные» танцы «древними сатурналиями», находил в них «очарование» ушедших веков. Только в тропической обстановке могли, по мнению Лоти, существовать такие танцы и такое пение. Перенесенные же в другое место они потеряли бы всякое значение. Лоти подчеркивал различие рас и был убежден, что никакая сила не могла разрушить «непроницаемую стену», разделявшую расы.

В романе «Брак Лоти — Рараю» автор показывал Таити беззаботным краем на Земле, где «труд вещь совершенно неизвестная». Таитян Лоти изобразил ленивым и беззаботным народом. «Леса сами производят все, что нужно для этих беспечных людей... годы проходят у таитян в абсолютной праздности и непрерывных мечтаниях» [17, с. 37, 38]. Он сравнивал Таити с Европой, где людям приходилось тяжело трудиться, чтобы выжить. На островах же «каждому хватает места и на солнце, и в тени, и в воде» и отсутствует «борьба за существование» [17, с. 157]. «Ленивые таитянки» проводили время, купаясь в ручье и нежась под солнцем. Даже на путешествие вглубь острова они не решались, так как лень пересиливала любопытство. Даже описывая таитянские пиры, на которых были и рыба, и крабы, и жареные поросята, Лоти не задумывался, что это плоды труда жителей острова. Кроме лени таитянам приписыва-

лась другая черта характера — жестокость в человеческих отношениях. Лоти описал в романе практику людоедства [17, с. 11].

С точки зрения Лоти, все «примитивные» народы рано или поздно исчезнут под натиском цивилизованных. Запад нес с собой разрушение старого патриархального мира, на Таити «нет других опасных животных, кроме колонистов из Европы» [17, с. 101]. Сближение с цивилизованными расами не оставляло туземцам шансов на выживание. Лоти считал это угасание неизбежным и с грустью писал об этом. «Будущее столетие, вероятно, уже не застанет их в живых» [17, с. 103]. Интересно, что сами туземцы в романах Лоти признавали собственную отсталость по сравнению с белыми людьми и свою скорую гибель. Королева острова Таити видела, «что ее чудная страна обратилась в притон разврата» и королевство «под влиянием цивилизации приходило в упадок» [17, с. 128]. Главная героиня романа — Рараю была для Лоти олицетворением полинезийской расы, она в итоге погибла от «пороков» западной цивилизации — чахотки и пьянства.

Маорийская раса островов Тихого океана в целом вызывала симпатию у Лоти. Идеализация «примитивной», «дикой» жизни была для него характерна. Картина существования «примитивных» народов в романе Лоти «Брак Лоти — Рараю» отмечена рядом серьезных упрощений. Писатель постоянно подчеркивал, что европеец не может понять и оценить чужую культуру, но в то же время в своих произведениях он позволял себе судить о традициях и нравах туземцев с позиции представителя «высшей расы»: он писал об их врожденной лени, неискоренимом суеверии, детском характере и природной развращенности. Подобный взгляд на туземцев как на ленивых, беззаботных простаков станет в дальнейшем обыденным представлением европейцев, проникнет во все туристические заметки и превратится в клише. Очевидно, что из романов Лоти публика черпала информацию о жизни и быте полинезийских народов, утоляла свою потребность в экзотике. Лоти своими романами-травелогами открыл простым людям мир дальних стран. Для историка романы Лоти — это важный источник, позволяющий увидеть, как посредством художественного слова во французское общество проникали стереотипы и мифы о культуре заморских стран.

Образ «Чужого», расовые стереотипы, созданные европейцами, зачастую реальны и сегодня, а дискриминирующие представления об эмигрантах — результат имперского наследия и связанного с ним имперского дискурса. Вот почему без системного анализа имперского дискурса, в том числе и литературы о путешествиях, невозможно составить представление не только об интеллектуальном климате прошедшей эпохи, но и понять современные социально-политические процессы, связанные с адаптацией эмигрантов — выходцев из бывших колоний в современной Франции.

Библиографический список

1. Le roman de voyage. URL: http://www.fabula.org/actualites/le-roman-du-voyage_60224.php
2. Феноменология истории и антропология путешествия. URL: http://phil.spbu.ru/rabochaya/gaznoe/copy_of____.pdf
3. Литература путешествий в свете компаративистики. URL: [www.imli.ru/PDF/ Programme-oct-Rus%20\(2\).pdf](http://www.imli.ru/PDF/Programme-oct-Rus%20(2).pdf)

4. Одиссей: человек в истории // Путешествие как историко-культурный феномен / гл. ред А.О. Чубарьян, сост. С.И. Лучицкая; Ин-т всеобщей истории РАН. М., 2009.
5. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
6. Афанасьева А.В. Наука, литература и империя: африканские травелоги британцев в 1850-х – 1870-х годов // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2013. № 39. С. 106–123.
7. Моисеева Е.Н. Взгляд европейца на колониальную войну: Французский писатель Пьер Лоти об экспедиции в Индокитай (1883) // Новая и новейшая история: межвузовский сб. науч. трудов. Саратов, 2007. Вып. 22.
8. Моисеева Е.Н. Гендерные образы в романе Пьера Лоти «Азиаде»: имперская любовь и дружба // Турция – Россия – Ближний Восток: история, культура, политика: мат-лы науч. конф. Саратов, 2010.
9. Keith G., Millward M.A. L'Oeuvre de P. Loti et l'esprit «fin de siècle». Paris, 1955.
10. Serban N. P. Loti. Sa vie-son oeuvre. Paris, 1924.
11. Бондарева А. Литература скитаний // Октябрь. 2012. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2012/7/bo18.html>.
12. Buisine A. Tombeau de Loti. Lille, 1988.
13. Lebel R. Histoire de la littérature coloniale en France. Paris, 1931.
14. Lemaitre J. Les Contemporains. Etudes et portraits littéraires: troisième série. Paris, 1887.
15. Lafont S. Supremes clichés de Loti. Presse Universitaire de Mirail, 1993.
16. Loti P. La Galilée (29ème éd.) / par Pierre Loti. Paris, 1896.
17. Лоту П. Брак Лоти – Параю // Собр. соч. М., 1910. Т. VII.
18. Dulucq S. «Découvrir l'âme africaine» Les temps obscurs du tourisme culturel en Afrique coloniale française (années 1920 – années 1950) // Cahiers d'études africaines. 2009. q 1. P. 27–48.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

A.B. Pliychev
The Problem of Ideology
in the Russian Political
Discourse

Political and scientific ideas about the demand of ideological interpretation of modern development of Russia are analyzed. The actualization of the problem of ideology in the political process of recent years is traced. The discursive options of ideological conception for the Russian Federation are considered.

Key words and word-combinations: ideology, political discourse, democracy, political processes.

Анализируются политические и научные представления о востребованности идейного осмысления современного развития России. Прослеживается актуализация проблемы идеологии в политическом процессе последних лет. Рассматриваются дискурсивные варианты идеологической концепции для Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: идеология, политический дискурс, демократия, политические процессы.

УДК 316.75:32
ББК 66.05

А.Б. Ильичев

ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

На протяжении последних лет происходит актуализация проблем идейного характера в общественном сознании и в государственной политике. Многие ученые-юристы и политологи анализируют идеологическое состояние российского общества, обсуждают необходимость идеологии для государства. Все более определенно о необходимости государственной идеологии говорит Президент РФ В.В. Путин. На Валдайском форуме в сентябре 2013 г. он обратил внимание на требования усиления идейного содержания государственной политики, высказал свое понимание идейности для Российского государства в виде формулы: суверенитет, самостоятельность, целостность России [1].

Известно, что реформирование России в первой половине 1990-х годов проходило на либеральной идейной основе. Значительная часть населения была привержена либеральным ценностям и ожидала от их внедрения существенного улучшения жизни. С целью

расшистки общественного сознания от господствовавшей еще в тот период коммунистической идеологии в Конституции РФ было утверждено положение о запрещении государственной идеологии [2]. Но в обществе, в политических отношениях идеологии сохранялись и соперничали друг с другом. К середине 1990-х годов обнажилась несостоятельность либерального варианта реформирования России и влияние либеральной идеологии в российском обществе стало быстро сокращаться. По данным социологических опросов и контент-анализов российской прессы за вторую половину 1990-х годов, уже к 1997 г. обнаружилось падение интереса к либеральным ценностям, а с 1998 г. нарастало доминирование консервативной и социалистической идеологии [3]. Падение популярности либерализма подтверждалось и значительным ослаблением электоральных позиций партий либерального толка. Вообще, последние годы XX в. характеризуются тем, что в российском обществе царил идейная неопределенность. Закономерно в это время произошла актуализация поиска некоей идеологии, которая была бы способна объединить российское общество. Причем понимание необходимости такой идеологии сформировалось как в обществе, так и в структурах государственной власти. Со стороны общества это было реакцией на деидеологизацию государства, заложенную в Конституции РФ, а для государственной власти стало стремлением ослабить давление идеологии оппозиционных сил.

Инициатива поиска национальной идеи исходила от общества, из среды творческой интеллигенции. Распад Советского Союза с развенчанием объединяющей идеи коммунизма вызывал тревогу по поводу судьбы России, лишенной идеологии, способной увлечь и объединить подавляющее большинство населения, обеспечить формирование национальной элиты, то есть правящего класса, ориентированного на национальные интересы России.

В отдельных публикациях второй половины 1990-х годов наблюдалось смешение понятий, обыденное восприятие феномена национальной идеи и субъективистское толкование его содержания [4]. В то же время в большинстве статей, очерков, писем, подчеркивалась необходимость такой общенациональной, объединяющей идеи, которая показала бы политикам общественно необходимые ориентиры. Это было отмечено в анализе материалов «Российской газеты», осуществленном коллективом ИСПИ РАН под руководством Г.В. Осипова [5].

Многочисленные опросы общественного мнения в 1990-х — 2000-х годах показывали не только широкий разброс идейных предпочтений в обществе, но и высвечивали идеи, наиболее популярные в обществе в тот или иной отрезок времени. Директор Института социологии РАН М.К. Горшков свел в таблицу данные социологических исследований за 1995—2011 гг. [6] и выявил, что среди десяти обозначенных политических идей наибольшую поддержку всегда получали идеи единения, скрепления народов России в пространстве своего государства. Также имеет место благожелательное отношение к идеям демократии и связанным с ней политическим и социальным ценностям. В совокупности все это отражает базовые положения Конституции РФ о демократическом, федеративном и правовом государстве, многонациональном народе — носителе суверенитета и единственном источнике власти, о целостности и неприкосновенности территории, единстве экономического пространства и некоторых других [7]. Существенное совпадение содержания Конституции РФ и идейных интересов

населения свидетельствует о том, что именно в этой плоскости и должен был идти поиск национальной идеи для России.

В 2000-е годы проблема идейного обеспечения государственной политики, обоснования характера развития страны становится еще более актуальной. Вопросы концептуального характера, связанные с ценностями, принципами, со стратегией российской модернизации становились все более масштабными для власти и общества, государства и его граждан. Требовалась идеология развития России.

Первым вариантом подобной идеологии оказалась предложенная В. Сурковым «суверенная демократия». Разработка этого понятия строилась на соединении национального своеобразия с мировыми традициями демократии. В. Сурков высоко оценивает демократические элементы российской политической культуры и считает их «достаточным потенциалом для выработки российской демократической модели» [5]. Эта модель была обнародована весной 2005 г. в Послании Президента РФ. Но Президент В.В. Путин прямо не употреблял термин «суверенная демократия», а лишь подчеркивал, что как «суверенная страна» Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути [6], то есть по пути осуществления принципов свободы и демократии. В этой фразе, конечно, присутствует мысль о том, что Россия, как любое суверенное государство, вправе сама законодательно и политически определять внутренний процесс развития демократических отношений, но о какой-либо концепции демократии здесь явно речь не идет.

В научных и политических дискуссиях смысл «суверенной демократии» сводился к праву народа пользоваться ценностями демократии без какого-то контроля извне, зарубежного давления на демократическое развитие России. Политическая оценка концепции «суверенной демократии» требует двух замечаний. Во-первых, сложно рассуждать (и вряд ли это логично) о полной суверенности государственной политики в стране, которая осуществляет вторичную модернизацию, то есть преобразуется, реформируется по модели, созданной другими странами, по чужим образцам, по рекомендациям со стороны. Во-вторых, принцип самостоятельного утверждения демократического управления и независимого соблюдения ее норм обществом и государством является единственно возможным для любого народа, идущего путем демократического развития. Оценки и критика уровня демократических отношений возможны как изнутри, так и извне государства, но сама демократия в нем возможна лишь при суверенном, независимом состоянии.

Уже осенью 2007 г. В.В. Путин высказался о том, что «суверенная демократия» — это спорный термин. Фактически на этом дискуссия о «суверенной демократии» прекратилась и среди политиков, и среди ученых. Явная несостоятельность понятия «суверенная демократия» привела к быстрому выведению его из политического оборота. Оно не только не прижилось в политической пропаганде, но было подвержено такой основательной критике, что руководство «Единой России» устранило его из партийного лексикона. Несостоятельность этой надуманной идеологемы обусловила поиск более подходящих идеологических конструкций на роль идеологии правящей партии. Такой конструкцией была избрана идейная платформа, основанная на консерватизме.

В октябре 2005 г. теоретики «Единой России» разработали и опубликовали

документ под названием «Либерально-консервативное видение будущего России», в котором, по сути, предлагали российский вариант элитарной демократии. Опираясь на положение о том, «что неравенство является принципом социального устройства любого общества» и что в нем всегда имеются особо активные, добившиеся жизненного успеха социальные группы, они выдвигали задачу «формирования национально ориентированного правящего слоя» из представителей «активных слоев населения». В этой позиции также не было ничего оригинального. Но не имея более весомой идейной платформы, руководство «Единой России» взяло его на вооружение.

Представление обществу модели «российского консерватизма» официально произошло на съезде «Единой России» в конце 2009 г. Ее основное содержание, по словам одного из руководителей партии, Председателя Государственной Думы Б. Грызлова, представлялось в следующем: «В нашей идеологии нет классовой борьбы, мы выступаем за социальное партнерство, взаимодействуем и с профсоюзами, и с организациями бизнеса... мы — консерваторы, потому что хотим, чтобы Россия сохранила себя в глобальном мире. Сберегла собственные традиции, собственную культуру» [7]. А. Исаев, один из авторитетных деятелей партии, разъясняя суть консервативной идеологии «ЕР», подчеркивал, что она состоит в том, чтобы исключить революционные потрясения и обеспечить России эволюционное развитие, без скачков, разрывов и потерь [8].

Подобное толкование консерватизма лишь частично соответствовало научным представлениям, но для российского общества 2000-х годов выглядело привлекательно. Выдвигались идеи, позитивно воспринимаемые большинством населения, уставшим от радикальных преобразований, дивившихся уже два десятилетия, но пока еще не принесших желанного благополучия для людей и устойчивого состояния для государства. Конечно, теоретическое обоснование «российского консерватизма» оставалось поверхностным и само понятие носило более политический, чем научный характер.

Идеологическая эволюция правящей партии в лице «Единой России» представляла собой сложный процесс. В качестве партии, управляющей государственной политикой, она призвана четко следовать положениям Конституции РФ, которые нередко представляют собой изложение обыкновенного либерализма. Однако отход общества от поддержки либеральной идеологии со второй половины 1990-х годов, переросший в 2000-е годы в отторжение ее подавляющим большинством населения, определил для правящей партии необходимость гибкой идейной позиции. Вместо положений традиционных идеологий «Единая Россия» наполнила свои документы заботой о государстве и человеке, идеями патриотизма, национальных интересов, суверенности, социальной справедливости и другими ценностями и принципами, близкими простым людям, порой доходя в этом до откровенного популизма.

С целью укрепления имиджа «партии всего народа» Единая Россия объявляла своей идеологией то «суверенную демократию», то «российский консерватизм». И хотя обе формулы не выдерживают научной критики и не закреплялись в политической практике, они помогали правящей партии поддерживать свой авторитет в обществе и неизменно побеждать на парламентских выборах.

Возможно, идейная платформа «Единой России», основанная по преимуществу на отражении социальных интересов разных групп населения и насыщенная идеями демократии, справедливости, прогресса, может оказаться подходящей базой для разработки государственной идеологии России.

Постановка вопроса о государственной идеологии для России неслучайна, она вытекает из анализа отечественной политической практики последних десятилетий.

Во-первых, провозглашенная некоторыми западными теоретиками и политиками деидеологизация в России не состоялась. Политические идеи широко культивируются в обществе и являются теоретической основой межпартийной борьбы. Как верно пишет Е.П. Спиридонова, «пророчества о “конце идеологии” вряд ли применимы к настоящему состоянию политической культуры России. Латентность идеологии в современных общественных системах компенсируется ее тотальностью...» [9]. Обсуждение проблемы «дееспособности» идеологии в современном обществе, в том числе в России, происходит в разных формах на протяжении 2000-х годов. Анализируются потребности государства в идейных основаниях своей политической стратегии, культивируются идеологические концепции в документах политических партий, используются политические идеи и идеологемы в электоральном процессе. Все это в совокупности свидетельствует об общественной востребованности политических идеологий, о сохранении ими своей значимости для государства.

Во-вторых, провозглашенный Конституцией РФ запрет на государственную идеологию в политической практике оказывается трудноисполнимым и неэффективным. Совершенно справедливо пишет по этому поводу О.В. Мартышин: «Любое государство, а современное в особенности, не может не выполнять определенных идеологических и пропагандистских функций, не прибегать к обоснованию своей власти, своего политического курса. <...> Также и каждая современная конституция представляет собой документ не только юридический, но и политический и идеологический» [10]. Мартышин критически оценивает отказ Конституции РФ от государственной идеологии, рассматривает его в контексте борьбы с традициями советской политической культуры и считает его ошибочным.

В-третьих, высшее руководство страны, лидеры многих политических партий явно осознают необходимость государственной идеологии для России. Но все они скованы в своей позиции Конституцией РФ, идеологиями своих партий, собственными стереотипами. Между тем интересы страны, если они осознаны и восприняты как сигнал к действию, требуют возвыситься над всем этим, сформулировать и утвердить российскую идеологическую концепцию. Общеизвестно, что основными носителями идеологий являются политические партии, их инициатива в процессе разработки государственной идеологии принципиально важна. Анализ показывает, что ни одна из парламентских партий России не использует в настоящее время традиционных идеологий в чистом виде, нередко ими культивируется идейная эклектика. В то же время в идейных платформах этих партий немало совпадающих ценностей, принципов, целей, что позволяет считать возможным выработку для государства идеологии, соединяющей общие для всех или для большинства партий идейные положения.

Вероятность подобного подхода обусловлена тем, что государство объектив-

но имеет идеологическую функцию, обязано воздействовать и на правовое, и на другие формы общественного сознания. Как считает О.Е. Кутафин, «идеологическая деятельность государства помогает аккумулировать общенациональные интересы и реализовывать их в политике государства, способствует мобилизации материальных, финансовых и людских ресурсов для их использования в социально значимых целях» [11]. Примерно о том же пишет В.А. Лебедев: «Общество и государство не могут существовать без идеологии. Чтобы развиваться, они должны иметь концепцию развития, которая выступает результатом выбора, в том числе определенных идеологических установок» [12]. Оба автора, хотя и не предлагают конкретной платформы государственной идеологии для России, но убеждены в том, что разработать ее необходимо.

Российский народ прошел длительную школу коммунистической идеологии, испытал, но не воспринял либеральные ценности, вооружиться консерватизмом ему также сложно из-за отсутствия необходимых традиций. Из классических идеологий остается демократия или, в современной европейской трактовке, социал-демократия. Но и эта идеологическая модель вряд ли будет эффективной для России в «зарубежных одеждах». Необходимо «доведение» ее до соответствия российским условиям; наполнение разнообразными ценностями, принципами, мотивами, отражающими российские исторические, политические, социальные и все иные особенности. Социал-демократизм в России может превратиться в отечественную модель, подобно тому, как он имеет германский или шведский варианты, и соответствовать нашим интересам, возможностям и перспективам.

Библиографический список

1. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. URL: <http://kremlin.ru/news/19243>
2. Конституция Российской Федерации. М., 2008.
3. Мишанова Е.В. Проблема операционализации идеологического поля в контент-аналитических исследованиях // Полис. 2010. № 3.
4. Бахтурина А.Ю. «Национальная идея» в отечественной историографии 1990-х годов: традиции и современное осмысление // Национальная идея на Европейском пространстве в XX веке: сб. ст. 2005. Вып. 1.
5. Россия: вызовы времени и пути реформирования. М., 1998.
6. Горшков М. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) // Власть. 2011. № 2.
7. Грызлов Б. Две партии в одной: Вопросы идеологии «Единой России» // Независимая газета. 2008. 20 июня.
8. Наш консерватизм // Независимая газета. 2009. 25 сент.
9. Спиридонова Е.П. Идеология и структурирование властных отношений в современной России // Вестник ПАГС. 2010. № 1. С. 5.
10. Мартышин О.В. Идеология и формирование новой политической и правовой культуры в Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 9.
11. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008.
12. Лебедев В.А. Идеологическое многообразие и российская многопартийность: размышление о судьбе статьи 13 Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 11.

A.A. Levchenko
The Reflection of the Interaction
between Political Parties
and the State in the Political
Parties' Election Programs
Content

Mechanisms issues of the interaction between political parties and public authorities, formed in the election programs of the federal election to the State Duma of the VI convocation are considered. The elemental composition of the electoral program as a mechanism of interaction between political parties and public authorities is revealed.

Key words and word-combinations: political parties, government, electoral programs, critical discourse analysis.

Рассматриваются механизмы и вопросы взаимодействия политических партий и органов государственной власти, оформленные в предвыборных программах на федеральных выборах в Государственную Думу VI созыва. Раскрывается элементный состав предвыборной программы как механизма взаимодействия политических партий с органами государственной власти.

Ключевые слова и словосочетания: политические партии, государственная власть, предвыборные программы, критический дискурс-анализ.

УДК 329(470+571):324
ББК 66.69(2)+66.3(0),131

А.А. Левченко

ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГОСУДАРСТВА В СОДЕРЖАНИИ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В политической системе современной России заложен определенный механизм взаимодействия политических партий и государства. Данный механизм по своей природе дуалистичен. С одной стороны, политические партии вынуждены следовать и приспособляться к правилам игры, которые устанавливает государство, представленное органами государственной власти и персонафицированное в лицах, наделенных государственными полномочиями. С другой стороны, политические партии независимы в выборе цели деятельности и методов работы, воздействуют в своих интересах на принятие государственных решений, в той степени, насколько имеют доступ к ресурсам государства, прежде всего административным, финансовым и информационным. Иными словами, вхождение партий в государственные органы власти, и особенно в парламент, является крайне важным для их выживания. Государству важно обеспечение политической стабильности, для поддержания которой используется институт политических партий. Наконец, именно посредством выборов, основной субъект которых политические партии, общество имеет возможность легитимного контроля над властью и проводимой ею политикой.

Одним из источников информации о феномене взаимодействия политических партий

и государства могут служить предвыборные программы политических партий. В соответствии с Федеральным законом «О политических партиях» при выдвижении кандидатов (списков кандидатов) в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления политическая партия обязана опубликовать свою предвыборную программу [1]. С точки зрения политического анализа предвыборная программа представляет собой развернутый документ, позволяющий понять, каково отношение партии к тем или иным проблемам, готова ли она взять на себя ответственность за их решение и насколько реалистичны и серьезны ее намерения. Анализ массива программных документов позволяет определить ориентиры и целевые установки политических партий, а также выявить альтернативные подходы в решении актуальных проблем, стоящих перед обществом в конкретный политико-исторический период.

Предвыборные программы политических партий наряду с ежегодными посланиями президентов являются важнейшей составной частью политического дискурса. Результаты исследования, посвященного взаимодействию государства и политических партий в официальном дискурсе власти, проведенного на материалах президентских посланий с 1994 по 2012 гг. были освещены автором ранее [2].

Особый интерес представляет изучение вопросов взаимодействия политических партий и органов государственной власти, оформленных в предвыборных программах политических партий на выборах в Государственную Думу VI созыва, по методике критического дискурс-анализа. Последовательность анализа документов представляется здесь в соответствии с количеством полученных партий голосов избирателей, от большего к меньшему.

Предвыборной программой Всероссийской политической партии «Единая Россия» являются тексты выступлений на XII съезде партии Президента Д.А. Медведева и Премьер-министра В.В. Путина. При этом сказанное ими позиционируется, с одной стороны, как заявления должностных лиц государства, например, Д.А. Медведев подчеркивает свой статус Президента, что находит воплощение в его словах: «Я обязан это сказать как глава государства» [3]. С другой стороны, политики обозначают свое единство с партией: «мы вместе реализовали», «мы одинаково понимаем», «наша общая позиция» и т.д. Таким образом, данный партийный документ демонстрирует то, что высшее государственное руководство и лидеры «Единой России» персонифицированы в одних лицах.

Отдельный тематический блок в документе посвящен «Народному фронту». Данный организационный феномен, по сути, определяется как проект «Единой России», что прослеживается в словах «мы с вами создали “Народный фронт”». Сущность данного партийного проекта заключается в формировании широкой общественной коалиции, создающей возможность беспартийным и представителям других партий влиять на выработку и принятие государственных решений. В то же время содержание программы позволяет сделать вывод: «Народный фронт» играет далеко не второстепенную роль по отношению к «Единой России», что следует из цитаты: «через “Народный фронт” идут обновления партии “Единая Россия”» [3].

Кроме того, в документе говорится о грядущем избирательном цикле, включаю-

щим в себя выборы в Госдуму, выборы президента и следующим за ними формированием правительства. Эти ключевые вехи характеризуются «важными этапами создания базовых условий для политической стабильности в России» [3]. Далее излагается партийный план предстоящего обновления высших органов власти: на выборах в Госдуму большинство мест должна получить «Единая Россия» во главе с Д.А. Медведевым, которая сформирует комитеты и органы управления парламента. На выборах президента должен победить кандидат, выдвинутый «Единой Россией», то есть В.В. Путин. Опираясь на поддержку «Единой России» в парламенте, Д.А. Медведев должен сформировать и возглавить Правительство РФ.

Таким образом, данная предвыборная программа еще раз закрепляет за «Единой Россией» лейблы «партия власти», «пропрезидентская партия» и «партия Путина». Что касается закрепленных в документе планов взаимодействия партии с органами власти, то следует отметить их конкретность и ясность для избирателя. Лидерами партии озвучен предельно четкий образ желаемого будущего и обозначены способы его достижения.

Предвыборная программа Политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» озаглавлена: «Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину!». Из названия, впрочем как и из содержания документа, следует вывод о крайне критическом отношении партии к проводимому органами власти политическому курсу. Так, в документе говорится, что в России нет «ответственного и национально мыслящего правительства... действующего в интересах большинства граждан» [4].

Особенность данного программного документа — высокая степень идеологизации, основу которой составляет приверженность курсу социализма и борьба с противоположным ему капитализмом. Именно конфликт ценностей и системных установок служит предпосылкой содержащегося в программе тезиса «без смены власти спасти страну невозможно... России нужна новая власть» [4]. По логике документа этой «новой властью» должна стать КПРФ. Следовательно, взаимодействие партии КПРФ с органами власти определяется идеологической конкуренцией.

Перечень программных положений, которые обещает реализовать КПРФ, приняв управление страной, по большей части позиционируются как направленные на демократизацию политической системы и повышение ее эффективности. Перечисляемые обещания в большинстве своем не имеют количественной или относительной конкретизации, что, по всей видимости, является проявлением популизма. Например, декларируется необходимость уменьшения госаппарата, но не указываются конкретные числа или проценты, расширения контрольных функций парламента, но не озвучиваются, каких именно, и т.д.

Таким образом, содержание данного программного документа можно характеризовать как оппозиционное к действующей власти. Программные положения, направленные на реформирование системы органов государственной власти и управления, отличаются низкой степенью детализации, из чего можно сделать вывод об отсутствии четкого плана действий в случае победы на выборах. Еще одним характерным отличием рассматриваемой программы служит бескомпромиссность ее положений, которые могут быть реализованы только в

условиях победы на выборах и только в полной мере, без компромисса с другими политическими силами.

Предвыборная программа Политической партии «Справедливая Россия» — «Наша цель — новый социализм, социализм XXI века. Справедливость — свобода — солидарность» включает в себя 21 тематический блок, два из которых непосредственно связаны с исследуемой проблематикой. В документе нет прямой критики руководства страны и проводимого им политического курса, основной акцент присутствующих в программе критических оценок действительности касается социальных проблем. Исходя из своей идеологической позиции партия требует от государственных органов придать четко выраженную социальную ориентацию рыночной экономике.

Один из блоков программы посвящен модернизации политической системы, необходимость которой актуализирована тем, что «существующие политические ограничения и барьеры препятствуют реализации механизмов народовластия... власть утрачивает легитимность» [5]. Лейтмотив блока — усиление партийного влияния на выработку и реализацию государственной политики (например, предложение формировать правительство из представителей всех парламентских партий). Выдвижение подобных предложений «Справедливой Россией» является практичным для самой партии, в том плане, что их реализация укрепит позиции партий «парламентского меньшинства», расширив их влияние на формирование и деятельность органов государственной власти.

Второй блок посвящен борьбе с коррупцией. Актуализация происходит аналогично предыдущему блоку: сначала констатируется негативное воздействие данного явления на общество (разжигает социальную ненависть, угрожает экономической и социальной стабильности), а затем последствия для государственных институтов (подорывает доверие к власти) [5]. Помимо предлагаемых конкретных мер по борьбе с коррупцией в госорганах (не принимать на государственную службу лиц, отказавшихся от тестирования на «детекторе лжи»), присутствуют более опосредованные (запрет на замещение любых выборных должностей более двух сроков подряд). В целом содержание блока не отличается системностью.

Таким образом, в указанном программном документе критика органов государственной власти и проводимого политического курса сведена к минимуму. В тех же случаях, когда речь заходит о решении стоящих перед обществом проблем, партия обращается за поддержкой своей позиции не только к электорату, но и к государственному аппарату. Это позволяет заявить о конформизме и лояльности «Справедливой России» к проводимому политическому курсу. Партия не претендует на победу на выборах, ее цель заключается в сохранении своего представительства в органах государственной власти, особенно в Государственной Думе.

Предвыборная программа Политической партии «Либерально-демократическая партия России», «Мы за Русских! (111 позиций ЛДПР)» построена на основе критики проводимого политического курса. Так, в документе декларируется категорическое несогласие партии с проводимой государственной политикой, которая характеризуется как «политика социального людоедства» [6]. При этом подчеркивается причинно-следственная зависимость государственного курса от политической и экономической элиты. Иными словами, из содержания

данной предвыборной программы следует вывод — партия ЛДПР оппонирует и борется с правящей элитой, а не государственным аппаратом.

Документ состоит из 111 программных задач, сгруппированных по тематическим блокам. В одном из восьми блоков — «Государственное устройство, власть и общество», содержащем семь программных задач, затрагиваются вопросы взаимодействия партии с органами власти. Наиболее важные предложения: формирование представительных органов власти всех уровней только по партийным спискам, преобразование парламента в однопалатный. В целом программные предложения являются плохо обоснованными, остается непонятной их актуальность и способы реализации.

Таким образом, декларируемый механизм взаимодействия партии с органами власти достаточно противоречив, наблюдается сочетание конкуренции и сотрудничества. Заложённая в водной части программы критика правящей элиты и амбициозная заявка на формирование альтернативной государственной политики слабо раскрывается в программных предложениях, что характерно в том числе для вопросов взаимодействия партии с органами власти.

В предвыборной программе «Российской объединённой демократической партии «Яблоко» декларируется категоричное несогласие с политическим курсом руководства страны. Главной программной целью провозглашается «мирным конституционным путем построить в России современное правовое демократическое социальное государство» [7]. Из указанного следует вывод об оппозиционности данной партии по отношению к деятельности органов государственной власти.

Лейтмотивом программных положений, относящихся к предмету исследования, является переустройство всех властных институтов в направлении развития системы сдержек и противовесов, а также укрепления гарантий политических прав и свобод граждан. Предлагаемые к внедрению сдержки и противовесы направлены на обеспечение независимости законодательной и судебной власти от исполнительной. Кроме того, предлагается прекратить вмешательство федерального центра в компетенцию субъектов РФ и освободить органы местного самоуправления от избыточной государственной опеки, то есть демонтировать существующую вертикаль власти.

Особенностью программного документа является предложение, затрагивающее такие органы государственной власти, как спецслужбы и силовые структуры, а именно «отмена законов и подзаконных актов, необоснованно расширяющих полномочия ФСБ, ФСО, полиции и других силовых структур» [7]. Какого-либо обоснования необходимости данные предложения не получают, поэтому можно лишь предположить, что они вызваны традиционным недоверием правых политических сил к государственным органам правопорядка и безопасности.

Таким образом, предвыборная программа «Российской объединённой демократической партии «Яблоко» достаточно идеологизированна. Идеологией в данном случае выступает либерально-демократическая традиция в западной (англосаксонской) интерпретации, которая как раз и является определяющей при формировании механизма взаимодействия партии с государством. Программные предложения носят системный характер и отличаются достаточной конкретностью, что свидетельствует о наличии зрелых идейных представлений по вопросам взаимодействия партии с органами власти.

В предвыборной программе Политической партии «Патриоты России», «Патриоты России — за национальное возрождение» во главу угла ставятся национально-государственные интересы страны, что, в свою очередь, определяет как в критику («сегодняшний общественно-политический и экономический строй, сформированный в соответствии с идеями крайнего либерализма, не отвечает национально-государственным интересам страны» [8]), так и ключевые программные предложения («все государственные решения должны проходить патриотическую экспертизу» [8]).

Отличием рассматриваемого документа от программ других партий является наличие предложений, затрагивающих деятельность Министерства обороны РФ и Генерального штаба ВС РФ. Необходимость вносимых предложений, заключающихся в разграничении полномочий и сфер деятельности между Министерством обороны и Генеральным штабом, не получает какого-либо причинно-следственного обоснования, что указывает на безосновательность их выдвижения, популистскую демонстрацию компетентности в вопросах обеспечения обороноспособности и безопасности страны.

Несмотря на критический характер отношения к либерализму, партия требует максимальной демократизации политической системы страны. В рамках развития данного положения в документе пишется о «выравнивании условий деятельности парламентских и непарламентских партий» [8], что достаточно прагматично для партии «Патриоты России», однако вряд ли имеет прямое отношение к вопросам демократизации и обеспечения справедливости политической системы.

Не остается без внимания и проблематика борьбы с коррупцией. Этот вопрос освещается в типичной для партии популистской риторике, демонстрирующей правовую безграмотность авторов программы. Так, одним из конкретных предложений по борьбе с коррупцией является инициатива «ввести государственную присягу для всех государственных служащих категории «А» [8]. Деление государственных служащих на категории «А», «Б» и «В» предусматривалось Федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 1995 г. [9], который утратил силу в 2004 г. в результате принятия Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [10]. Иными словами, оперирование нормами утратившего силу закона неактуально и свидетельствует о некомпетентности партии в затронутом вопросе.

Таким образом, программный документ содержит предложения, касающиеся государственной политики и функционирования системы государственных органов, которые могут быть оценены как популистские. В результате декларируемый механизм взаимодействия партии с государственными органами, который выстраивается вокруг национально-государственных интересов страны, воспринимается аморфным и оторванным от реальности.

Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Правое дело», оперируя демократическо-либеральной риторикой, формирует запрос органам государственной власти на «создание условий всестороннего развития личности и свободной реализации способностей каждого россиянина, соблюдения его

прав, повышения уровня благосостояния» [11]. Иными словами, партия относится к государству, как к инструменту улучшения жизни граждан, что является характерным для западной теории демократии.

Отличительная черта документа — явно гипертрофированная критика проводимого политического курса, сконцентрированная на обвинениях режима в ограничении прав и свобод граждан, например свободы слова. Социальные, экономические и иные вопросы уходят на второй план и практически не рассматриваются.

Среди программных предложений в рамках исследуемой проблематики выделяются три основных тезиса: ограничение произвола бюрократии; восстановление контроля общества над властью; упрощение процедур создания, регистрации и участия в избирательном процессе политических партий. Эти тезисы многократно повторяются, за счет чего увеличивается объем программы при сохранении ее содержательной части.

Особую критику у партии вызывает «усиление роли и реального влияния “силовых структур” [11], не получающее какого-либо фактологического обоснования. Далее следует предложение «ликвидировать корпоративные “силовые” структуры госкорпораций» [11] (речь прежде всего идет о ФСО). Причины подобного отношения партии к органам правопорядка и спецслужбам вызывают непонимание, в первую очередь из-за отсутствия в документе каких-либо причин и даже поводов для подобных предложений.

Таким образом, содержание программы «Правого дела» является крайне теоретизированным и оторванным от реального состояния дел в российском социуме. Программные предложения направлены, с одной стороны, на сокращение влияния органов власти на жизнь общества, а с другой стороны, на усиление роли партий в функционировании госаппарата. Предложения, относящиеся к предмету исследования, в основном крайне абстрактны, что свидетельствует об их низкой практической реализуемости.

Анализ текстов предвыборных программ всероссийских политических партий на выборах в Государственную Думу VI созыва позволяет сделать ряд выводов относительно взаимодействия партий и органов государственной власти, которое можно определить в качестве влияния (и попыток влияния) политических партий на органы государственной власти в процессе их политической деятельности. Как и в любом другом целенаправленном политическом процессе, во взаимодействии партий и государства существуют механизмы, которые используют политические акторы для достижения преследуемых ими целей. Механизмы взаимодействия политических партий и органов государственной власти в наиболее общем виде — это совокупность инструментов (элементов) влияния политических партий на органы государственной власти.

Предвыборные программы политических партий (в части, направленной на влияние на деятельность госорганов) являются одним из механизмов взаимодействия политических партий с государством. Сущность такого механизма, при трактовке в узком смысле, состоит в навязывании органам власти позиции партии по определенному кругу вопросов и стимулировании их деятельности на выполнение программных положений. В широком смысле — в выполнении роли элемента системы механизмов взаимодействия (наряду с механизмом

выборов должностных лиц, кадрового обеспечения органов власти и т.д.), обеспечивающих вариативность и соревнование альтернатив общественно-государственного развития, в рамках демократического политического процесса, при непосредственном участии граждан.

Механизм взаимодействия политических партий и государства включает в себя ряд элементов: идейно-ценностные установки партии; оценка деятельности государства, его органов и лиц, наделенных властными полномочиями; предложения по реформированию системы органов государственной власти; предложения по кадровому обеспечению госорганов и государственных должностей; конкретные планы деятельности госорганов.

Идейно-ценностные установки являются базисом при самоидентификации партии и отправной точкой при формировании модели взаимодействия с государством. Исходя из того, насколько действия государственного аппарата соответствуют идеологии и ценностям политической партии, последняя дает оценку государству, его органам и лицам, наделенным властными полномочиями, то есть является специфической формой воздействия, основанной на одобрении или порицании.

Кроме того, предвыборные программы могут содержать предложения по реформированию системы органов государственной власти. Подобные предложения основываются на различных мотивах: идеологии, рационализма или популизма и т.д.

Предложения по кадровому обеспечению госорганов и государственных должностей являются наиболее важными для политических партий, так как только они позволяют достичь максимального воздействия на государственный аппарат, вплоть до получения над ним контроля. Данный элемент, даже если он не прописан в тексте документа напрямую, все равно подразумевается уже самим фактом участия политической партии в борьбе за представительство в парламенте.

Конкретные планы деятельности госорганов могут распространяться на все сферы государственного управления и отражают готовность партии к практической деятельности в случае получения достаточной степени влияния на деятельность органов государственной власти.

Качественные характеристики взаимодействия политических партий с государством: во-первых, уровень обоснованности (актуализации) программных предложений и инициатив, их проработка, содержание и системность; во-вторых, характер взаимодействия политических партий и государства.

Уровень обоснованности программных предложений и инициатив, их проработка, содержание и системность являются достаточно субъективными для оценки, в то же время они крайне важны для понимания сущности взаимодействия конкретной политической партии с органами государственной власти. Именно данные показатели позволяют отличить партии, нацеленные на спекуляции с политическим капиталом, от создающих реальное поле борьбы альтернатив общественного государственного развития.

Библиографический список

1. О политических партиях: Федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 7 мая 2013 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

2. Левченко А.А. Взаимодействие государства и политических партий в официальном дискурсе власти (на материалах президентских посланий 1994–2012 гг.) // Вестник ПАГС. 2013. № 3 (36). С. 117–125.
3. Предвыборная программа партии «Единая Россия»: [официальный сайт партии «Единая Россия»]. URL: <http://er.ru/news/2011/9/24/predvybornaya-programma-partii-edinaya-rossiya/>
4. Предвыборная программа КПРФ: [официальный сайт КПРФ] URL: <http://kprf.ru/crisis/offer/97653.html>
5. Предвыборная программа партии «Справедливая Россия»: [официальный сайт партии «Справедливая Россия»]. URL: http://www.spravedlivo.ru/upload/file/programm2011/Programma_2011_6s.pdf
6. Предвыборная программа ЛДПР: [официальный сайт партии ЛДПР]. URL: http://www.ldpr.ru/#party/regions/Mordovia_Republic/Mordovia_Events/Program
7. Предвыборная программа «РОДП «Яблоко»»: [официальный сайт партии «РОДП «Яблоко»»]. URL: <http://www.yabloko.ru/programma>
8. Предвыборная программа партии «Патриоты России»: [официальный сайт Партии «Патриоты России»]. URL: http://www.patriot-rus.ru/newsParty/nws_554/
9. Об основах государственной службы Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ (ред. от 27 мая 2003 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
10. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 07 июня 2013 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».
11. Предвыборная программа партии «Правое дело»: [официальный сайт партии «Правое дело»]. URL: <http://www.pravoedelo.ru/party/program>.

A.S. Stepanov
Enterprises Efficiency
Management Analysis

Issues of organizations efficiency management analysis are studied. Various aspects of management process at an enterprise and factors influencing the development of an organization and the formation of business models are considered.

Key words and word-combinations: enterprises efficiency, strategic management, tactical management.

Исследуются вопросы анализа управления эффективностью организации. Рассматриваются различные аспекты управленческого процесса на предприятии и факторы, оказывающие влияние на развитие организации и формирование бизнес-модели.

Ключевые слова и словосочетания: эффективность предприятий, стратегическое управление, тактическое управление.

УДК 338.24
ББК 65.291.2

А.С. Степанов

**АНАЛИЗ УПРАВЛЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ
ПРЕДПРИЯТИЙ**

Дискуссионность проблемы управления эффективностью предприятия в качестве ключевой задачи менеджмента подтверждает актуальность данного вопроса в современной экономической системе. Именно управление эффективностью предприятия оказывает основополагающее воздействие на процессы развития организации (бизнеса) и финансовый результат как одну из основных целей управленческого процесса на предприятии. Полный и де-

тальный анализ категорий эффективности предприятия (организации) и управления эффективностью развития организации позволит раскрыть сущность и экономический смысл данных явлений и процессов в экономике, показав их роль на различных стадиях управленческого процесса, с возможностью дать в итоге авторское определение экономической категории.

Различные категории работников предприятия: экономисты, финансисты, производственно-технический персонал, управленческий персонал, представители кадровой службы, маркетинговой службы — оценивают работу предприятия со своей функциональной позиции. Целостное представление об эффективности управления предприятием создается лишь в результате анализа общего управления предприятием.

Ясная картина эффективности управления предприятием складывается из отдельных составляющих, таких, как количественные характеристики эффективности управления капиталом, инвестициями, оборотными средствами и прочим, а также качественные характеристики эффективности управления персоналом, процессом принятия решений, координацией бизнес-процессов и т.п. Эффективность управления предприятием (организацией) следует также рассматривать с учетом функционирования различных систем предприятия. К их анализу необходимо подходить, учитывая эффективность системы: привлечение и использование ресурсов; координацию бизнес-процессов; контроль хозяйственной деятельности предприятия; постановку целей и задач предприятия и принятие решений; мотивацию персонала и делегирование (распределение) ответственности сотрудников организации; оценку хозяйственной деятельности предприятия; планирование и прогнозирование на предприятии, а также подготовку кадров.

Оценка эффективности отдельных элементов организационной системы в совокупности позволяет комплексно подойти к принятию управленческих решений, направленных на достижение общих целей организации (предприятия).

Некоторые экономисты разделяют управление эффективностью предприятия на экономическое и результативное. Результативное определяет степень выполнения поставленных задач в сфере обеспечения необходимого объема производства, продаж и прочих целевых показателей маркетингового плана предприятия (организации). Экономическое — степень затратности достижения поставленных целей [1]. По нашему мнению, в данном делении необходимо различать результативное и эффективное.

Наибольший интерес представляет эффективность в плане достижения желаемого результата с минимальными затратами и в кратчайшие сроки. Достижение эффекта возможно, посредством развития двух направлений, определяющих сущность данной экономической категории: организационно-функциональное и мотивационно-психологическое управление.

Организационно-функциональное управление включает в себя управленческие действия, решения и процессы: прогноз, планирование, анализ, организацию, внедрение, постановку задач, координацию и контроль на предприятии и в организации. Многие экономисты отождествляют данное управление с административным, однако функциональность рассматриваемого процесса сводится к оптимизации производственных и прочих бизнес-процессов.

Мотивационно-психологическое управление подразумевает мотивацию, обучение, развитие и поддержку сотрудников организации и направлено на эмоциональные, духовные ценности и интересы отдельной личности и социума в целом. Кроме того, к данному виду управленческого процесса важно относить корпоративную стратегию развития организации, смысл которой заключается в достижении поставленных целей организации, учитывая все элементы мотивационно-психологического управления.

Идеальное сочетание двух направлений управленческого процесса обеспечивает достойный уровень менеджмента в организации и способствует эффективности управления. В любой ситуации возможно развитие различных сценариев формирования модели управления: собственная, уникальная, самостоятельно разработанная, внедренная и доработанная посредством деятельности сформированной службы менеджмента в организации; заимствованная, основанная на общем руководстве и управлении привлеченного персонала в сфере менеджмента (аутстаффинг в управлении).

Второй сценарий в ряде случаев более выигрышный относительно первого в плане сокращения штатной численности сотрудников, работающих на постоянной основе и, как следствие, затрат на оплату труда, налоги и прочее. Но в данном случае необходимо юридически обезопасить собственника от всех возможных рисков, включая максимальный — потерю бизнеса.

В современном менеджменте принято выделять системный, синергический, целевой и процессный подходы к управлению на российских предприятиях. Системный подход базируется на сбалансированности отдельных блоков и процессов управления организацией, находящихся в неразрывной связи с внешней средой. При этом успех развития организации зависит не только от внутреннего процесса управления, но и от факторов внешней среды. Их принято подразделять на факторы прямого и косвенного воздействия. К первым относят организации и людей, непосредственно связанных с данным предприятием в рамках реализации поставленных целей (акционеры, поставщики, потребители, организации-конкуренты, правительственные и профсоюзные организации). Ко вторым — экономические, социальные, политические, демографические, инновационно-технологические, климатические и географические [2]. Так как любая организация (предприятие) развивается под воздействием и первой, и второй групп факторов, достижение максимального положительного эффекта определено созданием оптимальной организационной (управленческой) системы, способной в рамках реализации данного подхода достичь желаемого эффекта в конкретной организационной структуре путем оптимизации бизнес-процессов и уменьшения негативного воздействия факторов внешней среды.

Необходимость учета взаимосвязей подсистем организации и факторов внешней среды предопределила развитие контролинга, не только как информационно-обеспечения управления организацией в рамках поставленных целей и определенных задач, но и отдельное направление менеджмента, нацеленное на принятие оперативных и стратегических управленческих решений. Его развитие определено информационным ростом во всех организациях, повышением требований к управленческой системе, необходимостью анализа и корректировок изменений факто-

ров внешней и внутренней среды организации, низким уровнем управленческих решений либо существенными изменениями условий развития организации.

В рамках управленческого процесса на крупных и средних предприятиях важно построение функциональной бизнес-модели, в которой производственные процессы представлены как интегрированный комплекс, а не как совокупность обособленных подходов с определенными инструментами управления, позволяющими оценивать потенциал предприятия и ставить задачи, выполнение которых способствует скорейшему достижению поставленной цели эффективного управления организацией [3].

Необходимо разграничивать стратегическое и тактическое управление предприятием. Оба этих направления, безусловно, имеют огромное значение, так как постановка целей и задач в любой организации не менее важна, чем их поэтапное выполнение. Только безошибочное определение стратегии позволит реализовать посредством череды последовательных этапов тактического управления поставленные цели. Вместе с тем лишь грамотно отлаженный механизм тактического управления обеспечит достижение цели в определенный срок и с минимальными потерями, а значит, и эффективность управления.

Стратегическое управление эффективностью предприятия зависит не только от определения самой стратегии бизнеса собственником, включая постановку целей и конкретных задач, но и от направления действий и пошаговой реализации планируемых задач. Этот процесс в рамках стратегического управления называется в экономике и менеджменте долгосрочным, или стратегическим, планированием и состоит из множества переходных этапов. Переход от одного этапа к другому реализуется с учетом возможностей и потребностей организации, состояния рынка и внешней среды, политики конкурентов и прочих внешних и внутренних факторов. Именно это следует понимать под стратегическим планом развития организации. Развитие стратегического планирования включает в себя элементы системного, целевого и функционального подходов к планированию и управлению организацией (предприятием). Синергический же подход в большей мере целесообразно относить к тактическим методам управления, способным оказывать воздействие на текущие управленческие проблемы.

Под стратегическим управлением современная экономическая наука, как правило, понимает управление организацией, опирающееся на человеческий потенциал, ориентирующее производственную деятельность на запросы потребителей, гибко реагирующее на вызовы со стороны окружения и позволяющее добиваться конкурентных преимуществ [4]. Постановка основных целей всегда связана с результатами анализа внешней и внутренней среды интересующего объекта (организации). Определение целей организации, как и весь процесс стратегического управления его, принято связывать не только с анализом среды предприятия, но также с прогнозированием тенденций его развития предприятия, определением миссии, или целей и задач, предприятия, разработкой стратегии его развития, планированием показателей деятельности, выполнением стратегии развития, анализом и оценкой результатов с корректировкой первоначальных показателей и последующим принятием окончательного управленческого решения.

Экономисты во главе с П. Друкером продолжают связывать стратегическое планирование не с прогнозированием и предсказанием будущих реалий, а с перспективностью настоящих решений. Указанная позиция, на взгляд автора, недостаточно объективна, так как использование описанного комплексного подхода к управлению эффективностью предприятия позволяет не только достичь поставленных целей, но и на уровне функционального и системного подходов определить оптимальную бизнес-модель, способную в дальнейшем развиваться уже под воздействием синергического управленческого подхода.

Значимость процесса планирования, в течение которого прорабатывается огромное количество вариантов возможного развития событий, рассчитываются ресурсы, оценивается взаимодействие структур, безусловно, определена достижением поставленных целей организации. Кроме того, по мнению ряда экономистов, планирование в процессе стратегического управления выполняет задачи перевода данных прогнозов в русло действий по реализации необходимого, подготавливая реализацию выбранной стратегии с помощью комплекса запланированных мероприятий на основе спрогнозированного будущего [5]. Иными словами, планирование можно представить как детально проработанный набор действий, отражающий общую стратегию развития организации.

В современной экономической науке существует мнение, что стратегическое планирование следует рассматривать как процесс совершенствования в организации прогнозирования событий, подготовки к ведению конкурентной борьбы, а план необходимо оценивать в качестве стратегического ориентира, который требует корректировки в процессе реализации. Такой подход способствует стабильному развитию предприятия и повышает эффективность его управления. Оперативное (тактическое) управление в контексте общей стратегической направленности развития предприятия с разбивкой целей и задач для каждого отдельного подразделения и работника предполагает разработку производственного плана распределение задач в рамках общего бюджета по отдельным центрам финансовой ответственности организации (ЦФО), с согласованным штатным расписанием подразделений и должностными инструкциями. Корректировка бюджетов и производственных планов в случае существенных отклонений в худшую сторону, как правило, сопровождается и оптимизацией структуры организации, включая кадровые перестановки.

Если на предприятии обозначены стратегические ориентиры, то ему необходимо достичь поставленной цели в кратчайшие сроки и с наименьшими затратами, что следует относить к задачам постоянного оперативного тактического управления финансовыми, материальными и людскими ресурсами в условиях жесткого контроля сроков исполнения поставленных задач.

Тактическое управление эффективностью предприятия определяется уровнем понимания и восприятия рядовыми сотрудниками информации о целях и задачах как организации и в целом, так и их отдельного подразделения, а также умением принимать своевременно нужные решения, действовать адекватно обстановке, сглаживать конфликтные ситуации, оценивать действия работни-

ков и подразделений и прочее. Таким образом, тактическое управление и его эффективность связаны в первую очередь с личностным фактором и качественно-профессиональным уровнем самих работников.

Работники должны не только обладать необходимой квалификацией, быть компетентными в целом ряде вопросов и ясно понимать поставленные им задачи, но также быть мотивированы и ориентированы в корпоративной среде, принимать решения в порядке приоритетной значимости, своевременно и качественно в четком согласовании с работой всей организации и его подразделения. Эти позиции являются своего рода индикатором управления эффективностью предприятия, на которые оказывают существенное влияние различные области управления.

Эффективность управления предприятием как экономическая категория первична по сравнению с управлением эффективностью предприятий, поскольку процесс управления строится над уже определенной категорией эффективности самого предприятия (организации), тогда как в первом случае эту категорию (эффективность) только предстоит определить, выявить и охарактеризовать. Кроме того, процесс управления развивает эффективность в качестве экономической категории, позволяя управленцу (собственнику, акционеру, топ-менеджеру) планировать, прогнозировать и реализовывать различные формы и варианты функционирования организации (предприятия). Управление эффективностью организации (предприятия) включает в себя внешние и внутренние процессы управления, основанные на системности, функциональности, целенаправленности и синергичности управления эффективностью организационных структур, и неразрывно связана с тактическими и стратегическими методами планирования, управления и контроля исполнения поставленных целей и определенных задач. Эффективность предприятия должна определяться и в количественном (стоимостном), основанном на построенных в организации бюджетных процессах, и в качественном выражении, определенном сложившейся в организации корпоративной атмосферой, что в комплексе определяет и характеризует бизнес-модель конкретного предприятия (организации) и уровень эффективности управления им.

Библиографический список

1. *Бондаренко И.В.* Эффективность управления предприятием – ключевая задача менеджмента / И.В. Бондаренко // *Das Management*. 2010. № 5 (10–12). URL: <http://www.progressive-management.com.ua>
2. *Муллахметов Х.Ш.* Современные подходы и концепции в практике управления предприятием // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2011. № 6. С. 76–82.
3. *Коновалова Г.И.* Концептуальная модель сбалансированного управления промышленным предприятием // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2012. № 1. С. 113–118.
4. *Виханский О.С.* Стратегическое управление: учебник. 2-е изд, перераб. и доп. М., 2003.
5. *Кузык Б.Н.* Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

**E.G. Lipatov
Repressive Potential
of the Russian Federation
Administrative Legislation**

The author argues that the activities of officials of public authorities for bringing to responsibility are due not only to a committed offense, but also to the desire to demonstrate to the political leadership their loyalty and the proper understanding of the strategic objectives facing the state. The author proposes the classification of acts of management, adopted in violation of the law.

Key words and word-combinations: administrative offences, legislation on administrative offences, administrative responsibility, criminal responsibility.

Утверждается, что деятельность должностных лиц органов власти по привлечению к ответственности обуславливается не только совершенным правонарушением, но и стремлением продемонстрировать политическому руководству свою лояльность и правильное понимание стратегических задач, стоящих перед государством. Предлагается авторская классификация актов управления, принятых с нарушением закона.

Ключевые слова и словосочетания: административные правонарушения, законодательство об административных правонарушениях, административная ответственность, уголовная ответственность.

УДК 342.9
ББК 67.401.04

Э.Г. Липатов

**РЕПРЕССИВНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ
АДМИНИСТРАТИВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В общественном и профессиональном сознании зафиксировано, что охранительные нормы права содержат определенный репрессивный потенциал, так как основанием их реализации выступает правонарушение и их применение ведет к привлечению к ответственности. Наиболее выраженными формами закрепления охранительных норм выступают уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях. Однако далеко не всегда реализация данных норм превращается в политику государственной репрессии. Как правило, это характеризует крайнюю деформацию правоприменительной деятельности, в большинстве же случаев осуществление охранительных норм проходит в основанной на законе правоприменительной форме.

Важно определить условия, при которых происходит деформация всей процедуры обеспечения законности и правопорядка. Представляется, что репрессивный потенциал законодательства реализуется, когда правоприменительный механизм приводится в действие политической волей и становится средством решения государственных задач. В таком случае деятельность органов власти по привлечению к ответственности обусловлена не только совершенным правонарушением, но и стремлением продемонстрировать политическому руководству свою лояльность и правильное по-

нимание стратегических задач, стоящих перед государством. Рассмотрение дел превращается в политическую кампанию, в которой виновные известны заранее. Юридические критерии правоприменительной процедуры утрачивают в этой ситуации свое самостоятельное значение и становятся лишь формальными условиями, которые необходимо соблюсти для привлечения к ответственности заранее указанных «сверху» субъектов. Зачастую политическое руководство страны или региона обеспокоенное состоянием дел в той или иной области, выражает недовольство работой органов надзора или их бездействием. Как правило, реакция компетентных органов не заставляет себя ждать. Быстро возбуждаются уголовные или административные дела, начинается лихорадочный поиск виновных, происходит рассмотрение дел без учета их существа. Разумеется, недовольство государственного руководства основано на существующих социальных проблемах и ставит благие цели, но превращенная в «аврал» сложная процедура рассмотрения дела, умноженная на традиционное для чиновничества желание услужить и «откликнуться на вызовы времени», делает привлечение к ответственности репрессией.

В данном аспекте наиболее уязвимо для репрессивного использования законодательство об административных правонарушениях. Если уголовно-правовые механизмы достаточно подробно регламентированы и не позволяют вольного обращения с ними, то нормативным основанием привлечения к административной ответственности выступает объемное, сложное и противоречивое законодательство, что облегчает процедуру использования административно-правовых норм в целях исполнения политического заказа. Кроме того, отсутствие единой практики привлечения к административной ответственности, ее региональная дифференциация становятся благодатным полем для такого рассмотрения, которое более отвечает интересам политического руководства, а не задач правосудия.

Одним из ярких примеров проявления репрессивного характера административного законодательства стала проблема привлечения к административной ответственности руководителей государственных и муниципальных учреждений. Во многих случаях эти чиновники привлекаются к административной ответственности при полном отсутствии вины.

Вина (субъективная сторона) правонарушения — необходимый элемент состава правонарушения. Без вины не может быть правонарушения. Ее установление является обязанностью органов, рассматривающих дело. Однако само понятие вины, предусмотренное Кодексом РФ об административных правонарушениях, представляется не совсем удачным. В ст. 2.2 «Формы вины» устанавливается следующее:

1. Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично.

2. Административное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть [1].

Указанная конструкция в значительной степени воспроизводит концепцию вины в уголовном праве. При этом законодателем не в полной мере учитывается различный характер административного правонарушения и преступления. Нормы права, содержащие составы преступлений, по своей природе являются запрещающими. Они нацелены на то, чтобы субъекты права соблюдали законодательство, не нарушали его. Этот вид реализации права предусматривает пассивную форму отказа от правонарушения. В свою очередь, нормы права, охраняемые административными санкциями, требуют активной формы реализации, являются обязывающими. Административная ответственность, в отличие от уголовной, требует от субъектов права не столько отказа от противоправного поведения, сколько активного и правильного исполнения актов управления. Об этом свидетельствуют и положения Кодекса РФ об административных правонарушениях, касающиеся ответственности должностных лиц. В нем установлено, что административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

Предусмотренные административным законодательством формы вины подразумевают только умысел или неосторожность, однако то понятие вины, которое приемлемо для характеристики преступления, недостаточно для оценки административного правонарушения. Законодатель обходит вопрос о возможности должностных лиц исполнять свои обязанности, тем не менее он принципиален при оценке виновности привлекаемого лица, так как данная возможность часто зависит не от самих привлекаемых к ответственности должностных лиц, а от вышестоящих органов власти. Ведь если на руководителя государственного (муниципального) учреждения возложили законодательством ту или иную обязанность, то ее исполнение должно быть обеспечено материальными ресурсами, а этого очень часто и не бывает. У должностного лица нет материальных средств исполнить возложенную законом обязанность, но формально он несет ответственность за ее неисполнение. Складывается ситуация, когда руководители учреждений государственного и муниципального сектора привлекаются к ответственности в соответствии с принципом объективного вменения, без вины. Уполномоченные органы иногда признают невиновными тех должностных лиц, кто не был обеспечен материальными возможностями для исполнения установленных законом обязанностей. Но эта «либеральная» неопределенность немедленно завершается, когда «сверху» поступает «заказ» на принципиальность и требовательность. Бесконечная череда катастроф (пожаров, взрывов, отравлений), вызванных неисполнением различными хозяйствующими субъектами законодательства, оправдывает такое давление на судебные и административные органы. Щедро «раздаются» астрономические штрафы, при этом никто не интересуется, выделены ли государством средства на исполнение предписаний закона, за неисполнение которого руководителя учреждения привлекают к административной ответственности. Все это — характерная черта бюрократически организованного авторитарного общества. Неопределенность понятия вины в административном законодательстве усиливает роль усмотрения уполномоченных органов, провоцирует коррупцию в публичных учреждениях, обеспечивает личную зависимость руководителей учреждений от руководства публичных образований.

Подобной ситуации можно было бы избежать, дав дополнительную редакцию понятия вины в административном законодательстве. Определение умысла следовало бы дополнить положением о том, что административное правонарушение признается совершенным умышленно, если субъект обладал возможностью исполнить возложенные на него обязанности. Такая корректировка обеспечила бы более справедливый характер привлечения к административной ответственности руководителей государственных (муниципальных) учреждений и избавила бы их от личной зависимости от руководства исполнительной власти.

Еще одной серьезной проблемой стало отсутствие четких критериев разграничения административных и уголовных правонарушений. Так, объективную сторону многих административных правонарушений составляет несоблюдение должностными лицами управленческих правил, исполнение которых является их обязанностью. Вместе с тем в ст. 293 УК РФ «Халатность» определяется данный уголовный состав как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Практически данный состав отличается от множества административных правонарушений лишь общей характеристикой вредных последствий: «крупный ущерб или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». При этом данная характеристика не получила полного и законченного толкования, кроме денежного эквивалента крупного ущерба. Понятие «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» является единственным последствием еще одного уголовного состава — «превышение должностных полномочий» (ст. 286 ч. 1 УК РФ) [2]. Официальное толкование этого понятия превратилось в дискреционное полномочие правоохранительных органов, что породило последствия двух видов.

Во-первых, появилась возможность привлекать к уголовной ответственности за халатность либо за превышение должностных полномочий практически любое должностное лицо, принявшее с нарушением какой-либо акт управления, даже в том случае, если отсутствуют выраженные вредные последствия. Это облегчается обстоятельством, что в данных преступлениях отсутствует признак личной заинтересованности, личный мотив. Все перечисленное позволяет оценивать обычный должностной проступок (нарушение административного законодательства) без личного мотива и четко определенных последствий как преступление против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Учитывая сложность административного законодательства, противоречивость управленческих норм, отсутствие единства их правильного понимания, субъектом уголовного преследования может стать практически любое должностное лицо, принявшее дефектный управленческий акт. Имеется много свидетельств того, как неопределенность указанных составов позволяет использовать их для сведения счетов и административного давления.

Во-вторых, появилась возможность в ходе производства по делам об административных правонарушениях изменять статус данных дел, переводя их в разряд уголовных. Достаточно часто то или иное дело возбуждается как административное, а завершается в качестве уголовного. Подобная динамика не всегда обоснована интересами правосудия. В последние годы руководители государства выражали обеспокоенность по поводу эффективности размещения государственных и муниципальных заказов. Данная критика основывалась на информации об увеличении коррупции в области размещения государственного или муниципального заказа. Отклик правоохранительных органов на руководящую критику выразился в том, что, не имея возможности или необходимого профессионального уровня доказать коррупционную составляющую в делах, касающихся размещения заказов, они в авральном порядке стали пытаться привлекать к ответственности должностных лиц заказчиков за любые нарушения правил размещения заказов по статье «Халатность» либо «Превышение должностных полномочий». Фактически шел процесс превращения дел об административных правонарушениях в уголовные, что можно охарактеризовать как репрессивную политику по решению задач, поставленных политическим руководством. Все это еще более дискредитировало процесс уголовного преследования, а поставленные цели не были достигнуты [3].

Оптимизировать порядок привлечения к ответственности за нарушение административных норм можно было бы, классифицировав дефектные акты управления (как форму ненадлежащего исполнения обязанностей должностными лицами) на основании правовых средств воздействия на них:

1. Акты, которые могут быть обжалованы только физическими или юридическими лицами, чьи права были нарушены. Сами по себе нарушения порядка принятия данных актов не являются основанием их отмены, они порождают права и обязанности лиц на их обжалование.

2. Акты, принятые должностными лицами при осуществлении организационно-распорядительных полномочий, могут быть обжалованы как физическими и юридическими лицами, так и уполномоченными органами власти. Данный вид актов является объектом контроля и надзора органов исполнительной власти. Принятие указанных актов порождает административную ответственность должностных лиц.

3. Акты, принятые при осуществлении властных полномочий, порождают «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» и влекут уголовное преследование в порядке ст. 286 и 293.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/koap/>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>
3. Липатов Э.Г. Законодательство РФ об административных правонарушениях как способ репрессивного воздействия на общество // Актуальные вопросы публичного права. 2013. № 9 (21). С. 74–79.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

A.N. Neverov
Visiting Session of the Scientific
Seminar of the Institute
of Economics, RAS “Institutional
Theory and Its Applications”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
October 17–18, 2013)

А.Н. Неверов

**ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА
ИНСТИТУТА
ЭКОНОМИКИ РАН
«ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ
И ЕЕ ПРИЛОЖЕНИЯ»
(Саратов, Поволжский
институт управления
имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте
Российской Федерации,
17–18 октября 2013 г.)**

На протяжении всего 2013 г. в стране активно обсуждается вопрос, связанный с резким падением темпов роста экономики России и высокой долговой нагрузкой регионов. К сожалению, серьезная проблема с объемом долговых обязательств и у Саратовской области. В то же время исполнение майских указов Президента РФ В.В. Путина — это обязательное условие суверенного развития России. Именно последний тезис и стал основным в рамках прошедшего в середине октября 2013 г. в

Саратове, выездного заседания научного семинара Института экономики РАН «Институциональная теория и ее приложения». Данное, уникальное для региональной науки, мероприятие прошло на базе Поволжского института управления им. П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Активную поддержку в организации мероприятия оказал Саратовский научный центр РАН.

Основной темой обсуждения стали проблемы институционально-финансового развития экономики регионов РФ. Актуальность рассмотрения этого вопроса связана с необходимостью поиска путей и научно обоснованных решений по обеспечению курса региональной экономики на восстановление технологических цепочек и инновационное развитие. Более десяти лет назад академик Л.И. Абалкин высказал справедливое мнение о том, что любой другой путь — это путь не для России в ее нынешних границах.

В мероприятии приняли участие более пятидесяти ученых из различных научных и образовательных учреждений, а также представители ГУ ЦБ РФ по Саратовской области, различных министерств и ведомств Правительства Саратовской области, молодые ученые, магистранты и аспиранты. Выездное заседание семинара в Саратове стало первым подобным мероприятием академических институтов в регионах РФ.

Семинар «Институциональная теория и ее приложения» создан весной 2013 г. на базе двух научных направлений «Экономическая политика» (руководитель — чл.-корр. РАН Д.Е. Сорокин) и «Институты современной экономики и инновационного развития» (руководитель — проф. А.Е. Городецкий). В работе данного семинара, который проводится ежемесячно, принимают участие ведущие специалисты Российской академии наук и Высшей школы, отечественные и зарубежные экономисты, известные своими исследованиями в данном и сопряженных направлениях экономической науки. В постоянный состав семинара вошли два представителя саратовского научного сообщества — профессор В.А. Русановский и директор Центра психолого-экономических исследований СНИЦ РАН, в настоящее время функционирующего на базе Поволжского института управления им. П.А. Столыпина, А.Н. Неверов.

Весной 2013 г. были проведены три заседания семинара, на которых представлены пять докладов ведущих специалистов в области институциональной теории и в смежных направлениях науки. В работе семинара приняли участие и выступили с докладами исследователи из Волгограда, Саратова, Москвы, Ростова-на-Дону — представители вузовской (ВолГУ, СГСЭУ, ЮФУ, ФУ РФ, ГУУ) и академической (ИЭ РАН, ЦЭМИ РАН) науки.

В рамках семинара 17 октября состоялось пленарное заседание. 18 октября прошли публичные лекции ведущих ученых Института экономики РАН и презентация монографии профессора О.С. Сухарева «Приватизация, национализация и экономическая реформа». Особый акцент был сделан на вопросах финансово-институционального оздоровления регионов европейской части России.

Открыл пленарное заседание директор Поволжского института управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС профессор, доктор исторических наук Д.Ф. Аяцков. Заместитель председателя Правительства Саратовской области П.В. Большеданов отметил, что данное мероприятие имеет самое актуальное значение в

свете тех вопросов, которые сейчас стоят перед регионами. В частности, пока нет научного решения вопроса перехода от доминирования рентных доходов к инновационному пути развития, региональные власти ждут конкретных предложений по модернизации экономики с учетом своеобразия каждого региона.

В приветственном слове заместителя председателя Президиума Саратовского научного центра РАН И.В. Саунина было отмечено, что Саратовская область сумела сохранить основной академический научный потенциал, в области реализуется целый ряд совместных академических и вузовских проектов и проводимый семинар только подтверждает этот факт.

Основными докладчиками выступили член-корреспондент РАН, профессор Д.Е. Сорокин, профессор О.С. Сухарев, профессор А.Н. Неверов.

Доклад первого заместителя директора Института экономики РАН члена-корреспондента РАН Дмитрия Евгеньевича Сорокина был посвящен анализу макроэкономической динамики в России за последние годы. Крайне важным в контексте понимания происходящих и будущих процессов в нашей стране стал вывод о переходе России к третьему вектору экономического роста, тесно связанному с исчерпанием запаса восстановительного роста и сырьевых источников экономического развития. В качестве основной рекомендации для оптимизации экономической политики была предложена стратегия реиндустриализации.

Определенным развитием и конкретизацией для регионального уровня стал доклад ведущего научного сотрудника Института экономики РАН, руководителя научного семинара Олега Сергеевича Сухарева. В рамках доклада была обоснована необходимость восстановления базовых технологических цепочек, а также на основе уникального статистического материала показана утрата большей части данных цепочек в 1990-х годах. В дальнейшем были продемонстрированы возможности применения теории экономической дисфункции как оптимизации экономического развития субъектов РФ.

В докладе директора Центра психолого-экономических исследований СНГ РАН, и.о. заведующего кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы Поволжского института управления им. П.А. Столыпина Александра Николаевича Неверова была поставлена проблема адаптивности экономических агентов. К сожалению, большинство существующих моделей как поведенческой экономической теории, так и институциональной теории данный параметр не включают. На основе анализа существующей практики реформирования в России докладчик постарался продемонстрировать, как темп и качество институциональных изменений влияют на эффективность функционирования экономики. Так, с 1988 г. по настоящее время в стране происходит постоянное изменение системы формальных институтов, приобретающее уже перманентный характер. Ряд институциональных изменений имеют необратимый характер. Сюда следует отнести переход от планово-административной системы к квазирыночной, трансформация институциональной среды рынка труда и т.д. Несколько институциональных изменений, как в случае с реформой военного ведомства и частично в системе образования, носят обратимый характер. Здесь введение кардинальных институциональных инноваций, кажущееся резкой сменой правил игры, имеющей долгосрочный характер, на практике отменяется при смене руководящих лиц того или иного министерства. При этом институ-

циональная обратимость не означает возврата системы в прежний режим функционирования. Вся означенная совокупность изменений полностью подтверждает тезис, согласно которому институциональное изменение в сфере формальных институтов, предоставленное одному агенту, в большинстве случаев (но не всегда) автоматически меняет условия хозяйствования для всех агентов данного класса или сектора экономики. В то же время распространение формальных институтов на другие группы и секторы экономики, да и просто на другие группы агентов, всегда требует существенных затрат со стороны власти. Более того, в каждом конкретном случае возникают дополнительные издержки, связанные как обеспечением действия новых институтов, так и с сопротивлением инновациям большинства экономических агентов.

Каждый из докладов вызвал огромный интерес, что проявилось в большом количестве вопросов от представителей и научного и преподавательского сообщества, и министерств Саратовской области и ГУ ЦБ по Саратовской области.

Второй день семинара был посвящен публичным лекциям ученых из Института экономики РАН для магистрантов, аспирантов и молодых ученых Поволжского института управления им. П.А. Столыпина. Молодые ученые и начинающие свой путь в науке учащиеся смогли напрямую пообщаться с одними из ведущих экспертов в сфере обеспечения экономической политики России.

T.V. Kashanina
Monograph Review:
Interaction between Civil Society
and the State in Russia:
Legal Dimension /
college of authors;
ed. by O.I. Tsybulevskaya. –
Saratov: Stolypin Volga Region
Institute of Administration,
2013. – 404 pp.

Т.В. Кашанина

**РЕЦЕНЗИЯ НА
МОНОГРАФИЮ:**

**Взаимодействие гражданского
общества и государства
в России: правовое измерение /
кол. авт.; под ред.
О.И. Цыбулевской. – Саратов:
Поволжский институт
управления
им. П.А. Столыпина,
2013. – 404 с.**

Издание монографий в наше время — явление не частое. В связи с этим выход фундаментальной книги, посвященной гражданскому обществу и его взаимодействию с

государством, — радостное событие. Авторами книги стали ученые вузов Поволжья, но не только.

«Научным отцом» этих ученых, так или иначе, является доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего образования России *Николай Игнатьевич Матузов*. Именно в честь его 85-летия и написана данная книга учениками, составляющими костяк его научной школы права, среди них доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ заведующий кафедрой теории права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина О.И. Цыбулевская, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ директор Саратовского филиала ИГНАН РАН А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ проректор по научной работе МГЮА им. О.Е. Кутафина В.Н. Синюков. Регалии этих авторов перечислены столь подробно, чтобы подчеркнуть, что Н.И. Матузов готовит специалистов высшей пробы, которые способны встать вровень с ним и продолжить его дело.

Очерк о научном пути юбиляра, замещающий в предисловие, структурирован хронологически, в нем удалось избежать пафоса, напыщенности и словословия, что вызывает большое доверие. Перечисляются наиболее важные из научных работ Н.И. Матузова (всего же их свыше 200), а также раскрываются главные научные идеи, выдвинутые и обоснованные. Представителен уже сам перечень разработанных им вопросов: субъективное право и его структура; законные интересы личности; юридические обязанности и их роль в правовом регулировании; правовой статус и его разновидности; правовая система и ее составляющие; концепция общерегулятивных правоотношений; правовой нигилизм и правовой идеализм; принцип «не запрещенное законом дозволено»; правовая политика; взаимодействие права и морали; право как мера юридической свободы и ответственности; юридические коллизии; гражданское общество и его соотношение с государством.

При этом Н.И. Матузов двадцать лет находился на административной работе в Саратовском юридическом институте (в настоящее время СПЮА), сначала в качестве декана, а затем проректора. Созданное им в науке следует рассматривать как подвижничество, так как все это приходилось делать за пределами жесткого рабочего дня, который существует у деканов и проректоров, то есть за счет личного свободного времени. Далеко не всякий человек на этот способен.

Книга фундаментальна не только по объему, но и, что важнее, по содержанию. В ней представлены результаты многолетних исследований ученых, благодаря чему она получилась насыщенной новыми идеями и подходами.

Несмотря на то что круг авторов достаточно широк (35 ученых предоставили свои научные материалы), тематика монографии едина и неделима, то есть все ее части работают на заявленную в названии тему. Это дало возможность раскрыть проблему взаимосвязи гражданского общества и государства полно и всесторонне. Маловероятно, что в ближайшие годы кто-либо из юристов прикоснется к рассмотренной тематике: пространство «зачищено», нужно ждать накопления новых данных об объективной реальности и, соответственно, последующего ее научного осмысления.

Монография имеет довольно четкую структуру и делится на два раздела: первый — «Теоретико-правовые аспекты взаимодействия гражданского общества и государства»; второй — «Правовая институционализация гражданского общества» посвящен отдельным институтам гражданского общества (личность, бизнес, церковь, местное самоуправление, общественные объединения, адвокатура, нотариат, семья, система образования, благотворительные организации).

Особый интерес у автора данной рецензии вызвали те параграфы и идеи, в них изложенные, которые отражают его собственные научные пристрастия. Это не значит, что другие материалы книги не вызвали заинтересованности, но объем рецензии, ограничен.

1. *Понимание гражданского общества (автор. О.И. Цыбулевская)*. Справедливо подчеркивается (параграфы 1.1 и 1.2), что понятие гражданского общества еще не устоялось. Выбрав наиболее существенное из множества определенных, автор трактует его как *систему отношений, в которой участвуют индивиды, свободно объединившиеся в добровольные ассоциации для удовлетворения своих потребностей*. Главное назначение этих ассоциаций — быть передаточным звеном между сферой власти и частной жизнью граждан.

Определять термин «гражданское общество» так, как это делали много лет назад первые его исследователи (Макиавелли, Гроций, Гоббс, Кант, Гегель и др.), в настоящее время уже нельзя. Пришло понимание того, что оно на самом деле не столь автономно от государства, как хотелось бы. Оно контактирует с государством непосредственно, отстаивая интересы граждан, и этот контакт будет приносить плоды с большим успехом, когда не будет носить резко конфронтационного характера. О.И. Цыбулевская подчеркивает, что государство все же должно ненавязчиво «причесывать» гражданское общество, чтобы социальный организм не пошел «вразнос». Функция государства, например, запрещать националистические партии, бороться с экстремистскими организациями и т.п.

Однако если эту идею автора, правильную по сути, примерить на российскую действительность, то мы увидим, что она разбивается «в пух и прах»: Российское государство пока далеко не всегда рассматривает гражданское общество как равного партнера и допускает во взаимоотношениях с ним злоупотребления двоякого рода. С одной стороны, государство может открыто игнорировать общественные требования, до сих пор считая народ ведомым звеном, которому крайне нужна его опека. К примеру, сбор подписей в Интернете в количестве более 100 тыс. за отмену (или принятие) того или иного закона не производит никакого впечатления на властвующих субъектов. Более того, часто государство противодействует созданию и оформлению элементов гражданского общества. Так, если оппозиционным политическим партиям не удастся зарегистрироваться и с третьего раза (Республиканская партия В. Рыжкова была зарегистрирована только после вынесения решения Европейского суда), то правительственной партии «Народный альянс» под руководством А. Богданова удалось это сделать за один день.

С другой стороны, государство может применять тактику «удушения в своих объятиях». Когда пришло понимание того, что партийное строительство

больше невозможно сдерживать, была принята норма права, допускающая регистрацию политических партий при наличии всего лишь 500 членов. В результате произошло обесценивание партийного движения.

Одним словом, России еще предстоит наладить диалог между гражданским обществом и государством. Как часто бывает, теория идет впереди социальной практики. Однако если бы не было теоретического осмысления взаимоотношений гражданского общества и государства, то и реформирование социальной практики носило бы спонтанный и далеко не всегда эффективный характер.

2. *Правовая основа гражданского общества (авторы А.В. Малько и К.А. Струсь)*. В параграфе 1.3 затрагиваются множество вопросов, посвященных гражданскому обществу: его сущностные черты (главные из которых — свобода и открытость), структура (состоит из 4 звеньев) и собственно правовая основа гражданского общества. Авторы определяют ее как *систему правовых актов, создающих с помощью принципов и иных юридических средств базу для функционирования институтов гражданского общества*.

Справедливо считая Конституцию РФ правовым фундаментом гражданского общества, они предлагают ее дополнить разделом «Гражданское общество». Там же должны, помимо определения гражданского общества, в отдельных главах раскрываться следующие его основы: собственность, труд, предпринимательство; общественные и религиозные объединения; воспитание, образование, наука и культура; семья; СМИ; органы местного самоуправления; общественная палата.

Это предложение, на наш взгляд, довольно спорно.

Дело в том, что конституцию считают, и справедливо, договором между обществом и государственной властью. Суть же этого договора состоит, с одной стороны, в закреплении тех целей, ради которых народ отдает власти часть своей свободы, с другой стороны, в указании властных органов, которым и поручается проводить деятельность по реализации этих целей. Таким образом, субъектами конституционного отношения являются народ (правомочный субъект) и государственная власть (обязанный субъект). Как видно, между субъектами существуют в определенном роде иерархические отношения.

По такому принципу построена и Конституция РФ. В главе 1 создан образ государства (его характеристика, или основы государственного строя), в котором российский народ хотел бы проживать, а в главе 2 перечислены права и свободы человека и гражданина, которые, по мнению граждан, позволяют жить в обществе достойно. В последующих главах Конституции идет прорисовка структуры власти и ее компетенции.

Авторы, предлагая ввести главу о гражданском обществе, тем самым призывают усилить характеристику правомочной стороны. Но не лучше ли обратить более пристальное внимание на обязанную сторону, тем более социальный опыт показывает, что государственная власть склонна злоупотреблять данными ей полномочиями? Анализ конституционного развития стран Западной Европы свидетельствует: изменения в конституциях, если и производятся, то с одной целью — ограничить государственную власть и обезопасить общество от ее своеволия.

Существует и другая опасность: в случае принятия предложения авторов о детальной характеристике гражданского общества в Конституции, привнесение в нее такого рода норм (констатирующих, а не обязывающих), сделает ее похожей на научный трактат, и снизит ее действенность, которая и так пока неидеальна.

3. *Правовая система российского общества* (авторы В.Н. Синюков и Т.В. Синюкова). В качестве основы для рассуждений о российской правовой системе, авторы взяли ее структурную характеристику. Структурными элементами правовой системы являются законодательство, юридическая практика, правовая идеология, а также юристы и юридические корпорации, которые создают и обслуживают правовые институты.

Определяя векторы правового развития России, авторы прежде всего задались целью выявить местоположение современной правовой системы страны на юридической карте мира. Здесь они представили читателю далеко не плоскую картину юридического мира, и даже не в формате 3D. Получилась картина, условно выражаясь, в формате 5D.

Авторы постарались выявить и использовать все возможные критерии типологии правовых семей: культурологический (прежде всего правовая культура); правовая традиция (исторический способ формирования народного правосознания); правовой стиль (особое сочетание юридических и иных смежных средств регулирования); социально-экономический, или формационный; географический (основанный на дихотомии «Запад — Восток»).

В результате они пришли к выводу: на юридической карте мира отчетливо выделяется славянская правовая семья, центр которой — российская правовая система. Эту мысль В.Н. Синюков проводит уже много лет (см. его монографию «Российская правовая система», выдержавшую несколько изданий). В статье же, помещенной в юбилейный сборник, аргументация относительно славянской правовой семьи усилена. В связи с этим, думается, число сторонников данной точки зрения возрастет.

Действительно, славянская правовая семья и российская правовая система в ее составе имеют специфику. В качестве специфических особенностей авторы называют антирационализм, антиформализм правового мышления, слитность права и морали в обыденной жизни, правосудие с учетом личного положения сторон, ориентированного на примирение между ними, отсутствие автономии профессиональной юридической корпорации и другие. Однако возникает вопрос: чем обусловлены данные особенности? Вероятно, они объективно заданы и связаны со степенью развития народов, зависящей, в свою очередь, от условий их проживания. Такая особенность как антирационализм также была свойственна европейцам, судя по инквизиционным кострам, которые пылали по всей Европе в Средние века. Но развитие сознания народов европейских стран постепенно позволило перейти к рациональному осмыслению и в правовой сфере. Конечно, им было легче развиваться, поскольку, проживая в умеренном климате, люди могли заниматься сельскохозяйственным производством почти круглый год. Это давало весомый прирост материальных благ, часть которых можно было пустить и на развитие человеческого фактора. Кроме того, евро-

пейцам не нужно было значительную часть создаваемых благ тратить на создание приемлемых для себя условий жизни, например, строить сберегающие тепло жилища, их обогревать и т.п. Таким образом, жесткие природно-климатические условия определяют многие из указанных черт славянской правовой семьи.

Тогда следует другой вопрос, являются ли особенности российской правовой системы раз и навсегда данными? Вряд ли здесь стоит рассуждать фаталистически. С развитием общества увеличивается интеллектуальный потенциал, что обуславливает использование новых, более эффективных технологий (глобализация многократно этому способствует), позволяющих создавать большее количество благ и ускорить развитие народа.

Авторы, специально не затрагивая вопрос о причинах, с которыми связана специфика российской правовой системы, возможно, именно это и имели в виду, делая свой вывод о неизбежной ее интеграции в мировое правовое пространство.

**We Present the Crisis
Management Chair of Stolypin
Volga Region Institute
of Administration of the Russian
Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration**

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
АНТИКРИЗИСНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
Поволжского института
управления
имени П.А. Столыпина —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ**

Кафедра антикризисного управления создана 1 июля 2005 г. Со дня основания возглавляет кафедру заведующий Вадим Игоревич Малый — доктор социологических наук, профессор, эксперт НОУ «Академия менеджмента инноваций» (г. Москва), член комиссии ИСПИ РАН по развитию в регионах программ приоритетных национальных проектов.

Стратегическая цель развития кафедры антикризисного управления обозначена как всемерное совершенствование и повышение качества учебного процесса на основе модернизации и инновационного развития обра-

зовательной, учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы подразделения, направленные на формирование ключевых компетенций и эффективное включение выпускников в сферу профессиональной деятельности.

С 2005 г. кафедра антикризисного управления является выпускающей кафедрой по специальностям: «Антикризисное управление», «Экономика и управление на предприятии (операции с недвижимым имуществом)». В 2011 г. был осуществлен первый набор по направлению подготовки бакалавров «Экономика». С 2011 г. ведется подготовка дипломированных специалистов по основной профессиональной образовательной программе по специальности «Земельно-имущественные отношения» на факультете среднего профессионального образования.

Кафедра антикризисного управления обеспечивает учебный процесс по направлению подготовки магистров «Менеджмент» магистерской программы «Менеджмент недвижимости». В 2013 г. утверждена основная образовательная программа и осуществлен первый набор на специальность «Экономическая безопасность».

На кафедре антикризисного управления ведется научно-исследовательская работа в рамках научного направления «Совершенствование управления социально-экономическими системами в условиях модернизации экономики». В основу научных изысканий положена концепция «тройной спирали», проводятся исследования современным проблемам науки, инноваций и производства; вопросам инновационных технологий в управлении социально-экономическими системами; региональной инновационной и инвестиционной политики; российских моногородов: тенденций и перспектив развития; оценки качества управления устойчивым развитием социально-экономических систем. Кроме того, в сферу интересов входят совершенствование управления стратегическими изменениями в социально-экономических системах; управление занятостью молодежи и поддержка молодежного предпринимательства в регионе; комплексная безопасность социально-экономических систем; формирование эффективного механизма управления социально-экономическими системами в условиях модернизации экономики и усиления взаимодействия государства, гражданского общества и бизнеса.

За 2008–2013 гг. по кафедре антикризисного управления был выполнен ряд прикладных исследований и разработок: грант «Развитие ТЭК России: социальные и экологические последствия и перспективы» по заказу Томского МИОН при Томском госуниверситете, грант «Российские моногорода: конструирование социально-экономических перспектив» по заказу Екатеринбургского МИОН при Уральском госуниверситете, грант «Университет и местное сообщество. Возможности инновационного развития территории» по заказу Томского МИОН при Томском госуниверситете.

Заведующий кафедрой профессор В.И. Малый принимал участие в подготовке аналитического отчета «Республиканская программа «Социальные и экологические аспекты развития энергетической отрасли Республики Калмыкии», 2010–2012» по заказу административно-территориального образования с особым статусом «Сити Чесс» (Калмыкия, РФ). По заказу Федерального агентства

по науке и инновациям и Академии народного хозяйства при Правительстве РФ выполнена научная работа «Научно-организационное, методическое и техническое обеспечение организации и поддержка научно-образовательных центров в области управления качеством и осуществление на основе комплексного использования материально-технических и кадровых возможностей совместных исследований и разработок».

Профессор кафедры В.И. Попюк принимала участие в подготовке и реализации научно-исследовательских работ по заказу Министерства сельского хозяйства РФ: «Разработка модели регулирования занятости молодежи в сельской местности Саратовской области», «Проведение исследований и разработка рекомендаций по созданию и сохранению рабочих мест, включая несельскохозяйственные виды деятельности», «Проведение исследований и разработка рекомендаций по применению методов аутсорсинга на предприятиях АПК».

Актуальность исследований заключается в приоритетности решения задач инновационного развития, модернизации, роста научно-производственного потенциала, повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности Саратовской области и г. Саратова, обеспечения занятости и качества жизни населения, а также дальнейшего развития эффективного взаимодействия государства, гражданского общества и бизнеса.

Цель научно-исследовательской работы состоит в исследовании проблем управления социально-экономическими системами и выработки обоснованных предложений по совершенствованию механизма управления социально-экономическими системами на основе инновационного подхода и эффективного взаимодействия государства, гражданского общества и бизнеса. Основные результаты исследований выражаются в выработке обоснованных рекомендаций и предложений в области:

- формирования эффективного механизма управления социально-экономическими системами в условиях модернизации экономики;
- использования инновационных технологий в управлении социально-экономическими системами;
- обеспечения устойчивого развития моногородов в регионе;
- совершенствования управления стратегическими изменениями в макро- и микроэкономических системах на основе инновационного, ресурсного, проектного подходов;
- улучшения методологии и методики оценки качества управления развитием социально-экономических систем;
- совершенствования управления инновационными и инвестиционными процессами в Саратовской области и Поволжском регионе;
- повышения качества управления занятостью молодежи, поддержки развития семейного и этнического предпринимательства в Саратовской области и Поволжском регионе;
- роста эффективности взаимодействия государства, образования и бизнеса в реализации инновационного подхода в управлении развитием социально-экономических систем.

В связи с этим важнейшие положения научных исследований, разрабатывае-

мые преподавателями, соискателями и аспирантами кафедры, направлены на одновременное повышение качества государственного регулирования региональных социально-экономических процессов и эффективности процессов рыночной саморегуляции и на формирование результативного механизма взаимодействия государства, общества и бизнеса в условиях модернизации экономики.

В разработках преподавателей, соискателей и аспирантов кафедры обоснованы приоритетные направления модернизации экономики региона и хозяйствующих субъектов; совершенствования государственного и муниципального управления, сочетающегося с механизмом обеспечения рыночной конкуренции; стимулирования экономического роста; улучшения управления социально-экономическими процессами в условиях формирования эффективного механизма взаимодействия государства, общества и бизнеса и другие вопросы. Проводимые научные исследования базируются на принципе соотношения экономической эффективности и социальной справедливости.

При проведении исследований комбинируются различные научные подходы в управлении социально-экономическими системами, хозяйствующими структурами, комплексами и образовательными учреждениями Саратовской области и Поволжского региона.

Кафедра антикризисного управления активно стимулирует участие своих сотрудников в повышении квалификации и стажировках. Так, доцент кафедры В.А. Буров в 2010 г. прошел курсы повышения квалификации по программе «Содержание и образовательные технологии программ повышения квалификации для менеджеров инновационной сферы» при Комиссии по организации подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет), в 2012 г. прошел курсы повышения квалификации по программе «Стратегии и инновации: от теории к практике» в Институте экономических стратегий (г. Москва); стажировку по программе «Техническая инвентаризация объектов недвижимости» в ГУП «Саратовское государственное бюро технической инвентаризации» (г. Саратов).

Новизна и практическая значимость проводимых исследований заключается в конкретных разработках преподавателей кафедры, публикациях научных результатов, выступлениях на научно-практических форумах, семинарах, конференциях, конкретных исследованиях преподавателей, аспирантов, соискателей и студентов по отдельным направлениям научных изысканий.

В 2011 г. доцент кафедры В.В. Гусев опубликовал монографию «Моногорода Саратовской области: социально-экономические и экологические перспективы глазами общества и элит». Сегодня день В.В. Гусев является автором более 20 научных статей, опубликованных в ведущих научных журналах, рецензируемых ВАК, включенных в РИНЦ.

Основные научные разработки преподавателей кафедры предназначены для практического применения в деятельности органов государственной и муниципальной власти, хозяйствующих структур, в учебном процессе, осуществлении консалтинговой деятельности.

Профессор кафедры Т.А. Стрельникова является профессиональным оцен-

щиком бизнеса, движимого и недвижимого имущества, членом конкурсной комиссии с целью проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Управления Росреестра по Саратовской области. Осуществляет деятельность в рамках Программы подготовки руководящих кадров для народного хозяйства страны «Менеджеры XXI века».

Особо следует отметить деятельность доцента кафедры С.А. Каменева, который проводит оценку всех видов прав собственности, является членом регулируемой организации оценщиков «СМАО», некоммерческого партнерства судебных экспертов «СУДЭКС», выступает судебным экспертом по экономике (коды 17.1 и 18.1) «СУДЭКС», г. Москва.

С 2013 г. профессорско-преподавательский состав приступил к реализации модели «тройной спирали» в рамках инновационного развития кафедры антикризисного управления. Большинство стран сегодня переходит к экономике знаний, когда ключевым фактором конкурентоспособности государства становятся новые знания и технологии. Роль высшего образования и университетов в построении инновационной экономики неоспорима. Именно вузы (университеты), ведущие исследования и разработки, становятся важнейшим ресурсом для наукоемкого производства. Таким образом, особую значимость приобретает научно-исследовательская деятельность кафедры антикризисного управления института в контексте взаимодействия вуза, власти и бизнеса.

Важнейшим результатом реализации модели «тройной спирали» является готовность и способность профессорско-преподавательского состава кафедры, аспирантов, магистров, студентов к саморазвитию, самосовершенствованию, самообразованию, самовоспитанию и самоменеджменту.

Кафедра вносит яркие элементы творчества в учебный процесс и студенческую жизнь. Преподаватели кафедры постоянно в поиске своих собственных, уникальных решений, способов и методов обучения, путей преодоления тех ограничений, которые возникают при последующем трудоустройстве молодых специалистов. Кафедра антикризисного управления в этих целях взаимодействует с организациями и предприятиями города Саратова и Саратовской области. Это такие крупные компании, как ОАО «Роберт Бош Саратов», ЗАО «Хенкель-Юг», ОАО «Трансмаш-Групп», ОАО «Саратовские обои», ОАО «Тролза», ЗАО «Галактика», ФГУП НПП «Алмаз», Мебельная фабрика «Мария», ОАО «Саратовские авиалинии», ООО «Саратовский резервуарный завод», филиал ФКП «Ростосцирк «Саратовский Госцирк», ЗАО «Аудиторский дом» и другие.

Руководители и специалисты этих компаний активно поддерживают начинания кафедры и принимают участие в подготовке специалистов, читая лекции, участвуя в круглых столах, научно-практических конференциях, работе государственных аттестационных комиссий; осуществляют рецензирование дипломных проектов. Главное, данные предприятия являются практическими базами для проведения выездных занятий со студентами и магистрами, проведения экскурсий и других мероприятий.

Использование выездных занятий и расширение связей с организациями и предприятиями в качестве инструмента обучения дают очень важный результат: повышение профессиональных навыков будущих специалистов, а также

возможность трудоустройства. При этом студенты приобретают опыт работы в команде, навыки выработки и обоснования рекомендаций, активно участвуют в процессе изменений, формируют новое отношение к процессу обучения.

В рамках «Лаборатории мониторинга и прогнозного моделирования» (руководитель — доцент В.А. Буров) инновационная деятельность преподавателей кафедры магистрантов, соискателей и студентов осуществляется по следующим основным направлениям: проведение мониторинга и комплексного анализа деятельности хозяйствующих структур области и региона; оценка деятельности бизнес-структур; подготовка аналитических докладов; информационных сообщений; осуществление консалтинговой деятельности; выполнение работ по заказу.

В настоящее время в научных разработках преподавателей акцент делается на исследование проблем, связанных с повышением эффективности реализации государственных антикризисных мер в регионе, разработкой и реализацией инновационных и инвестиционных программ, а также с формированием благоприятных условий для активизации научно-технической, инновационной и инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов, стимулирующих результативное и целенаправленное использование новых управленческих технологий в экономике Саратовской области и Поволжского региона.

В.И. Малый,

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой антикризисного управления
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина;*

В.И. Полюк,

*кандидат экономических наук,
профессор кафедры антикризисного управления
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина;*

В.Р. Купрева,

*ст. преподаватель кафедры антикризисного управления
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абидулин Алим Маратович — кандидат исторических наук, тюрколог, руководитель Центра турецкого языка и культуры Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: abidulinam@gmail.com

Барышная Наталия Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и права Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: socis64@gmail.com

Богомолов Михаил Валерьевич — аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: m-bogomolov@list.ru

Дурбек Бахтиерович Сайфуллаев — старший научный сотрудник Ташкентского государственного института востоковедения
e-mail: s.durbek@mail.ru

Иващенко Галина Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Башкирского государственного университета
e-mail: givnk@rambler.ru; ivglm@rambler.ru

Ильичев Александр Борисович — соискатель кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafhistory@pags.ru

Кашанина Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина
e-mail: kashanina@mail.ru

Колесникова Анна Владимировна — соискатель кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kolesnikova@pags.ru

Купреева Василина Рудольфовна — старший преподаватель кафедры антикризисного управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafantikriz@piuis.ru

Левченко Андрей Александрович — аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: levchenko55555@gmail.com

Липатов Эдуард Георгиевич — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и уголовного права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: eduard.lipatov2010@yandex.ru

Мальй Вадим Игоревич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой антикризисного управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: sreda@email.ru

Моисеева Екатерина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: moiseevaen@rambler.ru

Неверов Александр Николаевич — доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: psychecon@gmail.ru

Попюк Валентина Ивановна — кандидат экономических наук, профессор кафедры антикризисного управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafantikriz@pags.ru

Раевская Елена Александровна — аспирант кафедры менеджмента туристического бизнеса Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: eegerasimova@yandex.ru

Санжаревский Игорь Иванович — доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: sanzigor@yandex.ru

Степанов Аркадий Спартакович — аспирант кафедры маркетинга, внешне-торговой деятельности и учета на предприятиях Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: spart_2003@mail.ru

Стриганкова Елена Юрьевна — кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: English@pags.ru

Сухорукова Ольга Александровна — соискатель кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета
e-mail: osuhorukova@gmail.com

Тангалычева Румия Кямильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: rimma98@yahoo.com

Федоров Александр Григорьевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела и правовых дисциплин Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: fedorov.reg40@gmail.com

Фролова Светлана Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Червякова Ольга Владимировна — кандидат наук по государственному управлению, докторант кафедры регионального управления и местного самоуправления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, Харьковский региональный институт государственного управления
e-mail: Olga_2006@bigmir.net

Шакирова Елена Юрьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (филиал в г. Сызрань)
e-mail: 5526reu@mail.ru

Шахин Зульфия — кандидат филологических наук, преподаватель отделения русского языка и литературы кафедры западных языков и литературы Анкарского университета, г. Анкара, Турция
e-mail: zulfiya.sahin@yandex.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alim Maratovich Abidulin — Candidate of Sciences (History), turkologist, head of the Turkish Language and Culture Center, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

e-mail: abidulinam@gmail.com

Natalia Aleksandrovna Baryshnaya — Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Public Administration and Law Chair, Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: socis64@gmail.com

Mikhail Valerievich Bogomolov — post-graduate student of the Civil Law and Civil Procedure Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: m-bogomolov@list.ru

Bakhtieповich Sayfullaev Durbek — Senior Researcher, Tashkent State Institute of Oriental Studies

e-mail: s.durbek@mail.ru

Galina Mikhailovna Ivashchenko — Candidate of Science (Sociology), Docent of the Public Administration Chair, Bashkir State University

e-mail: givnk@rambler.ru; ivglm@rambler.ru

Alexander Borisovich Ilychev — competitor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kafhistory@pags.ru

Tatiana Vasilievna Kashanina — Doctor of Sciences (Law), Professor of the Theory of State and Law Chair, Moscow State Academy of Law named after O.E. Kutafin

e-mail: kashanina@mail.ru

Anna Vladimirovna Kolesnikova — competitor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kolesnikova@pags.ru

Vasilina Rudolfovna Kupreeva — Senior Lecturer of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafantikriz@piuis.ru

Andrey Aleksandrovich Levchenko — post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: levchenko55555@gmail.com

Eduard Georgievich Lipatov — Doctor of Science (Law), Docent, Head of the Administrative and Criminal Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: eduard.lipatov2010@yandex.ru

Vadim Igorevich Maly — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: sreda@email.ru

Ekaterina Nikolaevna Moiseeva — Docent of the Tourism Management Chair, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.
e-mail: moiseevaen@rambler.ru

Alexander Nikolaevich Neverov — Doctor of Sciences (Economics), Head of the Economic and Public Service Psychology Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: psychecon@gmail.ru

Valentina Ivanovna Popyuk — Candidate of Sciences (Economics), Professor of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kafantikriz@pags.ru

Elena Aleksandrovna Raevskaya — post-graduate student of the Tourism Management Chair, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.
e-mail: eegasimova@yandex.ru

Igor Ivanovich Sanzharevsky — Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Public Administration Chair, Tambov branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: sanzigor@yandex.ru

Arkady Spartakovich Stepanov — post-graduate student of the Marketing, Foreign Trade and Accounting Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: spart_2003@mail.ru

Elena Yurevna Strigankova — candidate of sciences (in Philosophy), Head of English Language Department of Stolypin Volga Region Institute
e-mail: English@pags.ru

Olga Aleksandrovna Sukhorukova — competitor of the Civil Law and Proceedings Chair, Voronezh State University
e-mail: osuhorukova@gmail.com

Rumiya Kamilievna Tangalycheva — Candidate of Sciences (Sociology), docent of the Sociology of Culture and Communication Chair, Sociology Department, Sankt-Petersburg State University
e-mail: rimma98@yahoo.com

Alexander Grigorievich Fedorov — Candidate of Sciences (Law), Docent, Head of the Customs Service and Law Disciplines Chair, Kaluga branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: fedorov.reg40@gmail.com

Svetlana Mikhailovna Frolova — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Olga Vladimirovna Chervyakova — Candidate of Science (Public Administration), doctoral student of the Regional Administration and Local Government Chair, National Academy of Public Administration under the President of Ukraine, Kharkiv Regional Institute of Public Administration
e-mail: Olga_2006@bigmir.net

Elena Yurievna Shakirova — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Chair of the Military Educational-Research Centre of Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin (branch in Syzran)
e-mail: 5526reu@mail.ru

Zulfiya Shakhin — Candidate of Sciences (Philology), lecturer of the Russian Language and Literature Division of the Western Languages and Literature Chair, Ankara University, Ankara, Turkey
e-mail: zulfiya.sahin@yandex.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Барышина Н.А.

Этнокультурное разнообразие в регионе: вызовы и ожидания 4

Санжаревский И.И.

К вопросу о концепциях сервисного и сильного государства
и современных модернизациях политического управления 9

Иващенко Г.М.

Методологические ограничения в организации подготовки кадров
для государственного и муниципального управления 16

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

24

Сайфуллаев Д.Б.

Информационное обеспечение внешней политики государства:
сравнительный анализ опыта России и США 24

Червякова О.В.

Трансформационные тенденции развития местного самоуправления
в условиях общественных изменений на Украине 29

Колесникова А.В.

Специфика территориального устройства многосоставного государства:
опыт современной Испании 32

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

37

Федоров А.Г.

Совершенствование правового регулирования мер государственного воздействия
на участников дорожного движения 37

Сухорукова О.А.

Управление конфликтами в гражданском судопроизводстве 42

Богомолов М.В.

Особенности современной классификации правового института
судебного (процессуального) представительства
в гражданском и арбитражном процессе 47

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

54

Стриганкова Е.Ю.

Социальная коммуникация
в формирующемся гражданском обществе 54

Тангальчева Р.К.

Теория структуризации Э. Гидденса как перспектива
социологического изучения межкультурной коммуникации 60

Раевская Е.А.

Роль наружной рекламы
в процессе конструирования символического пространства
российского провинциального города 66

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

74

Фролова С.М.

Город как пространство повседневного бытия 74

Шакирова Е.Ю.

Социокультурное пространство:
стабильность vs неопределенность 79

Шахин З., Абидулин А.М.

Зарождение феминистической идеологии
в женской классической литературе Турции 85

Моисеева Е.Н.

Литература о путешествиях
в колониальную эпоху как социокультурный феномен
(образ Полинезии в романах Пьера Лоти) 91

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

97

Ильичев А.Б.

Проблема идеологии в российском политическом дискурсе 97

Левченко А.А.

Отражение взаимодействия
политических партий и государства
в содержании предвыборных программ политических партий 103

Степанов А.С.

Анализ управления эффективностью предприятий 111

Липатов Э.Г.

Репрессивный потенциал
административного законодательства
Российской Федерации 117

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
122**

Неверов А.Н.

Выездное заседание научного семинара
Института экономики РАН «Институциональная теория и ее приложения»
(Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
17–18 октября 2013 г.) 122

Кашанина Т.В.

Рецензия на монографию:
Взаимодействие гражданского общества и государства
в России: правовое измерение / кол. авт.; под ред. О.И. Цыбулевской. —
Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина,
2013. — 404 с. 125

*Представляем кафедру антикризисного управления
Поволжского института управления имени П.А. Столыпина —
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ* 130

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
136**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

- Barysbnaya N.A.*
Ethno-Cultural Diversity in a Region: Challenges and Expectations 4
- Sanzharevsky I.I.*
To the Issue of the Service and Strong State Concepts and Modern Upgrades
of Political Governance 9
- Ivashchenko G.M.*
Methodological Limitations in Organizing
Staff Training for Public Administration 16

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

24

- Sayfullaev D.B.*
Information Support of Foreign Policy:
Comparative Analysis of the Experience of Russia and the USA 24
- Chervyakova O.V.*
Transformational Trends of Local Government Development
in Conditions of Community Changes in Ukraine 29
- Kolesnikova A.V.*
Specificity of the Territorial Structure of a Multicomponent State:
the Experience of Modern Spain 32

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

37

- Fedorov A.G.*
Improving Legal Regulation of State Corrective Measures Directed at Road Users .. 37
- Sukhorukova O.A.*
Conflicts Management in Civil Proceedings 42
- Bogomolov M.V.*
Features of Modern Classification of the Legal Institution of Legal (Procedural)
Representation in Civil and Arbitral Procedure of the Russian Federation 47

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

54

- Strigankova E.Yu.*
Social Communication in Forming Civil Society 54

<i>Tangalycheva R.K.</i>	Giddens's Structuration Theory as a Perspective for the Sociological Study of Intercultural Communication	60
<i>Raevskaya E.A.</i>	The Role of the Outdoor Advertising in the Process of Symbolic Space Design of a Russian Provincial Town	66

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

74

<i>Frolova S.M.</i>	The City as a Space of Daily Being	74
<i>Shakirova E.Yu.</i>	Social and Cultural Field: Stability vs Uncertainty	79
<i>Shakbin Z., Abidulin A.M.</i>	The Origin of Feminist Ideology in Female Classical Literature of Turkey	85
<i>Moiseeva E.N.</i>	Travel Literature in the Colonial Period as a Sociocultural Phenomenon (the Image of Polynesia in the Novels of Pierre Loti)	91

**PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW**

97

<i>Ilychev A.B.</i>	The Problem of Ideology in the Russian Political Discourse	97
<i>Levchenko A.A.</i>	The Reflection of the Interaction between Political Parties and the State in the Political Parties' Election Programs Content	103
<i>Stepanov A.S.</i>	Enterprises Efficiency Management Analysis	111
<i>Lipatov E.G.</i>	Repressive Potential of the Russian Federation Administrative Legislation	117

REVIEWS. SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE

122

<i>Neverov A.N.</i>	Visiting Session of the Scientific Seminar of the Institute of Economics, RAS "Institutional Theory and Its Applications" (Saratov, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, October 17–18, 2013)	122
<i>Kashatina T.V.</i>	Monograph Review: Interaction between Civil Society and the State in Russia: Legal Dimension / college of authors; ed. by O.I. Tsybulevskaya. — Saratov: Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2013. — 404 pp.	125
<i>We Present the Crisis Management Chair of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration</i>		130

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

139

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 1 (40)

Редакторы *Т.П. Иванова, О.Н. Чуманова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2014 г., п. № 861

Подписано к печати 27.02.2014 г. Формат 70x100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 11,93. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 500. Заказ 505.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>